

М. К. ДИТЕРИХСЪ.

УБІЙСТВО ЦАРСКОЙ СЕМЬИ И ЧЛЕНОВЪ ДОМА РОМАНОВЫХЪ НА УРАЛѢ.

ЧАСТЬ II.

МАТЕРІАЛЫ И МЫСЛИ.

ВЛАДИВОСТОКЪ.
1922.

М. К. ДИТЕРИХСЪ.

УБІЙСТВО ЦАРСКОЙ СЕМЬИ И ЧЛЕНОВЪ ДОМА РОМАНОВЫХЪ НА УРАЛѢ.

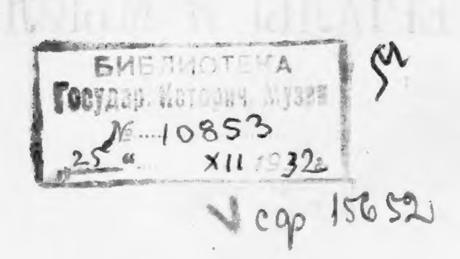
ЧАСТЬ II.

МАТЕРІАЛЫ И МЫСЛИ.

ВЛАДИВОСТОКЪ.
1922.

ТИПОГРАФІЯ ВОЕННОЙ АКАДЕМІИ.
ВЛАДИВОСТОКЪ, РУССКІЙ ОСТРОВЪ.
Пристань 36-го полка.

ГЛАВА I.

Трагедія и агонія.

27-го февраля 1917 года, въ городѣ Петроградѣ, по иниціативѣ представителей народа, въ лицѣ членовъ Государственной Думы, революціоннымъ порядкомъ, было низложено правительство Императора Николая II-го. Объ этомъ насильственномъ событии россійскій народъ былъ освѣдомленъ особымъ извѣщеніемъ Временнаго Исполнительнаго Комитета, выдѣленнаго изъ состава членовъ Государственной Думы, Предсѣдателемъ коего былъ Предсѣдатель Государственной Думы М. В. Родзянко, и членами, избранники народа: Н. В. Некрасовъ, И. И. Дмитрюковъ, В. А. Ржевскій, Н. С. Чхеидзе, А. Ф. Керенскій, П. Н. Милюковъ, А. И. Коноваловъ, М. А. Карауловъ, С. И. Шидловскій, В. Н. Львовъ и В. В. Шульгинъ. Мотивомъ такого чрезвычайнаго анти-правительственнаго дѣянія Временный Комитетъ выставлялъ тяжелыя условія внутренней разрухи страны, вызванной мѣрами стараго правительства, *но о намѣреніи низложить Главу Государства и принять на себя Верховное Правленіе страной въ этомъ извѣщеніи народныхъ представителей ничего не говорилось.*

2-го марта 1917 года, въ особомъ актѣ къ народу, Государь Императоръ Николай Александровичъ объявилъ о своемъ *добровольномъ* отреченіи отъ престола Государства Россійскаго въ пользу Брата Своего Великаго Князя Михаила Александровича. Мотивомъ такого рѣшенія было выставлено *сознаніе необходимости перехода къ конституціонному государственному строю,* почему Государь Императоръ и заповѣдывалъ Своему Брату править государственными дѣлами въ полномъ единеніи съ представителями народа въ будущихъ законодательныхъ учрежденіяхъ.

3-го марта того же года Великій Князь Михаилъ Александровичъ объявилъ народу, что онъ приметъ Верховную власть только въ томъ случаѣ, если на вступленіе его на Прародительскій престолъ Россійскаго Государства будетъ выражена воля всего народа, которая должна была выявиться черезъ его представителей, созванныхъ въ спеціальное для сего Учредительное Собраніе. До тѣхъ поръ Великій Князь приглашалъ всѣхъ гражданъ Державы Россійской подчиниться Временному Правительству, созданному по почину народныхъ представителей Государственной Думы.

Рѣчь идетъ здѣсь лишь о формальной сторонѣ актовъ, объявленныхъ народу, т.-е. о томъ фотографическомъ, такъ сказать, впечатлѣніи, которое должна была получить масса россійскаго народа, могшая знать о чрезвычайныхъ событіяхъ, происходившихъ въ Петроградѣ, лишь по даннымъ этихъ оффиціальныхъ доходившихъ до нея актовъ.

Такъ какъ волеизъявленія народа на избраніе Великаго Князя Михаила Александровича на Россійскій престолъ не послѣдовало, какъ не послѣдовало и самаго открытія Учредительнаго Собранія, то трехсотлѣтнее царствованіе династіи Романовыхъ на престолѣ Россійскаго Государства прервалось фактически событіями, опредѣленными вышеуказанными актами Главы Государства и представителей народа. Всякіе дополнительные коментаріи къ этимъ основнымъ оффиціальнымъ государственнымъ актамъ, всякіе разговоры, слухи, извѣстія и сплетни доходили, во-первыхъ, далеко не до всей массы населенія, а ограничивались лишь кругами городского обывателя и крупныхъ фабричныхъ центровъ, и во-вторыхъ, принимались по столько, по сколько умъ, сердце и воля данной среды или человѣка желали ихъ принять по своему собственному пониманію, сознанію и разумѣнію. Для главной же массы населенія Россійскаго Государства, повторяемъ, событія представлялись въ томъ видѣ, духѣ и характерѣ, какъ изложены они были въ оффиціальныхъ актахъ. А въ этихъ послѣднихъ характерно для всѣхъ послѣдовавшихъ событій то, что перемѣна въ Верховномъ Правленіи Россійской Державы послѣдовала какъ бы въ тѣснѣйшемъ контактѣ и при обоюдномъ согласіи между Верховной властью Государства и представителями народа, засѣдавшими въ Петроградѣ въ Государственной Думѣ, во имя блага Государства и народа.

Народные представители усмотрѣли зло въ правленіи страной, Царь согласился, и обѣ стороны признали необходимымъ и соотвѣтственнымъ переживаемому времени отказаться отъ существовавшаго самодержавнаго строя правленія и перейти къ строю конституціонному.

Самодержавіе династіи Романовыхъ прервалось по рѣшенію Главы Дома Романовыхъ и народныхъ представителей, составлявшихъ Государственную Думу.

Но вмѣстѣ съ нимъ, съ Главою, пала и сама династія.

Періоду царствованія династіи Романовыхъ скромное Московское Государство обязано возвеличеніемъ до степени Великой Россійской Державы. За эти 300 лѣтъ Россія стала величайшей міровой страной, не только по своимъ размѣрамъ, но и по своему государственному и политическому значенію. Этимъ въ достаточной мѣрѣ опредѣляется историческое значеніе для русскаго народа періода царствованія самодержавной династіи Романовыхъ и этого ея значенія изъ исторіи Россіи ничто исключить не можетъ. Поэтому представляется вполнѣ естественнымъ, что народные представители Государственной Думы, починъ коихъ отмѣчается въ движеніи 27-го февраля 1917 года и въ послѣдовавшемъ созданіи Временнаго Исполнительнаго Комитета, являвшіеся образованнѣйшими и интеллигентнѣйшими людьми Государственной Думы, не могли себѣ позволить покуситься оффиціально, передъ исторіей, на самую династію, и ограничились выступленіемъ противъ правительства Державнаго Главы династіи, и только черезъ двѣ недѣли, 15-го марта, *подъ давленіемъ обстоятельствъ,* принося, какъ члены Временнаго Правительства, присягу, они клялись передъ Всемогущимъ Богомъ всѣми предоставленными имъ мѣрами подавлять всякія попытки, прямо или косвенно направленныя *къ возстановленію того строя, который создалъ Великую державу Россійскую,* т.-е. возстали и противъ бывшаго самодержавнаго строя Романовской династіи.

Въ томъ же 1917 году, послѣдовательнымъ ходомъ событій, власть народныхъ представителей Государственной Думы Россійской Самодержавной Монархіи унаслѣдовали народные представители совѣтовъ россійской рабоче-крестьянской соціалистической республики. Если руководителями народныхъ представителей Государственной Думы

противъ стараго строя являлся преимущественно цвѣтъ россійской интеллигенціи, то въ составѣ вдохновителей народныхъ представителей совѣтской Россіи главная роль принадлежала еврейской соціалистической интеллигенціи и той части русской интеллигенціи, которая была въ оппозиціи къ большинству руководителей Государственной Думы. За народными представителями первой категоріи пошла революціонная часть Россіи, создавшаяся изъ рядовъ интеллигентнаго и буржуазнаго классовъ и изъ служилаго команднаго состава арміи. Народные представители второй категоріи опирались на фабрично-заводскій контингентъ пролетаріата и на солдатъ арміи, разошедшихся съ своимъ командным составомъ.

Среди ожесточенной борьбы гражданской войны между этими двумя группами революціонной Россіи, около 3-хъ часовъ ночи съ 16-го на 17-е іюля 1918 года, въ маленькой, полуподвальной комнатѣ дома Ипатьева въ городѣ Екатеринбургѣ, былъ звѣрски убитъ отрекшійся отъ Престола Государь Императоръ Николай Александровичъ вмѣстѣ со всей Своей Семьей. Убійство это совершилось по распоряженію народныхъ представителей новой совѣтской Россіи и приведено въ исполненіе подъ непосредственнымъ руководствомъ ихъ мѣстныхъ агентовъ Исаака Голощекина и Янкеля Юровскаго.

Убійство это явилось совершенно исключительнымъ, какъ съ точки зрѣнія уголовно-криминалистической, такъ и исторической. Николай Александровичъ и всѣ Члены Его Семьи были не только изувѣрски уничтожены на глазахъ другъ друга при кошмарной обстановкѣ, но еще и сожжены послѣ убійства, дабы даже отъ Ихъ тѣлъ не оставалось никакихъ слѣдовъ. Николай Александровичъ и Его Семья первая изъ Державныхъ Семей за всю тысячелѣтнюю исторію Россійскаго Государства погибла такъ непонятно жестоко въ средѣ своего народа и отъ рукъ своихъ бывшихъ подданныхъ. Тѣмъ болѣе приходится ужасаться и содрогаться передъ этимъ вѣчнымъ грѣхомъ русскаго народа, что, въ глазахъ массы русскаго Православнаго міра, Государь Императоръ Николай II-й *добровольно* подчинился волѣ народныхъ представителей Россіи, стремясь, по собственному Его выраженію, облегчить народу въ переживавшіеся тяжелые дни тѣснѣе объединиться и сплотить всѣ свои силы для достиженія „побѣды, благоденствія и славы“.

„Да поможетъ Господь Богъ Россіи“, кончалъ Свое обращеніе къ народу бывшій Царь, становясь, казалось бы, съ этого момента совершенно безопаснымъ для народныхъ представителей новой Россіи.

И тѣмъ не менѣе злое дѣло совершилось.

Начало ему положили народные представители Государственной Думы, а народные представители совѣтовъ— его завершили.

6-го марта 1917 года *общественный Кабинетъ Министровъ, назначенный Временнымъ Комитетомъ Государственной Думы и санкціонированный совѣтомъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ*, объявилъ, „во исполненіе властныхъ требованій народной совѣсти, во имя исторической справедливости и въ ознаменованіе окончательнаго торжества новаго порядка, основаннаго на правѣ и свободѣ“, амнистію „по всѣмъ дѣламъ политическимъ и религіознымъ, въ томъ числѣ террористическимъ покушеніямъ, военнымъ возстаніямъ и т. д.“. Но уже 8-го марта этотъ Общественный Кабинетъ счелъ необходимымъ *безъ слѣдствія, суда и приговора* арестовать „гражданина Николая Александровича Романова“, и не только Его, но и всю Его Семью, заключить ихъ подъ стражу, лишить свободы и права и, впослѣдствіи, сослать подъ карауломъ въ Тобольскъ.

15-го марта члены этого Общественнаго Кабинета: кн. Г. Е. Львовъ, П. Н. Милюковъ, А. Ф. Керенскій, Н. В. Некрасовъ, А. И. Коноваловъ, А. А. Мануйловъ, А. И. Гучковъ, А. И. Шингаревъ, М. И. Терещенко, И. В. Годневъ, В. Н. Львовъ и Ф. И. Родичевъ, принося присягу, клялись преклониться „предъ выраженною Учредительнымъ Собраніемъ народною волею объ образѣ правленія и основныхъ законахъ Россійскаго Государства“, но въ то же время сочли возможнымъ обѣщать: „всѣми предоставленными имъ мѣрами подавлять всякія попытки, прямо или косвенно направленныя къ возстановленію стараго строя“, т.-е. свергнутаго ими самодержавнаго строя Романовской династіи.

Руководясь и подъ впечатлѣніемъ доктринъ Думскихъ политическихъ партій, группировокъ и блоковъ, преуспѣвъ въ политическомъ состязаніи съ *„создавшимся въ явочномъ порядкѣ“* совѣтомъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, и получивъ возможность, по словамъ деклараціи, соста-

вленной П. Н. Милюковымъ, „возстановить нѣкоторый порядокъ“, надо думать, что министры Временнаго Правительства полагали принятую ими политическую дѣятельность въ достаточной мѣрѣ соотвѣтствующею желаніямъ страны и всего народа. „Энтузіазмъ населенія по поводу совершающагося“, пишетъ П. Н. Милюковъ, „даетъ полную увѣренность не только въ сохраненіи, но и въ громадномъ увеличеніи силы національнаго сопротивленія“. „Не можетъ быть двухъ мнѣній“, говоритъ профессоръ К. Соколовъ, „насчетъ того, что представляло собою Временное Правительство такого состава. Это было то самое министерство *общественнаго довѣрія,* котораго тщетно добивался отъ Николая II думскій блокъ. То, въ чемъ отказывало Россіи безумное упорство Царской власти, дала ей политическая мудрость революціи“. „Наша родина знаетъ людей, подписавшихся подъ текстомъ присяги. Она прислушивалась къ ихъ голосамъ и вѣрила имъ раньше, когда русскую жизнь властно давили мракъ и произволъ, она вѣритъ имъ и теперь въ эту историческую минуту“, писалъ журналъ „Жизнь и Судъ“, но такія же сужденія можно найти почти во всѣхъ другихъ періодическихъ изданіяхъ обѣихъ столицъ того времени.

Повидимому либерально-буржуазные круги россійской интеллигенціи, руководившіе съ 1905 года политическими настроеніями и движеніемъ общественной мысли страны, были искренно убѣждены, что русскій народъ переросъ формы своего государственнаго строя и что онъ стремится къ свободѣ и самоуправленію въ государственномъ отношеніи. „Путь, который нужно было пройти обширнѣйшему въ мірѣ государству отъ военнаго мятежа въ столицѣ до торжественнаго установленія республиканской конституціи, казался въ первые мѣсяцы революціи такимъ легкимъ и короткимъ“; такое мнѣніе царило въ политиканствовавшихъ кругахъ буржуазной интеллигенціи въ первое время революціи. Воспитавшись на политическихъ теченіяхъ и формахъ Западной Европы, съ увлеченіемъ слѣдуя теоретически доктринамъ соціальныхъ ученій различныхъ умовъ міра, стремясь къ пріобщенію себя къ умственной культурѣ Европы, русская интеллигентная масса въ значительной своей части прониклась убѣжденіемъ, что русскій народъ уже пережилъ духъ своего неограниченнаго самодержавнаго строя, что за періодъ съ 1861 года онъ уже утратилъ свои симпатіи къ монархическимъ формамъ и что въ умѣ и сознаніи народа

въ достаточной степени культивировались идеи и желанія, исповѣдывавшіяся столичной и подпольной либеральной интеллигенціей. Въ этомъ убѣжденіи какъ бы поддерживала руководителей изъ народныхъ избранниковъ Государственной Думы и та внѣшняя обстановка первыхъ дней революціи въ столицѣ, когда Дума сошла съ почвы законности, ослушалась Царя и представилась Временному Комитету центромъ новой власти, власти революціонной, желаемой и поддерживаемой страной и иностранными представителями Европы.

„Въ тотъ же день утромъ нижніе чины Волынскаго и Литовскаго полковъ вышли на улицу и устроили рядъ демонстрацій въ пользу Государственной Думы... Въ короткій срокъ, при единодушномъ настроеніи всей арміи въ пользу переворота... Рабочее населеніе Петрограда проявило большое политическое благоразуміе и, понявъ опасность, грозившую столицѣ и странѣ, въ ночь на 2-е марта сговорилось съ Временнымъ Комитетомъ Думы какъ относительно предполагаемаго направленія реформъ и политической дѣятельности послѣдняго, такъ и относительно собственной поддержки будущаго правительства въ предѣлахъ объявленныхъ имъ политическихъ намѣреній... Послы англійскій, французскій и итальянскій признали народное правительство, спасшее страну отъ тяжелой разрухи и возстановившее вѣру въ боевую способность страны и арміи... Энтузіазмъ населенія по поводу совершающагося даетъ полную увѣренность не только въ сохраненіи, но и въ громадномъ увеличеніи силы національнаго сопротивленія“. Все это выдержки изъ той же деклараціи Временнаго Правительства, составленной П. Н. Милюковымъ, о которой упоминалось уже выше. Декларація, разосланная „всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ“, свидѣтельствовала о глубокой вѣрѣ ея составителей въ свои силы, въ правоту совершеннаго переворота, въ народоволіе проводимыхъ ими политическихъ и государственныхъ принциповъ, и отмѣчала солидарность съ членами Общественнаго Кабинета Временнаго Думскаго Комитета, совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и всей арміи. Иначе говоря, убѣжденіе „народныхъ избранниковъ Государственной Думы“ какъ бы опиралось на тогдашній мозгъ страны, на ея нервы и ея физическую силу, каковыми являлись: Дума, рабочіе и армія. За эти дни въ Думѣ перебывали какъ всѣ тѣ, кто дышалъ убѣжденіями ея большинства, такъ и вообще всѣ, кому было не лѣнь прогуляться на Шпалерную; тамъ со-

бралась всѣ сидѣвшіе въ подпольяхъ передовые интеллигенты, туда тянули разныя рабочія и общественныя организаціи столицы, къ ней же, дефилируя по городу, стекались разныя запасныя и тыловыя воинскія части, составлявшія гарнизонъ столицы; въ ея залахъ толпились студенты, мастеровые, крючники, журналисты, чиновники, женщины, мальчишки, дѣти. „Былъ великій хаосъ въ Думѣ", писалъ профессоръ К. Соколовъ, „но среди шума и криковъ, за пестрой толпой обывателей, студентовъ, интеллигентовъ, простолюдиновъ, нѣсколько храбрыхъ, умныхъ и честныхъ людей день и ночь упорно дѣлали гигантскую организаціонную работу. Изъ хаоса революціи уже выступали первыя очертанія новаго правительства свободной Россіи".

Укрѣпившись въ своихъ „убѣжденіяхъ", 3-го марта новое правительство выступило. Въ глазахъ интеллигентно-буржуазно-либеральныхъ избранниковъ Государственной Думы оно было революціоннымъ и народнымъ. Его образовали: въ качествѣ органа Верховной Всероссійской власти—Временный Комитетъ Государственной Думы упомянутаго уже выше состава, и въ качествѣ исполнительнаго органа—Общественный Кабинетъ Министровъ, въ который вошли: пять членовъ партіи народной свободы, два октябриста, два безпартійныхъ, одинъ членъ группы центра, одинъ трудовикъ и одинъ прогрессистъ.

Таковыми были внѣшній ходъ событій революціи 27-го февраля и строительство „народной революціонной власти" на принципахъ права и свободы. Посредствомъ нѣсколькихъ обращеній Временнаго Комитета и деклараціи Временнаго Правительства эта внѣшняя сторона событій, ставшая достояніемъ „всѣхъ, всѣхъ, всѣхъ", и является *оффиціальной исторіей начала Великой Россійской Революціи.*

Изъ дальнѣйшей оффиціальной исторіи семимѣсячной жизни народнаго революціоннаго Временнаго Правительства извѣстно, что черезъ два мѣсяца Общественный Кабинетъ былъ замѣненъ *Коалиціоннымъ Правительствомъ,* потомъ его смѣнило *Правительство Спасенія Революціи,* за нимъ пришло *Правительство Спасенія Страны,* пытавшееся выявить истинное лицо „земли русской" черезъ Московское Совѣщаніе, что однако не удалось, такъ какъ „единаго настроенія" на Съѣздѣ не создалось... Тогда Правительство Спасенія Страны произвело, если можно такъ выразиться, новый переворотъ и, отказавшись отъ присяги, въ коей клялось, что форма

правленія Россійскимъ Государствомъ будетъ установлена Учредительнымъ Собраніемъ, 1-го сентября *самостоятельно* объявило Россію—*Россійскою Республикою, возглавляемою директоріей „Совѣта Пяти“* (Керенскій, Верховскій, Вердеревскій, Терещенко и Никитинъ). При ней, въ періодъ съ 14-го по 25-е сентября, появилось *Демократическое Совѣщаніе*, съ президіумомъ въ составѣ: Авксентьева, Чхеидзе, Руднева, Шрейдера, Каменева, Нагина, Мдивани, Гоца, Беркенгейма, Милютина, Исаева, Филипповскаго, Церетели, Сорокина, Григорьева, Войтинскаго, Знаменскаго и Кольцова, а 7-го октября, для поддержки новаго, пятаго по счету, *Коалиціоннаго Временнаго Правительства Россійской Республики*, создался *Временный Совѣтъ Россійской Республики* (Предпарламентъ), съ Президіумомъ въ составѣ: Н. Д. Авксентьева, А. В. Пѣшехонова, В. Н. Крохмаля и В. Д. Набокова.

25-го октября въ Маріинскій дворецъ, гдѣ засѣдалъ Совѣтъ Россійской Республики, вошли вооруженные солдаты и матросы и *„честью попросили“* изъ него г.г. членовъ Совѣта. Никто даже не зналъ толкомъ, по чьему уполномочію дѣйствовала эта вооруженная сила. „Такъ просто караульный начальникъ черезъ пристава предложилъ предсѣдателю Н. Д. Авксентьеву „разойтись“ въ теченіи получаса, не ручаясь за послѣдствія промедленія. Ультиматумъ былъ принятъ“.

Власть надъ Россіей Временнаго Правительства унаслѣдовало *Правительство Совѣтовъ*.

Революціонный періодъ *власти династіи избранниковъ Государственной Думы продержался семь съ половиною мѣсяцевъ*. На своемъ государственномъ щитѣ эта династія убѣжденно носила девизъ *„народовластіе“*, а на ея стягѣ ослѣпительно сверкалъ лозунгъ *„свобода и право“*.

Но въ дѣйствительности это была лишь внѣшняя, оффиціальная оболочка власти, и роковое заблужденіе и самообманъ для тѣхъ ея адептовъ, кто вѣрилъ въ правоту своихъ убѣжденій.

Съ перваго шага революціоннаго пути — низложенія Романовской династіи—члены Государственной Думы въ глубинѣ своей человѣческой совѣсти должны были вполнѣ сознать, что они сохранили народное представительство только по названію, по формѣ. Въ революціонномъ мятежѣ въ столицѣ они оказались не вождями движенія, не свободными руководителями революціи, не правомочными вдохновителями

ея путей, а восторженными главарями только своихъ политическихъ партій безъ „права и свободы". Столичный „народъ", который являлся ихъ единственной силой и дѣйствительнымъ факторомъ для производства революціи и переворота, былъ не съ ними... О народѣ *„земли русской"* народные представители Государственной Думы имѣли свѣдѣнія изъ провинціи отъ такихъ же представителей буржуазно-либеральной интеллигенціи, къ каковой относились и они сами; свѣдѣнія эти, опиравшіяся на тоже искреннее убѣжденіе, создавали такую же внѣшнюю, оффиціальную физіономію революціи въ странѣ, какъ и въ центрѣ. Въ дѣйствительности и тамъ народъ „земли русской" оказался не съ буржуазно-либеральными руководителями. Между страстной и горячей западно-европейской идеологіей, руководившей революціонной интеллигенціей Россіи, и русскимъ народомъ „всея земли" 27-го же февраля пріоткрылась та страшная, бёздонная, мрачная пропасть отчужденности и духа, которая раньше, въ предшествовавшій перевороту періодъ, мнилась интеллигенціи существующей между русской самодержавной монархіей и будто бы переросшимъ ее русскимъ народомъ. Напрасно безусловно большіе умы русской интеллигенціи, завидя разверзающуюся пропасть, пытались задержать ея ростъ, создать черезъ нее переходы, остановить ясно сознававшійся ими надвигающійся ужасъ... Напрасно многочисленными перестроеніями власти, представительства, формъ и лозунговъ они пытались бороться, удержать свои позиціи, ввести революцію въ исторически знакомыя, теоретически усовершенствованныя русла. Напрасно съ этой цѣлью къ власти привлекались то буржуазно-либеральные представители, то умѣренно-соціалистическіе элементы страны; то создавались коалиціонныя Совѣщанія, то демократическіе Совѣты.

Съ 27-го февраля, съ момента крушенія той формы, которая въ представленіи либеральной интеллигенціи рисовалась деспотическимъ правленіемъ, Россія неудержимо катилась въ бездну.

Большіе умы были *„западническіе"*, а не русскіе. Среди интеллигенціи было много людей съ русской душой, но *Духъ былъ не русскаго христіанина.*

Въ настоящей части книги не имѣется въ виду касаться причинъ тяжелой драмы, постигшей русскую интеллигенцію въ моментъ достиженія ею, казалось бы, возможности осу-

ществить ея идеалы и мечты въ политической жизни родины. Краткой исторіей пережитыхъ дней революціи намѣчается установить лишь факты, освѣщающіе связь между различными событіями этой эпохи, приведшими къ кошмарному злодѣянію въ Ипатьевскомъ домѣ. Первоначальные руководители революціи, ставъ 27-го февраля на незаконную почву, конечно, не предвидѣли ужасной катастрофы, постигшей Царскую Семью 17-го іюля 1918 года. Они дѣйствовали съ искреннимъ убѣжденіемъ, что принесутъ благо родинѣ и народу; они горѣли желаніемъ дать еще большее величіе своей отчизнѣ путемъ доведенія войны до побѣдоноснаго конца; они воодушевлены были мечтой своего глубокаго и могучаго единенія со всѣмъ народомъ; ихъ умы были широко насыщены ученіями о народовластіи; ихъ души были русскими, гуманными, жалостливыми, сентиментальными; они не любили крови, боялись ея, и даже ихъ революція оказалась *безкровною*. Тѣмъ болѣе, конечно, они ни минуты не допускали мысли о возможности пролитія, крови Царской Семьи.

Но кровь Августѣйшихъ Православныхъ Мучениковъ пролилась. Злодѣяніе совершили изувѣры совѣтской власти. И въ крови Царя, Царицы и Ихъ бѣдныхъ дѣтей повинна и вся Россія. Повинны и тѣ народные избранники Государственной Думы, которые приняли на себя смѣлость и дерзновеніе руководить переворотомъ, хотя бы таковое руководительство признавалось ими вынужденнымъ силою обстоятельствъ сложившихся къ моменту выхода революціи на улицы столицы.

Заключеніе это базируется на томъ основаніи, что подъ оффиціальнымъ обликомъ, во внутреннемъ содержаніи февральской революціи, съ перваго дня ея возникновенія, проявился элементъ, логически направлявшій послѣдовавшія событія къ кровавому преступленію 17-го іюля. Этотъ элементъ выразился въ роковой непослѣдовательности между словомъ и дѣломъ всѣхъ дѣятелей несчастной революціи. Для руководителей ея, въ лицѣ представителей власти Временнаго Правительства, непослѣдовательность явилась тяжелымъ искупительнымъ крестомъ, который давилъ ихъ во всѣхъ начинаніяхъ, коверкалъ и искажалъ всѣ пути разсудка и сердца, обращалъ ихъ въ жалкихъ рабовъ достигнутой власти, и, въ концѣ концовъ, задавилъ окончательно.

Этотъ же элементъ непослѣдовательности между словомъ и дѣломъ обратилъ членовъ бывшаго Временнаго Правительства въ невольныхъ соучастниковъ и подготовителей дикаго и изувѣрскаго уничтоженія свергнутой ими съ престола Государства Августѣйшей Семьи бывшаго Императора Николая II-го. Пусть они были искренни въ теоретичности и соотвѣтствіи своихъ убѣжденій, пусть честно и горячо вѣрили въ благо своихъ идей, стремленій и желаній, пусть были крупными умственными величинами русской интеллигенціи, и тѣмъ не менѣе слишкомъ ясно, что что-то было ими упущено, что-то не учтено, что-то не согласовано и что-то непонято именно въ народѣ „земли русской", что не только разрушило, какъ смерчь, много десятковъ лѣтъ лелѣянныя мечты, но и повергло народъ въ бездну и *залило на вѣчныя времена святой кровью Православныхъ Мучениковъ православный русскій людъ и славную, исключительную исторію Государства Россійскаго.*

Не ради критики и осужденія минувшихъ дѣятелей интеллигенціи, не ради нуднаго, безцѣльнаго самооплевыванія и никчемушняго плача Вавилонскаго приходится копаться въ гнойныхъ язвахъ пережитаго времени и выводить на свѣтъ Божій минувшихъ дѣятелей и протекшія картины недалекаго прошлаго. Настоящіе матеріалы и мысли по исторіи убійства Членовъ Царской Семьи дерзаютъ пытаться достигнуть иного, бо́льшаго, великаго, чистаго и святого. Не для углубленія разрушенія и паденія родины и народа „всея земли" надо смѣло глядѣть въ темныя стороны февральской революціи, умѣть видѣть и понимать отрицательныя черты событій и руководившей интеллигенціи, пытаться проникнуть въ бездну паденія всей Россіи. Это надо не для политической борьбы различныхъ партій и организацій, не для обостренія классовыхъ, кастовыхъ и сословныхъ препирательствъ и раздоровъ, не для пассивнаго оплакиванія разбитыхъ надеждъ, утраченныхъ идей и потеряннаго прошлаго, а для здороваго и здраваго самопознанія, для установленія и возрожденія духа народа „всея земли", для могучаго подъема силъ на святую борьбу за свое, за истинное и исконное русское, что никогда не умирало, не умерло теперь и не умретъ въ будущемъ, за величественный, историческій идеалъ святой Троицы на землѣ, отождествляемый національно сложившейся идеологіей русскаго народа въ *Духѣ, смыслѣ и содержаніи своего Россій-*

скаго Самодержавія, освящаемаго Христовымъ ученіемъ въ Православномъ вѣрованіи.

„Какъ вы можете вѣровать, когда другъ отъ друга принимаете славу, а славы, которая отъ Единаго Бога, не ищете?“—говоритъ русскому народу ученіе Христа.

И все духовное существо его, не столько черезъ сознаніе, сколько черезъ сердце, вѣру, проникло̀сь этой заповѣдью Господа. Житейскія искушенія велики; отъ нихъ не свободны были и Апостолы. Но въ предѣлѣ народной житейской идеологіи лежитъ именно *„слава отъ Бога...“* Съ этой же идеологіей онъ подходитъ и къ разрѣшенію вопроса о своемъ государственномъ строительствѣ на землѣ: „а хотятъ выбирать на Московское государство Царя и Великаго Князя, *кого всесильный Вседержитель Богъ изволитъ и Пречистая Богородица“;* „а обирали на Владимерское и на Московское Государство и на всѣ великія государства Россійскаго Царствія Государя изъ Московскихъ родовъ, *кого Богъ дастъ“;* „а мы, съ Божіею помощью, такому великому и неизреченному Божію милосердію всего Государства Московскаго всякіе люди, отъ мала и до велика, и изъ городовъ выборные и не выборные люди, всѣ обрадовалися сердечною радостію, *что во всѣхъ человѣцѣхъ прошеніе отъ Бога и едина мысль въ сердца вмѣстилася, что по изволенію Божію* быть на Владимерскомъ и на Московскомъ Государствѣ и на всѣхъ государствахъ Россійскаго Царствія Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ всеа Русіи, Великаго Государя Царя и Великаго Князя блаженныя памяти Федора Ивановича всеа Русіи племяннику, Михаилу Федоровичу, ни по чьему заводу и крамолѣ; *Богъ его Государя на такой великой Царскій престолъ изобралъ, мимо всѣхъ людей, по своей неизреченной милости, и всѣмъ людемъ о его Царскомъ обираніи Богъ въ сердца вложилъ едину мысль и утвержденіе“;* „ аще бо убо и разнородными мѣстъ людми, но едиными рекошя усты, и въ дальномъ несогласіи житіа разстоятельствѣ бысть аки согласенъ совѣтъ во единоравенствѣ. Изволишя бо смысломъ, избраша же словомъ и учиняша дѣломъ, еже добръ совѣтъ сотвориша. *Бѣ бо убо не человѣческымъ составленіемъ, но Божіимъ строеніемъ,* Его же молиша и просишя Государя себѣ на престолъ Царствіа Московскаго государства Царя Михаила Феодоровича...“; „начальники же и вси людіе, *видя надъ собою милость Божію,* начаша думати, како бы имъ изо-

брати Государя на Московское государство праведна, *чтобъ данъ былъ отъ Бога, а не отъ человѣкъ*“; „и многое было волненіе всякимъ людемъ; койждо хотяше по своей мысли дѣяти, койждо про коево говоряше; не вспомянуша бо писанія, яко “*Богъ не токмо царство, но и власть, кому хощетъ, тому даетъ; и кого Богъ призоветъ, того и прославитъ*“; бывшу жъ волненію велію, и никто же смѣяше проглаголати, еже кто и хотяше здѣлати, *коли Богу чему не повелѣвшу и не угодно Ему бысть*. Богу же призрѣвшу на православную христіянскую вѣру и хотящу утвердити на Россійскомъ государствѣ благочестивый корень, яко же древле Израильтескому роду Царя Саула, тако убо и на наши слезы *призрѣ Богъ и даде намъ праведна государя... И положися во вся люди мысль, не токмо въ вельможи или въ служивые люди, но и въ простые во вся православные крестьяне и въ сущіе младеньцы, и возопиша вся велегласно, что любъ всѣмъ на Московское государство Михайло Федоровичъ Юрьевъ*“.

Таковы памятники идеологіи людей „всея земли“, оставленные въ документахъ исторіи Россіи отъ начала XVII-го вѣка. Эта идеологія для западно-европейскаго ума кажется мистическою, не земною, трудно-понятною, но она чисто русская, религіозно бытовая. Каковой она была въ XVII вѣкѣ, таковой она осталась и нынѣ, неизмѣнной, *глубоко-духовной и глубоко-религіозной*. Это тотъ исключительный духовно-психологическій складъ натуры русскаго человѣка „всея земли“, который чувствовали Достоевскій, Пушкинъ, В. Соловьевъ, Мережковскій, но котораго чуждались и какъ бы стыдились многіе и многіе изъ руководителей интеллигентнаго класса народа. Это тотъ внутренній, неулавливаемый и непонятный для всякаго иностранца складъ, который въ его глазахъ уподоблялъ русскій народъ какому-то сфинксу, таинственному существу, чему-то непостигаемому для другихъ народовъ, высшему ихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ низшему по всей своей внѣшней оболочкѣ жизни, умосознанію и культурѣ. Постигнуть идею русскаго самодержавія европейцу не по силамъ; онъ только боялся ея. Такъ древній Израильтянинъ принималъ религію въ Единаго Бога черезъ страхъ, черезъ боязнь Его гнѣва, Его Лица.

Но для христіанскаго русскаго народа его земная религія о власти, его идеологія власти покоилась не на страхѣ и боязни, а на высокой, доведенной до полнаго совершен-

ства и безконечной чистоты, заповѣди о любви. Въ духовномъ, предѣльномъ идеалѣ русскаго самодержавія заключена такая же цѣльная идея о троеличіи въ одномъ лицѣ, какая положена была Христомъ въ Его ученіи о Единомъ Богѣ въ трехъ лицахъ: Богъ Отецъ, Богъ Сынъ и Богъ Духъ Святой — три лица, нераздѣльно связанныя, единосущія въ лицѣ Единаго Всемогущаго Бога. Церковь, Царь и земля—три нераздѣльныхъ лица въ духовной идеѣ русскаго народа о самодержавной власти Верховнаго Правителя на землѣ. Внутреннее духовное сознаніе народа проникнуто ихъ нераздѣльностѣю не по формѣ, не въ тѣлесномъ понятіи, какъ не можетъ быть принимаемо и тѣлесное троеличіе Божества, а съ точки зрѣнія тѣхъ совершенныхъ нравственныхъ принциповъ и государственныхъ положеній, къ которымъ въ идеалѣ стремится и которыхъ жаждетъ внутренняя духовная природа русскаго народа, способная до конца воспріять великое ученіе Іисуса Христа о любви.

Большимъ заблужденіемъ и роковымъ самообманомъ было бы утвержденіе въ томъ мнѣніи, что перерывъ династіи Романовыхъ въ Россіи было обязано исключительно „тяжелымъ условіямъ внутренней разрухи, вызванной мѣрами правительства періода царствованія Императора Николая II-го“. Эта причина, въ историческомъ отношеніи, не можетъ быть признана удовлетворительной даже для оправданія обстоятельствъ, вызвавшихъ переворотъ 27-го февраля и повлекшихъ за собой низложеніе Государя Императора Николая Александровича. Равнымъ образомъ и самую внутреннюю „разруху“ нельзя приписывать всецѣло и исключительно мѣрамъ Правительства бывшаго Царя, такъ какъ послѣ измѣненія порядка и воцаренія „Министерства Общественнаго Довѣрія“, разруха не только не остановилась, но продолжала развиваться и углубляться съ головокружительной быстротой. Внутренняя разруха, переворотъ 27-го февраля, отреченіе отъ престола Императора Николая II-го, революція и паденіе династіи Романовыхъ вызваны были естественно болѣе дѣйствительными, болѣе серьезными причинами, корни которыхъ кроятся не во внѣшнихъ формахъ существовавшаго государственнаго строя, не въ отдѣльныхъ лицахъ династіи и привлеченныхъ къ исполнительной власти министровъ и сановниковъ, не въ тѣхъ или другихъ

отдѣльныхъ случаяхъ насилія власти надъ личностью, не въ той распускавшейся молвѣ о гнетѣ, жестокости и произволѣ правительственныхъ агентовъ надъ населеніемъ, которая муссировалась умышленно анти-самодержавной агитаціей, исходившей изъ рядовъ той же интеллигенціи, *а въ глубокихъ потрясеніяхъ духовно-соціальнаго характера*, сопутствовавшихъ почти непрерывавшеюся цѣпью явленій государственную жизнь русскаго народа въ теченіи всей эпохи царствованія Дома Романовыхъ. Во главѣ всѣхъ потрясеній должны быть поставлены явленія, подвергавшія Россійскую Державу великимъ искушеніямъ въ области идеологическаго міровоззрѣнія народа на сущность его Верховной власти. Изъ сущности и свойствъ этихъ искушеній, отличныхъ другъ отъ друга въ различные періоды исторіи, вытекали уже прочія потрясенія, какъ слѣдствія возникавшихъ противорѣчій между дѣйствительностью государственной жизни народа и его идейными стремленіями.

Тяжелое наслѣдіе отъ предшествовавшей эпохи досталось первому „Обраннику“ изъ династіи Романовыхъ: пронесшіяся ураганомъ надъ русской землей „великія смута и раззореніе“ снесли почти половину населенія, селъ и деревень; города были ограблены, села пожжены, поля вытоптаны и заброшены; толпы нищихъ, голодныхъ, ограбленныхъ и полуодѣтыхъ людей бродили изъ конца въ конецъ страны, неся съ собой разбой, грабежъ, нужду, болѣзни и моръ. Слѣдующія статистическія данныя позволяютъ составить себѣ хотя приблизительное представленіе о состояніи Московскаго Царства въ то время: городъ Вологда въ 1627 году, т.-е. черезъ 14 лѣтъ послѣ смуты, изъ 1555 дворовъ и дворовыхъ мѣстъ имѣлъ заселенными только 1000 дворовъ; Устюжна—275 жилыхъ и 303 пустыхъ двора и дворовыхъ мѣстъ; Галичъ—361 жилой и 258 пустыхъ дворовъ, изъ 134 лавокъ на торгу торговали только 34; Суздаль—97 жилыхъ и 311 пустыхъ дворовъ; Бѣжецкъ—134 жилыхъ и 186 пустыхъ дворовъ. Были такіе города, какъ напримѣръ Дмитровъ, въ которомъ вовсе не оставалось дворовъ съ городскимъ или тяглымъ населеніемъ. Количество убитыхъ, умершихъ съ голоду, угнанныхъ въ плѣнъ—совершенно не поддается учету.

Царская казна была разграблена ворами и поляками, расхищавшими не только деньги, но и вещи, драгоцѣнно-

сти, историческія регаліи, церковную утварь. Въ казнѣ буквально не было даже рубля.

Таково было, въ общихъ чертахъ, состояніе царства, врученнаго „всею землею“ Михаилу Федоровичу Романову.

Прошло триста лѣтъ. Громадной настойчивостью и искренней заботой Царей, при исключительномъ трудѣ и большомъ самопожертвованіи народа „всея земли“, Московское царство разрослось и прославилось до Великой Россійской Имперіи, занимающей одну шестую часть суши всего земного шара. Одновременно съ ростомъ географическимъ, росло и государственное значеніе Россіи, приведшее ее въ ряды первоклассныхъ Великихъ Державъ. Прежняя „вотчинная“ власть Московскихъ Царей возвысилась въ Романовской династіи до значенія власти „народно-государственной“, какъ воплощающей въ себѣ идеологическія основы народнаго міровоззрѣнія, сложившагося въ немъ, ко времени „обиранія“ на Царство перваго изъ самодержавныхъ Государей Дома Романовыхъ, подъ вліяніемъ многихъ различныхъ политическихъ и духовныхъ причинъ всей предыдущей исторіи Россіи.

Величественно твореніе Россійскаго Государства въ эпоху царствованія династіи Романовыхъ, и исторія не можетъ отдѣлить этой величественности отъ творцовъ творенія— Державныхъ Вождей Романовскаго Дома. Съ Ихъ именами органически связана слава Русскаго Государства, и пытаться умалять Ихъ значеніе въ строительствѣ этого величественнаго зданія было бы равносильно безумію или полной слѣпотѣ. Оглядываясь на государственное творчество первыхъ Царей династіи Романовыхъ, профессоръ Платоновъ говоритъ: „Всматриваясь во всѣ эти историческія лица, мы видимъ ихъ личныя особенности, отмѣчаемъ ихъ слабости, осуждаемъ ихъ грѣхи; но ни у кого изъ нихъ не замѣчаемъ и тѣни своекорыстнаго эгоизма и пренебреженія обязанностями того высокаго сана, *который имъ даровалъ Богъ и вручила „вся земля“.* Власть не ослѣпляла Ихъ, какъ ослѣпляетъ она обыкновеннаго человѣка; они непоколебимо вѣрили, что *власть Имъ дана отъ Бога.* Отсюда именно отсутствіе корысти, отсутствіе пренебреженія къ своимъ обязанностямъ и сознаніе высокаго долга; Они знали, что и народъ раздѣляетъ ту же вѣру и признаетъ своихъ Царей *„помазанниками Божьими“, отвѣтственными только передъ Богомъ.* Лишь при наличіи такого высокаго, чистаго

и свѣтлаго пониманія власти Царемъ и Его народомъ, только въ этомъ духовномъ сліяніи „всея земли“ отъ Царя до послѣдняго крестьянина, могла проявиться та громадная творческая сила, которая была необходима какъ для возстановленія почти совершенно раззореннаго Московскаго царства, такъ и для созданія Петромъ Великимъ Великодержавной Россіи и для сохраненія ея во все послѣдующее время.

Жизнеспособность великихъ духовныхъ идей въ сердцахъ людей не постоянна; особеннымъ непостоянствомъ отличается степень ихъ распространенія въ массѣ людей, въ цѣломъ народѣ страны, образуемомъ изъ различныхъ сословій и классовъ по соціальному положенію и по степени умственнаго и духовнаго развитія. Идея, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ причинъ, то вспыхиваетъ яркимъ пламенемъ, зажигаетъ все существо человѣка, заглушаетъ въ немъ инстинкты личнаго начала, эгоистическія побужденія, бросаетъ его на служеніе общимъ задачамъ, подымаетъ его на великіе подвиги самоотреченія и жертвы, претворяетъ обыденнаго человѣка въ общественнаго героя и вѣнчаетъ славою побѣды или вѣнцомъ безсмертія въ памяти потомства, то обратно—напряженіе элементовъ идеи слабѣетъ, она носится человѣческимъ сердцемъ какъ форма, какъ спокойное чувство, она не горитъ, а тлѣетъ, будничныя условія личной жизни выдвигаются надъ ней, въ человѣкѣ пробиваются эгоистическія начала, вниманіе сосредоточивается на своихъ интересахъ, сухой разсчетъ, злая воля доминируютъ, идея, требующая вѣры, заглушается отвлеченными теоріями ума. Въ однихъ сословіяхъ, живущихъ болѣе сердцемъ, идея цвѣтетъ прочнѣе, глубже захватываетъ существо, служитъ источникомъ утѣшенія и свѣтлыхъ надеждъ на будущее. Въ другихъ, живущихъ разсудкомъ, идея колеблется и меркнетъ подъ вліяніемъ холоднаго анализа, гордыни ума и увлеченія земнымъ. То вспыхнетъ вдругъ духовная идея, какъ зарево во всѣхъ людскихъ сердцахъ, всѣхъ сословій и классовъ, воспламенитъ, зажжетъ и объединитъ ихъ для единодушнаго порыва и подвига, и тогда совершаются величайшія въ жизни народа событія, отмѣчающія великія эры, эпохи и эволюціи въ исторіи страны или міра. Такія общія вспышки духов-

ныхъ идей рѣдки, ихъ вызываютъ исключительныя обстоятельства. Въ обычное же время онѣ живутъ, горятъ, теплятся, но не пылаютъ, и ихъ приходится ограждать, порой напряженнѣйшей борьбой, отъ заманчивыхъ искушеній повседневной жизни, разсчета, честолюбія и злой воли людей.

Въ такомъ же непостоянствѣ жила и живетъ духовная идеологія русскаго народа. Тяжелый, но славный долгъ ограждать ея святость, цѣлость, неприкосновенность и давность выпалъ за послѣдніе 300 лѣтъ на носителей этой идеологіи отъ Бога и „всея земли", на Державныхъ Вождей Дома Романовыхъ.

Исторія этой борьбы—это исторія глубокихъ потрясеній духовно-соціальнаго характера въ жизни Россіи, въ жизни русскаго народа, о которой упоминалось выше. Цари изъ Дома Романовыхъ восприняли исторически сложившуюся идеологію народа о самодержавной власти, а вмѣстѣ съ ней восприняли и историческіе завѣты послѣднихъ Московскихъ Царей—быть блюстителями и охранителями *духовной власти* русскихъ Государей, по издревле сложившимся понятіямъ въ землѣ русской. Ревностно блюдя Божественность происхожденія этой власти, непоколебимо нося въ Своихъ сердцахъ святость великой идеи, они горѣли ею постоянно и ограждали, какъ умѣли, отъ посягательствъ на сущность и цѣлость ея. Сила вѣры вызывала въ нихъ твердость, непоколебимость, даже сподвижничество въ служеніи ей, что совершенно непонятно тѣмъ людямъ, которые почему-либо неспособны вѣрить всемъ сердцемъ, *вѣрить до конца*. Слабость человѣческая облекала это служеніе иногда въ ошибочныя формы, но въ чистотѣ и святости духовной стороны идеи Они оставались всегда непогрѣшимыми и вѣрными своему народу.

Теперь, когда надъ Россіей пронеслась еще болѣе ужасная гроза смуты и раззоренія, чѣмъ гроза начала XVII вѣка, едва-ли найдется русскій человѣкъ съ чистымъ сердцемъ и сохранившейся совѣстью, который не сознавалъ бы всѣмъ своимъ существомъ, всѣми фибрами растерзанной души, что въ „безуміи" защиты бывшими Царями Романовскаго Дома самодержавной идеи власти крылась великая „мудрость". Но тогда, въ періодъ Ихъ трехсотлѣтняго царствованія, эта борьба Ихъ, въ связи съ вытекавшими изъ нея противорѣчіями въ дѣйствительности жизни, создала глубокую, сложную историческую трагедію для всего Дома

Романовыхъ, постепенное и послѣдовательное развитіе которой, въ общемъ направленіи углубленія противорѣчій, привело по волѣ же Всевышняго Творца къ паденію династіи въ февралѣ 1917 года.

Наиболѣе напряженнымъ и все глубже обострявшимся періодомъ указанной борьбы является періодъ правленія династіи Романовыхъ начиная съ начала XIX столѣтія. Въ эту эпоху работа мысли русской интеллигенціи развивалась по двумъ діаметрально противоположнымъ путямъ: западнофильскому и славянофильскому. Особую интенсивность этого увлеченія слѣдуетъ видѣть въ отсутствіи въ первую половину XIX вѣка крупныхъ представителей міровой мысли въ своей русской средѣ, въ связи съ горячей жаждой и стремленіемъ русской интеллигенціи къ самоусовершенствованію, къ умственному развитію, къ просвѣщенію и культурности. Съ присущимъ натурѣ русскаго человѣка горѣніемъ въ искательствѣ истины, свѣта, совершенства, русская интеллигенція увлекалась теоретическими ученіями великихъ иностранныхъ мыслителей, политико-экономовъ, ученыхъ и историковъ до самозабвенія, до крайностей, до слѣпоты, порой до самоотреченія и самопожертвованія. Особенно далеко заходили въ этомъ отношеніи западники. Въ слѣпомъ увлеченіи *чужимъ*, они обратили слишкомъ мало вниманія на появленіе, со второй четверти XIX вѣка, *своихъ великихъ мыслителей, своихъ ученыхъ, своихъ великихъ психологовъ и философовъ, своихъ могучихъ историковъ*, которые въ своихъ ученіяхъ, мысляхъ, изслѣдованіяхъ и заключеніяхъ исходили исключительно съ отправныхъ точекъ, присущихъ своему народу, его исторіи, его психологіи, его быту и его душѣ. Европейская мысль до послѣднихъ дней оставалась довлѣющей, руководящей умами и сердцами русской интеллигенціи; идеями запада увлекались не только отвлеченно, но возводили ихъ въ непреложныя истины, отождествляли религіямъ, и съ фанатическимъ безуміемъ умирали во имя насажденія ихъ и культивировки у себя, въ Россіи, въ средѣ русскаго народа.

Крупныхъ представителей національно-философскаго пониманія славянофильства было немного: Хомяковъ, и отчасти Аксаковы и Кирѣевскіе. Остальные представители славянофильскаго теченія, съ одной стороны, опирались лишь на общія славянскія основанія, не являвшіяся присущими исключительно русскому народу и не отражавшими въ

полной мѣрѣ его національныхъ міровоззрѣній, и съ другой, сильно увлекались крайностями, и пути ихъ давали слишкомъ много поводовъ къ обвиненію въ шовинизмѣ послѣдователей теченія. Это привело къ тому, что къ началу XX столѣтія славянофильство, какъ національно-государственная мысль, почти совершенно заглохло. Западнофильское теченіе восторжествовало окончательно. Свою народившуюся уже къ тому времени школу русской мысли оно почти совершенно игнорировало; оно какъ бы не вѣрило своимъ учителямъ, своимъ мыслителямъ, своимъ пророкамъ. Слишкомъ все то, о чемъ они заговорили, отличалось отъ того, что неслось съ запада. Слишкомъ впиталось уже увлеченіе западничествомъ, слишкомъ много было принесено во имя его идей жертвъ, чтобы такъ просто отказаться отъ чужого, сознаться въ своихъ заблужденіяхъ и увлеченіяхъ, повѣрить своимъ пророкамъ, своимъ великимъ мыслителямъ и ученымъ и стать прежде всего на прочную, дѣйствительную почву своей русской мысли, русской души и русскаго духа.

На этой почвѣ, въ качествѣ сознательныхъ борцовъ чисто русской духовной идеологіи мысли, стояли твердо только призванные къ тому Божьимъ Промысломъ Вѣнценосные Вожди русскаго народа. Поэтому работа западноевропейской мысли, направленная въ политическомъ отношеніи именно противъ духа русскаго самодержавія, сосредоточила всѣ свои реальныя силы, свою энергію и злую волю на сокрушеніе въ Россіи династіи Романовыхъ. Этой внутренней, напряженнѣйшей борьбой наполнена вся вторая половина царствованія послѣдней династіи. Для носителей и охранителей народной идеологіи глубина и трагичность борьбы, съ одной стороны, и возвышенность ея по силѣ вѣры, съ другой, особенно ярко выявляются изъ предсмертныхъ словъ Императора Николая I и изъ отвѣта послѣдней Царицы династіи, Императрицы Александры Федоровны:

„Я умираю съ пламенной любовью къ нашей славной Россіи, которой служилъ по крайнему моему разумѣнію вѣрой и правдой. Жалѣю, что не могъ сдѣлать всего добра, котораго столь искренно желалъ. Сынъ мой меня замѣнитъ. Буду молить Бога, да благословитъ Его на тяжкое поприще, на которое вступаетъ“, говорилъ, умирая, Императоръ Николай I.

„Я знаю, что Меня считаютъ за Мою вѣру сумасшедшей. Но вѣдь всѣ вѣровавшіе были мучениками", говорила Императрица Александра Федоровна.

Въ то время какъ русскіе бояре-западники, въ исканіяхъ человѣческихъ политическихъ идей о власти и національномъ строительствѣ государства Россійскаго, устремили всѣ свои помыслы на западъ, тратили силы и время на изученіе и заучиваніе теорій, доктринъ и философіи великихъ европейскихъ мыслителей, скромные труженики, но великіе умомъ и любовью къ своему русскому, историческо-духовному, стали пытаться доискиваться той же истины въ исторіи своего народа, въ его бытѣ, его психологіи, его религіи. Немного ихъ было и приняли ихъ не такъ, какъ были приняты иновѣрные боги мысли западной Европы. Пушкинъ, Гоголь, Достоевскій, Владиміръ Соловьевъ, Платоновъ, Ключевскій, Чичеринъ, Мережковскій — вотъ, почти и всѣ. Но именно теперь, въ переживаемую величайшую смуту и раззореніе земли русской, какъ ясно сказываются геніальность и величіе трудовъ и творчества этихъ немногихъ истинно-русскихъ мыслителей, ученыхъ, философовъ, историковъ и пророковъ и значеніе ихъ для русскаго народа и его будущности. Они просто, точно и неоспоримо прежде всего устанавливаютъ двѣ основныя истины: все то, что въ интересахъ политической идеи о власти ищется на западѣ, можно было найти въ исторіи своего народа и своей страны, и все то, что мысль бояръ-западниковъ пыталась создать въ области идеологіи о власти, надо черпать изъ натуры и духа своего народа, а не чуждыхъ народовъ Западной Европы.

Научное изслѣдованіе исторіи русскаго государства говоритъ, что тенденція современныхъ бояръ-западниковъ къ борьбѣ съ народной идеологіей о власти имѣла своихъ предшественниковъ въ лицѣ князей-бояръ и просто бояръ, руководившихся тоже человѣческой жаждой власти и стремившихся поэтому къ учрежденію на Руси олигархическихъ принциповъ власти. Разсказывая объ этой борьбѣ бояръ съ Іоанномъ Грознымъ, профессоръ Платоновъ приводитъ и слова Грознаго, опредѣляющія точку зрѣнія Царя на необходимость отстаивать свою власть: „Аще убо Царю не повинуются подовластные, никогда же отъ междоусобныхъ

браней престанутъ... ими же царствія растлѣваются". При этомъ русскій ученый историкъ приходитъ къ заключенію, что Грознымъ въ этой борьбѣ руководилъ не только собственный интересъ, но и заботы о царствѣ: „Онъ отстаивалъ не право на личный произволъ, а *принципъ единовластія*, какъ основаніе государственной силы и порядка". Профессоръ Платоновъ, на основаніи научнаго изслѣдованія историческихъ матеріаловъ и положеній эпохи, предшествовавшей избранію Михаила Федоровича, приходитъ къ опредѣленному выводу, что „если власть Государя опиралась на сознаніе народной массы, которая видѣла въ Царѣ и великомъ князѣ всея Руси выразителя народнаго единства и символъ національной независимости, то очевиденъ демократическій складъ этой власти *и очевидна ея независимость отъ какихъ бы то ни было частныхъ авторитетовъ и силъ въ странѣ*". Другой русскій ученый, Б. Чичеринъ, выражаетъ народную идею о власти въ политическомъ отношеніи еще болѣе опредѣленно: „Бояре не разъ старались при выборѣ Царя ограничить его извѣстными условіями. Но эти стремленія не находили отголоска въ землѣ, которая справедливо *предпочитала самодержавіе олигархіи*".

Совершенно къ такимъ же опредѣленнымъ заключеніямъ приходятъ ученые историки и при изслѣдованіи идеологіи народа на власть съ точки зрѣнія ея духовнаго происхожденія. Наиболѣе ярко выразилась эта народная тенденція въ уже приведенныхъ выше выдержкахъ, взятыхъ изъ документовъ, относящихся къ эпохѣ избранія Михаила Федоровича Романова. Твердый носитель въ себѣ Христа, русскій народъ принялъ въ основу своей идеологіи о власти глубокій смыслъ словъ Христа, обращенныхъ къ Пилату: „ты не имѣлъ бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебѣ свыше". Отсюда для Православнаго христіанина не могло быть иного понятія о власти, какъ то, которое было дано Апостоломъ Павломъ: „Всякая душа да будетъ покорна высшимъ властямъ, ибо *нѣтъ власти не отъ Бога*".

Такая духовная сторона идеологіи русскаго народа въ 1613 году не была случайной, навѣянной большимъ угнетеніемъ, перенесеннымъ всей землей, общимъ горемъ и бѣдствіями, постигшими народъ, когда забываются распри, взаимные раздоры и препирательства, очищаются души, люди становятся возвышеннѣе въ своихъ стремленіяхъ. Она создалась и жила въ душахъ русскаго народа несомнѣнно

въ отдаленныя времена, такъ какъ въ древне-русской письменности не разъ повторяется воззрѣніе, что *Государь русскій—помазанникъ Божій*, почему онъ „властію достоинства приличенъ есть Богу". Она передалась во всей полнотѣ и цѣльности своихъ составныхъ элементовъ и въ династію Романовыхъ, Цари коей непрестанно пеклись о сохраненіи, какъ умѣли, ея чистоты, силы и высоты нравственнаго значенія. Поэтому „мы охотно вѣримъ", пишетъ профессоръ Платоновъ, „искренности Петра, когда онъ говоритъ: „Я приставникъ надъ вами отъ Бога, и моя должность, чтобы недостойному не дать, а у достойнаго не отнять. Буде добръ будешь, но не столько мнѣ, сколько себѣ и отечеству добра сдѣлаешь; а буде худъ, то я истецъ буду, ибо Богъ того отъ меня за всѣхъ васъ востребуетъ, чтобы злому и глупому не дать мѣста вредъ дѣлать".

Весь этотъ историческій матеріалъ бояре-западники могли, при желаніи и дѣйствительной любви къ своему народу, почерпнуть несравненно ранѣе, чѣмъ онъ предоставленъ былъ упомянутыми выше русскими учеными. Не надо было бы тратить силы и время, жертвовать жизнью, въ поискахъ на западѣ истины для русскаго народа, а нужно было *познать свое, повѣрить въ свое и, главное, искренно полюбить свое*, чтобы понять всю отчужденность мысли и вѣры русскаго народа отъ идеаловъ запада и не пытаться вести его путемъ насилія надъ духомъ. Чего же добивались бояре-западники? Къ чему стремились и къ чему вели Россію?

Теперь вопросы эти уже не требуютъ отвѣта.

Но если бы въ свое время въ сердцахъ западниковъ жила хоть капля истинной чистой любви къ своему народному, вѣры въ исходившее изъ народа, то еще въ 1880 году ихъ разрушительную работу и грѣховную борьбу съ идеологіей русскаго народа остановили бы слова великаго пророка земли русской—Федора Михаиловича Достоевскаго:

„Вы скажете: и „въ общественныхъ учрежденіяхъ" и въ санѣ „гражданина" можетъ заключаться величайшая нравственная идея, что „гражданская идея" въ націяхъ уже зрѣлыхъ, развившихся, всегда замѣняетъ первоначальную идею религіозную, которая въ нее и вырождается и которой она по праву наслѣдуетъ. Да, такъ многіе утверждаютъ, но мы такой фантазіи еще не видали въ осуществленіи. Когда изживалась нравственно-религіозная идея въ національности, то всегда наступала панически-трусливая потребность еди-

ненія *съ единственною цѣлью „спасти животишки“*; другихъ цѣлей гражданскаго единенія тогда не бываетъ. Вотъ теперь французская буржуазія единится именно съ этою цѣлью „спасенія животишекъ“ отъ четвертаго ломящагося въ ея дверь сословія. Но „спасеніе животишекъ“ есть самая безсильная и послѣдняя идея изъ всѣхъ идей, единящихъ человѣчество. Это уже начало конца, предчувствіе конца“.

Это Достоевскій писалъ боярину-западнику Грановскому, какъ предупрежденіе поползновеніямъ западниковъ механически насадить въ Россіи новыя политическія формы. Въ этомъ предупрежденіи Достоевскій указываетъ: во-первыхъ, что западно-европейскія государственныя формы „народу нашему чужды и волѣ его не пригожи“; во вторыхъ, что западно-европейскіе народы, отказавшись отъ нравственно-религіозныхъ принциповъ въ идеѣ единенія, не способны никакими формами достигнуть дѣйствительнаго національнаго единенія: „Были бы братья, будетъ и братство. Если же нѣтъ братьевъ, то никакимъ „учрежденіемъ“ не получите братства“; и въ третьихъ, что является самымъ серьезнымъ и важнымъ въ предупрежденіи Достоевскаго, что съ исчезновеніемъ въ національности нравственно-религіозной идеи въ сущности кончается и сама національность государства, такъ какъ вмѣсто нея остается единственное единеніе во имя „спасенія животишекъ“, которое при возникновеніи первой опасности смотритъ „какъ бы поскорѣе разсыпаться врозь“.

Что же правъ былъ Достоевскій въ своей оцѣнкѣ увлеченія западничествомъ, или не правъ? Развѣ съ „изживеніемъ“ нравственно-религіозной идеи въ русскомъ народѣ не пала до невѣроятно низкой степени его національность? Развѣ не представляли собою различныя и многочисленныя комбинаціи Временнаго Правительства единеній въ цѣляхъ „*спасенія животишекъ*“? Развѣ не разсыпались онѣ всѣ врозь при появленіи первой же опасности со стороны большевизма 3-го іюля 1917 года?

Но въ дарѣ пророчества предчувствіе Достоевскаго оказалось еще болѣе ясновидящимъ:

„Да, она наканунѣ паденія ваша Европа, повсемѣстнаго, общаго и ужаснаго. Муравейникъ, давно уже созидавшійся въ ней, безъ Церкви и безъ Христа (ибо Церковь, замутивъ идеалъ свой, давно уже и повсемѣстно перевоплотилась тамъ въ Государство), съ расшатаннымъ до основанія нрав-

ственнымъ началомъ, утратившимъ все общее и все абсолютное, этотъ созидавшійся муравейникъ, говорю я, весь подкопанъ. Грядетъ четвертое сословіе, стучится и ломится въ дверь, и если ему не отворятъ, сломаетъ дверь. Не хочетъ оно прежнихъ идеаловъ, отвергаетъ всякъ доселѣ бывшій законъ. На компромиссъ, на уступочки не пойдетъ, подпорочками не спасете зданія. Уступочки только разжигаютъ, а оно хочетъ всего. Наступитъ нѣчто такое, чего никто и не мыслитъ. Всѣ эти парламентаризмы, всѣ исповѣдываемыя теперь гражданскія теоріи, всѣ накопленныя богатства, банки, науки, жиды, все это рухнетъ въ одинъ мигъ и безслѣдно, кромѣ развѣ жидовъ, которые и тогда найдутся какъ поступить, такъ что имъ даже въ руку будетъ работа. Все это „близко, при дверяхъ". Вы смѣетесь? Блажены смѣющіеся. Дай Богъ вамъ вѣку, сами увидите. Удивитесь тогда". Достоевскій вѣрилъ, что эти волны грядущаго разрушенія всего прошлаго „разобьются лишь о нашъ берегъ, ибо тогда только, въявь и воочію обнаружится передъ всѣми, до какой степени нашъ національный организмъ особливъ отъ европейскаго. Тогда и вы, гг. доктринеры, можетъ быть схватитесь и начнете искать у насъ „народныхъ началъ", надъ которыми теперь только смѣетесь".

Развѣ не переживаетъ нынѣ Европа этого пророчества Достоевскаго 1880 года? Развѣ всѣ эти Лондонскія, Канскія, Генуэзскія конференціи не попытки единенія въ цѣляхъ *„спасенія животишекъ?"* Даже въ отношеніи роли „жидовъ" въ движеніи „четвертаго сословія", не правъ ли былъ великій пророкъ русскаго народа? И далѣе, развѣ уже не начала разбиваться волна именно о „нашъ берегъ"? Развѣ не чувствуется, что переживаемое нынѣ есть еще только „начало" для Европы? Развѣ уже не начали „разсыпавшіеся врозь" по всему міру гг. доктринеры пытаться хвататься за „народныя начала"?

Но какъ?

Умѣренные бояре-западники, демократы-либералы, вспомнили теперь о крестьянинѣ-христіанинѣ, которому въ 1917 году ими было предназначено мѣсто служить быдломъ, козломъ отпущенія и пушечнымъ мясомъ въ парламентскомъ строительствѣ Россіи и красивымъ флагомъ-флеромъ для прикрытія политическихъ формъ *„народу нашему чуждыхъ и волѣ его непригожихъ"*. А теперь?!—Все на крестьянина:

для него будущая Россія, въ немъ таятся силы для возрожденія страны, онъ свергнетъ большевистское иго...

Ну, а кто ими будетъ править тогда? Вы, гг. разсыпавшіеся доктринеры? Опять съ вашими формами *„народу нашему чуждыми и волѣ его непригожими“*?

Бояре-западники социалисты пошли теперь еще дальше, чѣмъ указанные выше ихъ непримиримые враги бояре-западники демократы-либералы: „если надо, чтобы для сверженія большевизма Россія вернулась къ монархіи, пусть будетъ монархія, лишь бы вернуть ее за тотъ максимальный политическій рубежъ, черезъ который перешагнули большевики“. Прежде всего что это за рубежъ? Всякій рубежъ въ политическомъ отношеніи есть ограниченіе, насиліе надъ свободной волей, понятіе, не соотвѣтствующее свободѣ мнѣнія, совѣсти и личности, проповѣдуемой самимъ соціалистическимъ ученіемъ. Не служитъ ли это указаніемъ на существованіе въ самомъ ученіи какой-то... существенной невязки, дисгармоніи между идеями и ихъ примѣненіемъ? Ну, а затѣмъ? Когда Россія вернется снова къ монархизму? Вы гг. бояре-соціалисты откажетесь отъ новыхъ попытокъ и экспериментовъ въ насажденіи въ ней формъ „народу нашему чуждыхъ и волѣ его не пригожихъ?“

Нѣтъ, не спасти Россіи боярамъ-западникамъ демократамъ съ крестьянами, ни боярамъ-западникамъ соціалистамъ съ монархіей; не спасти Россіи отдѣльнымъ сословіямъ, классамъ и кастамъ; не спасти ее какимъ-либо политическимъ партіямъ. Россія не можетъ быть ни пролетарской, ни крестьянской, ни рабочей, ни служилой, ни боярской. Россія можетъ быть только—*Россіей Христа*, *Россіей „всея земли“*. Надо прочувствовать это, познать это и повѣрить въ это. Здѣсь нѣтъ ни монархистовъ, ни кадетъ, ни октябристовъ, ни трудовиковъ, ни соціалистовъ; здѣсь нѣтъ ни классовъ, ни сословій, ни чиновниковъ, ни генераловъ, ни офицеровъ, ни купцовъ, ни фабрикантовъ, ни рабочихъ, ни крестьянъ. *Здѣсь только одно—національная Россія, съ ея исторической нравственно-религіозной идеологіей.*

За эту-то Россію и боролись Державные Вожди Романовской династіи. Боролись какъ умѣли, какъ Богъ давалъ разума, и если грѣшили въ умѣніи, то въ духѣ и идеѣ были велики и святы.

Въ этой борьбѣ создалась для династіи Романовыхъ тяжелая, сложная историческая трагедія, которая, въ связи

съ временнымъ ослабленіемъ во „всея землѣ“ горѣнія идеи, привела къ смертельной агоніи послѣдней царствовавшей Августѣйшей Семьи.

27-го февраля 1917 года началась агонія Царской Семьи Императора Николая Александровича и 17-го іюля 1918 года она закончилась. Семнадцать долгихъ, тяжелыхъ мѣсяцевъ шла Царская Семья по тернистому и смрадному пути разложенія могучаго тѣла Державы Россійской къ Голгофѣ русскаго Государства, не спуская съ своихъ плечъ величественнаго креста религіозно-нравственной идеологіи русскаго народа. Тамъ, близъ Ганиной ямы, въ раіонѣ урочища Четырехъ братьевъ Коптяковскаго лѣса, служители Антихриста, руками русскихъ людей, водрузили сей крестъ Россіи и распяли на немъ Православную вѣру, національную, великую Русь и Державныхъ блюстителей Государственнаго единенія русскаго народа.

Свершилось...

Великая трагедія Романовской династіи претворилась въ великую мистерію русскаго народа.

Къ Михаилу Федоровичу Романову никакъ нельзя примѣнить опредѣленія, что онъ былъ *„выборный Царь“*, такъ какъ тѣ дѣйствія, которыя имѣли мѣсто на Земскомъ Соборѣ 1613 года, совершенно не подходятъ къ понятіямъ о „выборахъ“, устанавливаемымъ правилами и тенденціями современныхъ „гражданскихъ идей“ [1]). Да и сама сущность дебатовъ, происходившихъ на засѣданіяхъ Земскаго Собора, базировалась на почвѣ, совершенно отличной отъ той, на которую ставятся вопросы въ собраніяхъ, представляющихъ учрежденія для установки постановленій „гражданскихъ идей“. Насколько можно судить по дошедшимъ до насъ документамъ современниковъ, а не послѣдующихъ толкователей и повѣствователей субъективнаго характера, дебаты на Земскомъ Соборѣ сосредоточивались не на вопросѣ *„кого избрать“*, а на вопросѣ *„кто можетъ быть Царемъ на*

[1]) Напрасно только въ этомъ отношеніи профессоръ Ключевскій, не смогшій вполнѣ отказаться отъ вѣяній времени и западничества, пытается найти и „выборность,“ и „избирательный плебисцитъ,“ и т. под.

Руси соотвѣтственно тѣмъ идеологическимъ понятіямъ о власти, которыя существовали въ то время въ русскомъ народѣ „всея земли“. Понятія эти обнимали собой элементы двухъ порядковъ—нравственнаго и религіознаго. Къ числу первыхъ Земскимъ Соборомъ были отнесены: первое, „Царемъ на Руси можетъ быть только русскій“; второе, „Царемъ можетъ быть только родственникъ послѣдней династіи Ивана Калиты“, и третье, „Царемъ можетъ быть только тотъ, на комъ единогласно сосредоточатся желанія „всея земли“. Элементы второго порядка, въ сущности доминировавшіе надъ всѣми вышеустановленными, опредѣляли Божественность взгляда народа на власть: *„кого Богъ дастъ“, „кого Богъ изберетъ“*. Земскіе люди 1613 года, собравшись на „обираніе“ Государя, предоставляли „избрать“ Царя *Господу Богу*, ожидая проявленія этого „избранія“ въ томъ, что о Своемъ Помазанникѣ Онъ вложитъ въ сердца „всѣхъ человѣцѣхъ... едину мысль и утвержденіе“.

Съ такою вѣрою и съ такими единодушными взглядами на Верховную власть Россіи „февраля въ 21 день“, разсказываетъ актъ Земскаго Собора, „на сборное воскресеніе пришли въ соборную церковь къ Пречистой Богородицы честнаго и славнаго Ея Успенія, къ Митрополиту и ко всему освященному собору мы. бояре, и окольничіе, и чашники, и стольники, и стряпчіе, и дворяне Московскіе, и приказные люди, и дворяне изъ городовъ, и дѣти боярскіе всѣхъ городовъ, и головы, и сотники, и атаманы, и казаки, и стрѣльцы, и гости, и черныхъ слободъ и всего Государства Московскаго всякихъ чиновъ люди, и съ сущими младенцы, и молили Всемилостиваго Бога, и Пречистую Богоматерь, и великихъ Московскихъ чудотворцевъ, съ великимъ моленіемъ и воплемъ, чтобъ Всемилостивый Богъ далъ намъ на Владимерское и на Московское и на всѣ государства Россійскаго Царствія Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ всеа Русіи, отъ племени благовѣрнаго и праведнаго Государя Царя и Великаго Князя Федора Ивановича всеа Русіи племянника, Михаила Федоровича Романова-Юрьева“.

Здѣсь, для послѣдующаго пониманія Всевышнимъ Промысломъ опредѣленной мистеріи русскаго народа, весьма важны два, вполнѣ твердо опредѣленныхъ, начала нравственно-религіозной идеологіи: *Божественность происхожденія русской Верховной власти и ея родовая преемствен-*

ность. Если не уклоняться въ болѣе отдаленныя эпохи зарожденія указанныхъ началъ идеологіи русскаго народа, а ограничиться хотя бы эпохой Іоанна III, завершившаго объединеніе Московскаго царства и являвшагося вполнѣ опредѣленнымъ носителемъ идеи „Помазанничества Божьяго", то слѣдуетъ учесть, что болѣе 500 лѣтъ русскій народъ воспитывался, жилъ и росъ именно въ такихъ понятіяхъ на Верховную власть, совершенно независимо отъ того, какое названіе эта власть носила: Великаго Князя, Царя, Самодержца или Императора. Для него она была всегда и прежде всего „отъ Бога" и, какъ таковая, могла быть только единоличной и абсолютной, а съ точки зрѣнія преемственности Помазанничества—родовой наслѣдственной. Божественность власти Верховнаго Вождя, преступность посягательства на нее настолько впитались въ плоть и въ кровь народа, что даже по отношенію къ Василію Ивановичу Шуйскому, случайному Царю смутной эпохи, поставленному въ Цари только опредѣленной группой приверженцевъ, земскіе люди *1613 года* относятся съ должнымъ уваженіемъ и сверженіе его признаютъ „общимъ земскимъ грѣхомъ, по зависти діаволи".

Утвержденію въ русскомъ народѣ вѣры въ Божественность происхожденія Верховной власти, съ признаніемъ за ней въ гражданскомъ понятіи абсолютности, неограниченности и единовластія, не помѣшали издревле существовавшія различныя частныя теченія, возникавшія по причинамъ чрезвычайно разнообразнаго характера: личнаго, соціальнаго и даже внѣшне-иностраннаго, и имѣвшія цѣлью ограниченіе власти русскаго Монарха. Издревле же существовала и борьба Монарховъ, охранителей идеологіи народной, съ посягателями на цѣлость и неизмѣнность власти, и въ конечныхъ фазисахъ этой исторической борьбы народныя массы „всея земли" оказывались всегда на сторонѣ „охранителей" власти въ историческомъ нравственно-религіозномъ понятіи ея, а не на сторонѣ новаторовъ и узурпаторовъ этой власти. Свою идеологію русскій народъ хранилъ, лелѣялъ и носилъ болѣе внутренно, въ глубинѣ своей натуры, въ нѣдрахъ своей сущности, часто даже не сознавая себя ея носителемъ, но выявляя ее изъ своего сердца и духа въ періоды высокихъ національныхъ подъемовъ, порой даже непосредственно вслѣдъ за поступками и дѣяніями какъ бы совершенно противоположныхъ побужденій. Историческая идеологія и Православная вѣра тѣсно объединены въ существѣ

русскаго народа; обѣими онъ гордится, обѣимъ онъ преданъ безконечно, обѣимъ онъ способенъ служить до самопожертвованія, до полнаго своего обезличенія во имя общаго блага, и противъ обѣихъ грѣшилъ и грѣшитъ въ періоды пробужденія въ немъ матеріальныхъ, земныхъ желаній и стремленій, руководимыхъ внѣшними свойствами его натуры, обратными глубокимъ внутренно-духовнымъ, и вытекающихъ изъ его некультурности, неразвитости и духовно-психологической потребности унижать себя до дѣйствительнаго ничтожества, преступности и паденія.

Вотъ къ какимъ выводамъ о русскомъ народѣ и его идеологіи приводятъ серьезныя, научныя изслѣдованія русскихъ большихъ ученыхъ въ области исторіи государства Россійскаго, изслѣдованія, свободныя отъ западническихъ, теоретическихъ тенденцій и вліяній предвзятыхъ и узкихъ рамокъ различныхъ политическихъ партій и ихъ платформъ. Русскій человѣкъ, русскій народъ выявляются тогда именно въ той орбитѣ зрѣнія, которая была и будетъ всегда непонятной для запада и, конечно, непріятной и непріемлемой для той части россіянъ „западничества“, которая, или органически, или по тщеславному стремленію къ земной власти и „славѣ отъ людей“, не въ состояніи никогда слиться со своимъ народомъ „всея земли“ для дѣйствительно благого служенія ему. Въ этомъ отношеніи особенно знаменательно заключеніе профессора Платонова о Царѣ Петрѣ и его предшественникахъ: „всѣ они были люди старой Руси, чуждые какимъ бы то ни было теоріямъ властвованія, но всею душою болѣвшіе бѣдами своего народа и всѣми своими инстинктами воспитавшіе въ себѣ потребность жить въ единеніи „со всей землей“, для общей пользы и блага. Еще болѣе возможно это сказать про Великаго Петра. Онъ зналъ и видѣлъ европейскіе порядки и сочеталъ въ себѣ добрыя семейныя преданія съ европейскимъ знаніемъ и опытомъ. Онъ потому и великъ, что свои громадныя силы и способности безраздѣльно отдалъ, какъ умѣлъ, на служеніе своему народу и царству, слилъ себя со всей землей и создалъ изъ нея великую міровую державу“.

Знаменитыя слова Великаго Преобразователя Россіи: „О Петрѣ вѣдайте, что жизнь ему не дорога, жила бы только Россія въ благоденствіи и славѣ“, сказанныя передъ Полтавской битвой, стали историческими, и до сихъ поръ сохраняютъ въ русскомъ народѣ всю свою величественность,

силу и значеніе. Глубокая вѣра въ Божественность власти русскаго Государя, приводя, съ одной стороны, нравственное сознаніе народа къ ея абсолютности, неограниченности и единовластію, съ другой, приводитъ къ понятію о нравственномъ обязательствѣ монарха служить своему народу и царству какъ умѣетъ, но всѣми своими силами и способностями до конца, т.-е. до готовности всегда отдать свою жизнь за благо и славу народа и государства. Этимъ взаимнымъ нравственнымъ обязательствомъ Царя и народа объясняется сліяніе ихъ въ одно цѣлое, нераздѣльное, идеологическое понятіе о Русскомъ Государствѣ, понятіе, *освящаемое Божественностью исхожденія власти и „Помазанничествомъ“ на царство* Верховнаго Главы власти. Поэтому слова Царя Петра, что ему жизнь не дорога, а жила бы только Россія, вполнѣ искренни, такъ какъ являлись выразителями той идеологіи о верховной власти, которую исповѣдывалъ онъ самъ. А такъ какъ въ то же время они такъ же понимались и всѣмъ русскимъ народомъ, то въ нихъ Царь и народъ сливались идейно въ одно цѣлое, что и вызвало въ сердцахъ тогдашнихъ русскихъ людей глубокій откликъ, создавшій необходимое моральное настроеніе для побѣды надъ сильнымъ врагомъ. По этой же причинѣ слова стали историческими и на вѣчныя времена сохранились въ народной массѣ. Величіе ихъ выражалось въ томъ, что Царь готовъ былъ отдать свою жизнь за благо своего народа; сила ихъ—въ опредѣленно выраженномъ сліяніи Царя съ народомъ въ великой общей имъ идеологіи, и значеніе—въ горячей вѣрѣ въ исхожденіе этихъ нравственныхъ началъ отъ Божественнаго Промысла, и въ освященіи ихъ этимъ Промысломъ.

Теперь мысль подходитъ близко къ установленію того основанія мистеріи русскаго народа, въ которую претворилась трагедія династіи Романовыхъ черезъ агонію и смерть Императора Николая II-го и всей его Семьи.

То, что Царь Петръ выразилъ словами передъ Полтавской битвой, то Императоръ Николай II-й со всей Своей Семьей агоніей и смертью показалъ на дѣлѣ—*свое идейное сліяніе съ русскимъ народомъ, во имя блага народа, до конца, до смерти,* открывъ этимъ русскому народу истинный путь къ воскресенію и побѣдѣ надъ „общимъ земскимъ грѣхомъ, по зависти діаволи“ учиненномъ.

Несомнѣнно, что по геніальности, гражданской твердости воли и характера, Царь Петръ превосходилъ Императора Николая II-го. Но въ чемъ они были равносильны и равнотверды, такъ это въ глубинѣ и искренности вѣры въ *происхожденіе своей самодержавной власти отъ Бога и въ соотвѣтствіи ея исторической и вѣчной идеологіи русскаго народа.* По степени воспріятія религіозно-нравственныхъ началъ идеи Божественности власти многое ставитъ Императора Николая II-го, какъ натуру болѣе соотвѣтствовавшую по духовной мягкости, уравновѣшенности и любвеобилію къ воспріятію чистоты и святости Христова ученія, даже выше Царя Петра. Онъ прекрасно зналъ исторію русскаго народа, и его любимымъ научнымъ занятіемъ было изученіе этой исторіи, изученіе по капитальнымъ трудамъ и прямымъ источникамъ, о чемъ свидѣтельствуютъ всѣ знавшіе Его и имѣвшіе соприкосновеніе съ Нимъ въ послѣдній годъ Его жизни въ Царскомъ Селѣ и Тобольскѣ. Пониманіе внутренней духовной натуры Своего народа, въ связи съ полнымъ сознаніемъ его слабостей, его темноты и склонности къ крайностямъ, служили лишь для укрѣпленія въ сознаніи и сердцѣ Императора Николая Александровича твердости и святости охраненія въ Своемъ высокомъ званіи чистоты и цѣлости нравственно-религіозной исторической идеологіи Своего народа. Будучи мягкимъ и добрымъ по натурѣ, Онъ проявлялъ необычайную твердость и непоколебимость въ отстаиваніи святости и цѣлости Богомъ врученной Ему и наслѣдственно перешедшей къ Нему русской исторической Верховной власти. Чѣмъ болѣе Онъ видѣлъ успѣхъ работы „зависти діаволи“ въ русскомъ обществѣ и въ увлекаемыхъ имъ массахъ рабочаго пролетаріата, тѣмъ болѣе становился Онъ упоренъ въ огражденіи принятой на себя Святыни русскаго народа и до конца Своихъ дней, до конца Своей агоніи, зная глубоко Свой народъ по всему его историческому прошлому, твердо вѣрилъ, что „это все временное; это все пройдетъ“.

Разсматривая Императора Николая II-го, какъ носителя и охранителя Божественности происхожденія власти русскаго Государя, нельзя отдѣлять Его отъ Его Жены, Императрицы Александры Федоровны. Въ бракѣ Государя и Государыни вполнѣ оправдались слова Христа: „такъ что они уже не двое, но одна плоть“. Сліяніе Ихъ было дѣйствительно полнымъ; вѣрой въ святость самодержавной власти

и въ Помазанничество Божье Они горѣли оба съ равной силой и съ равнымъ самоотверженіемъ, но своей громадной волей и твердымъ характеромъ Императрица Александра Федоровна дополняла въ природѣ русскаго Царя то, чего не доставало въ натурѣ Императора Николая Александровича. Какъ люди, Они тяготились своей властью, своимъ державнымъ положеніемъ, но какъ Царь и Царица Россіи, унаслѣдовавъ Престолъ Русскаго Государства и принявъ самодержавную, Богомъ прославленную историческую власть русскихъ Государей, Они увѣровали въ истинность и въ соотвѣтствіе ея идеологіи русскаго народа всею силою своихъ Православныхъ христіанскихъ сердецъ и недюжинныхъ разумовъ. Слившись другъ съ другомъ „въ одну плоть", Они слились съ русской идеей о Верховной власти въ одну душу. Они глубоко исповѣдывали, что высшее право надъ русскимъ народомъ, предоставляемое Имъ самодержавною властью, заключается для нихъ въ высшихъ обязанностяхъ передъ народомъ: „если только нужно для Россіи, Мы готовы жертвовать и жизнью, и всѣмъ", говорила Императрица Александра Федоровна. И это были не слова...

Многое могли бы повѣдать теперь дневники и письма Государя и Государыни. Но къ великому несчастію русскихъ историковъ ихъ забрали въ свое время Керенскій и Ленинъ, стремясь найти въ нихъ подтвержденіе лжи и грязи, которыми окружали ихъ клевреты покойную Державную Чету, и оправданіе для своихъ анти-династическихъ, анти-русскихъ и анти-христіанскихъ поступковъ и дѣйствій. Повидимому эти документы не оправдали надеждъ гнусныхъ похитителей и едва ли станутъ когда-нибудь достояніемъ историческихъ изслѣдованій. Все же, что до сихъ поръ появлялось въ періодической печати въ качествѣ выписокъ будто бы изъ названныхъ похищенныхъ документовъ, является сплошнымъ издѣліемъ совѣтскихъ агентовъ, полнымъ лжи и памфлетовъ, довольно грубо и безграмотно составленныхъ. Сподвижники и единомышленники Керенскаго искали въ интимныхъ бумагахъ Государя доказательствъ, для опубликованія ихъ народу, что Царь былъ не русскій Царь, что дышалъ Онъ не Русью, что Самодержцемъ Онъ былъ для властолюбія, а не для служенія всѣми силами Своими народу русскому на благо „всея земли". Но подтвержденія себѣ они не нашли, а узнали противное и спрятали документы Царя отъ глазъ народа. Ленинъ и его

служители Антихриста похищали дневники Царя и Царицы не для того, чтобы найти въ нихъ оправданіе для себя и своихъ дѣйствій, а чтобы не оставить народу русскому даже писаннаго слова Помазанника Божьяго послѣ Его кончины. Однако отмѣтки и замѣтки, оставленныя покойными Царемъ и Царицей въ прочитанныхъ книгахъ, въ Библіи, Евангельи и различныхъ священныхъ писаніяхъ, въ связи съ показаніями свидѣтелей, даютъ возможность дополнить Ихъ облики, какъ представителей власти народно-русской идеологіи, нѣкоторыми характерными чертами.

Покойный генералъ Михаилъ Васильевичъ Алексѣевъ разсказывалъ, что въ началѣ 1916 года Государь Императоръ, будучи въ Ставкѣ, три дня носилъ при себѣ указъ о дарованіи Россіи конституціи. Въ эти дни Онъ почти не покидалъ своего кабинета и все время въ большомъ волненіи и задумчивости ходилъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ. Указъ этотъ не былъ Имъ подписанъ, но какъ-то въ разговорѣ съ Михаиломъ Васильевичемъ Государь сказалъ: *„Я не вѣрю, чтобы конституціонное правленіе принесло благо Россіи.* Настоящая тяжелая война требуетъ исключительныхъ мѣръ для поддержанія въ народѣ подъема, необходимаго для побѣды, но народъ никогда не будетъ уважать законовъ, исходящихъ можетъ быть отъ его односельчанъ".

Въ исключительно тяжелое переживавшееся Россіей время трудной, затяжной, внѣшней войны, при начавшей сказываться усталости страны и населенія, при плохой и несоотвѣтственной работѣ не аппаратовъ государственнаго организма, а людей, обслуживавшихъ эти аппараты, чиновничество, общественность и народные представители, составленные изъ людей, служившихъ въ этихъ аппаратахъ, увлекшись западничествомъ, требовали отъ Царя, въ качествѣ спасительной исключительной мѣры, конституціи — перемѣны формы и ломки тысячелѣтней идеологіи русскаго народа „всея земли". Правъ былъ Государь, говоря о необходимости исключительныхъ мѣръ для доведенія войны до побѣдоноснаго конца, правъ былъ и въ томъ, что духъ русскаго человѣка „всея земли" не удовлетворится законами человѣческими. Если ему закрыть вѣру, что онъ живетъ во всемъ „путями къ Господу", то онъ пойдетъ въ обратную сторону „по путямъ къ діаволу", но будетъ *искать духа, а не формы.*

Въ важныхъ случаяхъ исторической жизни русскаго государства Державные вожди народа имѣли обыкновеніе собирать соборы. Особенно богата ими эпоха Московскихъ Царей. По своему составу и назначенію соборы были разные, но особенной полнотой состава и широтой назначенія является Соборъ 1613 года, получившій по праву названіе *„Собора всея земли“*. Этому Собору Россія обязана сохраненіемъ въ неприкосновенности своей духовной идеологіи о власти, сохраненіемъ своей національности и государственности, восшествіемъ на „прародительскій“ престолъ династіи Романовыхъ и усмиреніемъ „всемірнаго мятежа“, по выраженію Царя Михаила Федоровича. Время, переживавшееся Россіей въ эпоху существованія этого „Собора всея земли“, чрезвычайно схоже съ періодомъ послѣдняго царствованія, начиная съ 1905 года и по настоящій день, развѣ только не было тогда интернаціональныхъ теченій Бронштейнъ-Апфельбаумовскаго направленія, но чувствовалось взамѣнъ сего вліяніе „жидовствующихъ“, исторія и роль коихъ въ тогдашней Россіи изслѣдована еще далеко не съ достаточной полнотой. Народная же поэзія не исключаетъ ихъ вліянія и тогда, и въ рѣчь Кузьмы Минина къ Нижегородцамъ вкладываетъ слѣдующія будто бы сказанныя имъ слова:

„Освободимъ мы матушку Москву отъ нечестивыхъ Жидовъ,

„Нечестивыхъ Жидовъ, Поляковъ злыхъ!“

Соборы эти, конечно, совершенно не соотвѣтствовали западническимъ идеямъ о представительныхъ палатахъ и парламентскихъ учрежденіяхъ, ни по своему составу, ни по духу, и являются чисто русскими собраніями представителей „всея земли“, вполнѣ отвѣчающими той идеологіи о власти, которая была заложена въ основу понятія „всей земли“ о своемъ государственномъ единеніи. Это были органы *практическаго „сліянія“ Царя съ народомъ*, когда въ важныхъ случаяхъ Царь желалъ слышать голосъ „всея земли“ непосредственно, а не черезъ агентовъ своей правительственной власти. Естественно, что такія чисто русскія идейныя организаціи получили въ ученіяхъ бояръ-западниковъ очень низкую оцѣнку и эпитеты „изношенныхъ формъ сѣдой старины“, „архаическихъ“, „дѣла давно минувшихъ дней“ и т. п. Въ 1866 году упоминавшійся выше Б. Чичеринъ, въ своемъ трудѣ о народномъ представительствѣ, пи-

салъ: „Только въ настоящее время, съ освобожденіемъ крестьянъ, Россія стала на совершенно новую почву. Теперь она устраиваетъ свой гражданскій бытъ на началахъ всеобщей свободы и права. Это та почва, на которой стоятъ всѣ европейскіе народы, только она можетъ дать настоящіе элементы для представительныхъ учрежденій". Совершенно справедливое замѣчаніе, которое могло бы найти себѣ полное выявленіе именно въ формѣ и духѣ русскихъ Соборовъ „всея земли", но не нашло своего отраженія ни въ представительныхъ учрежденіяхъ народовъ Европы, ни въ скопированныхъ въ Россіи Государственныхъ Думахъ и Совѣтахъ. На Земскихъ Соборахъ свобода мнѣнія отдѣльныхъ элементовъ стѣснялась только общими для всей массы „всея земли" національными и государственными понятіями; здѣсь же, въ представительныхъ учрежденіяхъ Европы и Россіи послѣднихъ лѣтъ, свобода мнѣнія „избранниковъ народа" замыкается въ узкія и деспотическія рамки многочисленныхъ политическихъ партій и платформъ, а принятые избирательные системы и порядки совершенно не обезпечиваютъ представительнымъ учрежденіямъ „всея земли" выявленія мнѣній даже отдѣльныхъ сословій. Капитальное изслѣдованіе исторіи жизни и дѣятельности политическихъ партій, произведенное М. Я. Острогорскимъ, приводитъ къ такимъ поучительнымъ для всѣхъ, увлекающихся западничествомъ, выводамъ: „политическія партіи имѣли своей задачей поддержать и развить активность и здоровый интересъ къ политическимъ вопросамъ въ народныхъ массахъ, получившихъ гражданскія права. Въ дѣйствительности не только эта задача не была исполнена, но получился противоположный результатъ. Чѣмъ успѣшнѣе шла организаціонная работа партій, чѣмъ дальше и глубже раскидывали онѣ свои щупальцы, подчиняя своему вліянію какъ массу избирателей, такъ и органы власти, тѣмъ болѣе стѣснялась личная иниціатива, подавлялась свободная отзывчивость народа, и вмѣстѣ съ тѣмъ падалъ и общій интересъ къ политикѣ. Народные представители, члены законодательныхъ палатъ превратились въ безгласныхъ делегатовъ партій, лишенныхъ свободы личнаго мнѣнія, въ послушныхъ статистовъ, исполняющихъ волю партійныхъ лидеровъ. И въ народныхъ массахъ, и въ лучшей части болѣе образованныхъ общественныхъ круговъ все болѣе замѣтно обнаруживаются признаки зловѣщаго индифферентизма къ полити-

ческимъ дѣламъ и не менѣе зловѣщей терпимости къ деспотизму партійныхъ вожаковъ и фальсификаторовъ общественнаго мнѣнія [1]).

Если же принять во вниманіе, что ни русскіе общественные круги, ни народныя массы совершенно не были подготовлены и не имѣли опыта въ тонкостяхъ выборныхъ манипуляцій и пріемахъ борьбы политическихъ партій запада, то приходится придти къ заключенію, что „общественныя мнѣнія и требованія", предъявлявшіяся Государю Императору, какъ мнѣнія и требованія „всея земли", и указывавшія на необходимость ограниченія самодержавной власти Царя установленіемъ конституціоннаго правленія, едва ли соотвѣтствовали дѣйствительности и были вполнѣ свободны отъ работы „фальсификаторовъ общественнаго мнѣнія". Умный Государь чувствовалъ это сердцемъ; онъ зналъ свой народъ не такимъ, какимъ онъ можетъ быть былъ въ текущій моментъ, а такимъ, какимъ онъ хотѣлъ быть, какъ на протяженіи всей своей исторіи, такъ и въ будущемъ. Поэтому Царь не вѣрилъ въ благость конституціи для народа. Онъ смотрѣлъ на коренное государственное дѣло *глазами будущаго* и не могъ смотрѣть на него, какъ общественные дѣятели „общественнаго мнѣнія", глазами только *текущей минуты*. Поэтому въ качествѣ „исключительной мѣры" Онъ понималъ не коренную ломку государственнаго строя въ опасный моментъ жизни народа, а созывъ Земскаго Собора „всея земли". Но для проведенія этой мѣры Онъ не нашелъ бы тогда сочувствія въ „общественномъ мнѣніи", которое видѣло спасеніе въ ограниченіи власти и вовсе не склонно было идти на усиленіе ея путемъ „слiянія" Царя со „всею землею", какъ сдѣлали то русскіе люди 1613 года въ періодъ царствованія перваго Царя изъ Дома Романовыхъ.

„Онъ не видѣлъ возможности править страною и унять всемірный мятежъ безъ содѣйствія Собора и требовалъ этого содѣйствія, призывая себѣ на помощь „всю землю" во всякихъ дѣлахъ управленія. Иначе говоря, на первыхъ же порахъ новый Государь хотѣлъ править съ Соборомъ и не видѣлъ въ этомъ умаленія своихъ Державныхъ правъ и своей власти. Съ своей стороны и „вся земля" нисколько не желала умалять власть своего избранника и съ послуш-

---

[1]) Бюллетени литературы и жизни. 1912. № 10.

нымъ усердіемъ шла ему на помощь во всемъ, въ чемъ могла. Земскій избранникъ и народное собраніе не только не спорили за свои права и за свое первенство, но крѣпко держались другъ за друга въ одинаковой заботѣ о своей общей цѣлости и безопасности. Сознаніе общей пользы и взаимной зависимости приводило власть и ея земскій Совѣтъ къ полнѣйшему согласію и обращало Царя и „всю землю“ въ одну нераздѣльную политическую силу, боровшуюся съ враждебными ей теченіями внутри государства и внѣ его“. Такъ пишетъ Платоновъ и заключаетъ: „Послѣдующее показало, какъ глубоко жизненно было дѣло, сдѣланное тогда „всею землею“, и какъ много обязаны были „всякихъ чиновъ людямъ Московскаго государства“ ихъ близкіе и далекіе потомки“.

„Успокоеніе государства совершилось и замиреніе на границахъ было достигнуто. Смутныя времена кончились и общественная жизнь вошла въ мирную колею“.

Здѣсь Платоновъ упускаетъ только одно, что Царь и „вся земля“ слились въ одну нераздѣльную политическую силу и не оспаривали другъ у друга своихъ правъ и своего первенства не только въ силу того, что „понаказались“ и „поняли всю необходимость своего единаго государства“, но главнымъ образомъ потому, что Царь и „вся земля“ объединились ярко вспыхнувшей въ нихъ нравственно-религіозной идеей своей національной государственности. Безъ этой сильнѣйшей внутренней духовной спайки и сліянія никакія внѣшнія причины не могли бы подвигнуть „всю землю“ на такое беззавѣтное служеніе своему Царю и родинѣ, а Царя — своему народу, какое было ими проявлено для воскресенія великой Руси.

Но даже и послѣ только глубокихъ словъ Платонова дѣлается какъ-то больно за русскихъ западниковъ, когда, увлеченные своимъ стремленіемъ ко всему только западному, они въ ослѣпленіи отрицаютъ явные факты своей русской исторіи и пишутъ: „Земскіе соборы—дѣла давно минувшихъ дней; они жили и умерли, наглядно показавъ собою все свое несовершенство, а подъ конецъ и непригодность“. Знаменательно, что это заключеніе было высказано въ 1904—1905 годахъ М. Клочковымъ въ его брошюрѣ „Земскіе Соборы въ старину“, когда, подъ вліяніемъ неудачной войны съ Японіей, впечатлительность натуры русскаго человѣка, легко переходящей отъ однихъ крайностей къ другимъ,

повела къ паденію духа и ослабленію сознанія во „всея землѣ“ своей національной нравственно-религіозной идеи и дала толчокъ русскому западному боярству стремиться къ осуществленію своихъ политическихъ вожделѣній, „народу нашему чуждыхъ и волѣ его не пригожихъ“; въ это же время Царь мечталъ именно о „Соборѣ всея земли“.

Черезъ 12 лѣтъ, 27-го февраля 1917 года, русское западное боярство стало наконецъ лицомъ къ лицу съ первыми представителями той самой части русскаго народа, которую оно же воспитывало въ своихъ западническихъ тенденціяхъ и выставляло въ „общественномъ мнѣніи“ какъ народъ „всея земли“. И вотъ здѣсь вмѣсто „свѣтлыхъ тѣней будущаго“ предъ ихъ глазами предстала ужасная пропасть, страшная бездна между ними и „всея землей“; ихъ 12-ти лѣтнее воспитаніе уже успѣло закрыть передъ духовными очами „всея земли“ пути къ Господу и она оказалась довольно прочно стоящей на путяхъ къ діаволу. Тогда только вспомнился боярамъ - западникамъ доблестный подвигъ „послѣднихъ людей Московскаго царства“ въ своей исторіи, но, не желая сознаться въ своемъ „*земскомъ грѣхѣ*“, они и тутъ не смогли отказаться отъ западничества и всѣми силами души и тѣла ухватились за идею спасенія „своихъ животишекъ“ черезъ западно-европейское политическое дѣтище—*Учредительное Собраніе*, которое, конечно, тоже оказалось „народу нашему чуждымъ“, а потому и провалилось. Во всемъ этомъ бояре-западники забыли умышленно или сознательно, что „послѣдніе люди Московскіе“ прежде всего „*олицетворили идею государства*“ и, олицетворивъ ее въ лицѣ „Государя, не захотѣли быть безгосударны и малое время“. Теперешніе же послѣдніе люди поступили какъ разъ обратно, и прежде всего постарались *оставить „всю землю“ безъ идеи о государствѣ и безъ Государя,* и черезъ это, уже вполнѣ исторически точно, поставили себя въ неизбѣжность „испытать ужасы собственныхъ междоусобій смутнаго времени“ и раззоренія Россіи начала XVII вѣка...

Здѣсь историческая трагедія династіи Романовыхъ подходитъ къ началу агоніи Государя Императора Николая Александровича и всей Его Семьи.

Основаніе агоніи было построено на обманѣ и хитрости. Обманъ заключался въ томъ, что представители „общественнаго мнѣнія“ убѣдили Государя, во-первыхъ, что они дѣйствительные представители народа и выразители мнѣнія

„всея земли", и, во-вторыхъ, что только они, принимая во вниманіе состояніе страны, представленное „общественнымъ мнѣніемъ", смогутъ привести Россію къ побѣдѣ надъ внѣшнимъ врагомъ и успокоить внутреннюю смуту, при условіи отреченія Государя отъ Престола, передачи его брату Михаилу и отказа отъ самодержавія. Хитрость проявилась въ томъ, что, зная мягкость и слабость характера Государя, народные представители и бояре-западники предумышленно и злонамѣренно отдѣлили Его отъ Императрицы Александры Федоровны, для совершенія насилія надъ Его волей и духомъ и исторженія необходимаго имъ акта отреченія. Факты не позволяютъ даже смягчить характеръ обмана и признать его невольнымъ, не предусмотрѣннымъ.

Въ тотъ самый часъ и день, 27-го февраля, когда члены Государственной Думы собрались въ помѣщеніи Думы на совѣщаніе для организаціи незаконнаго Временнаго Исполнительнаго Комитета Государственной Думы съ оффиціальной задачей: „для поддержанія порядка въ Петроградѣ и для сношеній съ различными учрежденіями и лицами", въ томъ же помѣщеніи собрались, какъ было опубликовано въ „Извѣстіяхъ", представители рабочихъ и солдатъ и нѣсколько общественныхъ дѣятелей. Составился Временный Исполнительный Комитетъ (не Думскій), который приступилъ къ организаціи Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, для чего и предложилъ заводамъ избрать по одному депутату на каждую тысячу рабочихъ, а войскамъ по одному представителю на роту. Возникшій такимъ образомъ совѣтъ на другой день опубликовалъ воззваніе къ населенію столицы. Въ воззваніи говорилось, что „для успѣшнаго завершенія борьбы въ интересахъ демократіи народъ долженъ *создать свою собственную властную организацію...*" и, что „населеніе должно немедленно, сплотившись вокругъ совѣта, образовать мѣстные комитеты въ раіонахъ и *взять въ свои руки управленіе всѣми мѣстными дѣлами*". Изъ упоминавшейся уже выше деклараціи, составленной П. Н. Милюковымъ, явствуетъ, что *до 2-го марта народнымъ представителямъ Думы было извѣстно, какъ о создавшемся второмъ незаконномъ Временномъ Исполнительномъ Комитетѣ,* такъ и объ оффиціальныхъ задачахъ, принятыхъ имъ на себя. Слѣдовательно, членамъ Думы ко 2-му марта должно было быть вполнѣ ясно, что ихъ представительство „всея земли" весьма скомпрометировано

появленіемъ другихъ представителей „народа“, самостоятельно распоряжавшихся организаціей „всея земли“. Своимъ же соглашательствомъ, о которомъ упоминается въ той же деклараціи, съ народными представителями *„явочнаго порядка“*, они санкціонировали законность этихъ именно представителей и умалили свое собственное представительство, какъ членовъ Государственной Думы. Профессоръ Соколовъ, въ одномъ изъ своихъ „политическихъ обозрѣній“, пишетъ: „Знаменитый историкъ французской революціи Тэнъ указываетъ, что въ революціонное время толпа, собравшаяся на улицѣ столицы, часто присваиваетъ себѣ право говорить и дѣйствовать отъ имени народа. Дѣйствительно такъ обыкновенно возникаютъ *„самочинныя“* революціонныя организаціи, занимающіяся *„революціоннымъ творчествомъ“*. Успѣхъ такихъ организацій опредѣляется тѣмъ, въ какой степени имъ удается угадать настроеніе народа, и въ какой степени ихъ дѣятельность отвѣчаетъ его желаніямъ“. День 27-го февраля ознаменовался въ исторіи русской революціи выступленіемъ двухъ такихъ революціонныхъ самочинныхъ организацій: Думской и Совѣтской, и на слѣдующій же день выяснилось, что члены Государственной Думы передъ 27 февралемъ не угадали настроенія народа, принимая на себя распорядительную власть въ возникшемъ движеніи, а послѣ 27-го февраля—своею дѣятельностью не отвѣчали желаніямъ народа, который, по предоставленнымъ ему „завистью діаволи“ путямъ, ушелъ далеко за политическіе рубежи, „открывавшіеся умственнымъ взорамъ“ народныхъ представителей Государственной Думы.

Обѣ стороны „всея земли“, лишившись идеи государства, желали лишь властвовать другъ надъ другомъ.

Царство раздѣлилось само въ себѣ...

Поэтому рѣшеніе членовъ Государственной Думы сохранить за собой послѣ 28-го февраля лицо *„общественнаго довѣрія“ и „народныхъ представителей“* и выступить съ такимъ лицомъ 2-го марта съ требованіемъ передъ Государемъ, *носило явные признаки обмана.*

Умышленность, устанавливаемая фактами въ отношеніи обмана, въ равной степени проявилась и въ хитрости образа дѣйствій самочинныхъ руководителей въ первые дни революціоннаго движенія въ Петроградѣ, въ цѣляхъ добиться отреченія Императора Николая II-го. Исторія даетъ еще слишкомъ мало матеріаловъ, чтобы установить, кто именно

являлись главными вожаками и инспираторами въ рѣшеніи членовъ Думы сойти съ законной почвы 27-го февраля, сорганизоваться въ самочинный революціонный органъ и приступить къ насильственнымъ дѣйствіямъ противъ Державнаго Главы Государства. Оффиціально документы и литература того времени выставляютъ всюду въ качествѣ первенствующаго Предсѣдателя Государственной Думы М. В. Родзянко, но многое указываетъ на то, что въ этомъ оффиціальномъ первенствующемъ положеніи М. В. Родзянки было лишь пассивное подчиненіе волѣ другихъ, истинныхъ, но скрытыхъ руководителей мнѣніями и дѣйствіями членовъ Государственной Думы. М. В. Родзянко, самъ по себѣ, былъ истиннымъ и искреннимъ вѣрноподданнымъ и тогда, когда 26-го іюля 1914 года отъ лица Думы говорилъ Государю: „Дерзайте, Государь, русскій народъ съ Вами...“, и тогда, когда 26-го февраля 1917 года телеграфировалъ Царю въ Ставку: „...Молю Бога, чтобы въ этотъ часъ отвѣтственность не пала на Вѣнценосца“, и тогда, когда на слѣдующій день передавалъ по телефону черезъ Командира Своднаго полка Ресина Государынѣ Императрицѣ, чтобы Она немедленно уѣзжала съ Дѣтьми изъ Царскаго Села, и на замѣчаніе Ресина, что дѣти серьезно больны, добавилъ: „когда домъ горитъ, то дѣтей выносятъ“. Онъ и остался таковымъ, сохраняя первенствующее, но малопочетное мѣсто въ Государственной Думѣ, когда послѣ 15-го марта 1917 года она стала мертвымъ тѣломъ для государственности русскаго народа.

Истинные, но скрытые вдохновители революціонныхъ рѣшеній Государственной Думы: „Думѣ не расходиться; всѣмъ депутатамъ оставаться на своихъ мѣстахъ“, сорганизовать Временный Исполнительный Комитетъ, принять на себя право водворенія порядка въ столицѣ, принять на себя всю исполнительную власть, выявить передъ Государемъ общественное мнѣніе и потребовать Его отреченія отъ Престола, конечно, не были вдохновлены вѣрноподданническими чувствами, но не были увѣрены и въ успѣхѣ задуманнаго ими государственнаго переворота. Они опасались Ставки, неувѣренные вполнѣ, что она не откажется поддержать ихъ въ рѣшительную минуту; они опасались Царскаго Села, убѣжденные, что Императрица сможетъ удержать Государя отъ добровольнаго отреченія; наконецъ, они опасались, и не безъ основаній, что Государь пони-

маетъ истинную цѣну „общественнаго мнѣнія“ и далеко не считаетъ его „мнѣніемъ всея земли“.

Наконецъ, и главнымъ образомъ *они испугались революціи* и больше всего „*революціоннаго народа*“.

Начавъ днемъ 27-го февраля свою дѣятельность съ „революціоннаго творчества“, руководители изъ членовъ Государственной Думы уже къ вечеру того же дня столкнулись съ другимъ самостоятельнымъ „революціоннымъ творчествомъ“ со стороны революціоннаго народа. Сознавъ и почувствовавъ свою слабость, думскимъ руководителямъ для спасенія „*своей революціи*“ и сохраненія „своего первенства“ пришлось идти на соглашательство съ народными руководителями на извѣстныхъ компромисныхъ условіяхъ. Этимъ самымъ они вступили на первую ступень лѣстницы непослѣдовательности и противорѣчія между словомъ и дѣломъ, проявлявшихся затѣмъ во всей послѣдующей ихъ дѣятельности. Прежде всего имъ стало вполнѣ ясно, что продолжать революцію дальше нельзя, что она опасна болѣе всего для единенія „своихъ животишекъ“, что бездна, открывшаяся ихъ „умственнымъ взорамъ“, требовала или прекратить немедленно революцію, или сознательно летѣть въ бездну. 28-го февраля передъ ними открывались двѣ дороги: или, слившись идейно съ Царемъ, повернутъ начавшуюся въ Россіи революцію на путь къ Господу, или, низложивъ „революціоннымъ творчествомъ“ Царя, стать на сторону совѣтовъ и вести русскій народъ по пути къ діаволу. Ни на то, ни на другое у нихъ не хватало гражданскаго мужества, да кромѣ того въ обоихъ случаяхъ столь взлелѣянная западническая власть уходила изъ ихъ рукъ. Что же сказалъ бы тогда ихъ богъ—Западъ?

Они рѣшили тогда избрать третій путь, небывалый, не предусматривавшійся ни „совершенными образцами, ни лучшими книжками“ запада, ни исторіей Россіи. Они рѣшили перехитрить всѣхъ; перехитрить „революціонный народъ“, общество, Царя; перехитрить своего бога—Западъ. Они рѣшили, прикрываясь именемъ предводителей народной революціи Россіи и оставивъ государство безъ идеи о своей государственности, вести революцію къ Учредительному Собранію путемъ мирнаго и хитроумнаго „*эволюціоннаго творчества*“. Никогда, нигдѣ, ни въ какомъ государствѣ не было проявлено столько внѣшней бутафоріи переживавшагося революціоннаго періода, сколько было ея въ Россіи въ „ре-

волюцію февраля—октября 1917 года, но нигдѣ не было проявлено и столько эволюціонной хитрости, чтобы удержать „новое вино въ старыхъ мѣхахъ", какъ въ Россіи временъ революціоннаго Временнаго Правительства.

Отказавшись послѣ 28-го февраля отъ дальнѣйшаго „революціоннаго творчества", Временному Думскому Исполнительному Комитету естественно необходимо было, чтобы Верховная власть перешла къ нему эволюціоннымъ порядкомъ. А для этого необходимо было прежде всего добровольное отреченіе отъ Престола Государя Императора Николая Александровича. Учитывая вышеприведенныя существенныя опасенія, вдохновителямъ рѣшеній Временнаго Комитета, кромѣ использованія обмана, пришлось стать на путь хитрости: надо было удалить Государя изъ Ставки, не дать Ему соединиться съ Императрицей Александрой Федоровной и инсценировать отчужденность отъ Царя „всея земли". При наличіи такой обстановки, пользуясь мягкостью и слабостью воли Царя, они могли разсчитывать добиться успѣха и, вырвавъ у Него добровольное отреченіе отъ Престола, сдѣлать первый шагъ по пути къ утвержденію эволюціоннымъ порядкомъ Верховной власти за собою. Но эволюціонный путь ставилъ революціонныхъ руководителей въ фальшивое положеніе, какъ по отношенію къ революціонному движенію, такъ и по отношенію къ прежнему режиму, который ихъ революція ломала; въ сущности, они вынуждены были въ этомъ случаѣ идти хитростью на соглашательство съ Царской властью, какъ вынуждены были прибѣгнуть къ тому же и съ революціонной властью народа.

Всѣхъ этихъ данныхъ, характеризующихъ природу, нравственное содержаніе и „свободу духа и творчества" революціонной организаціи инспираторовъ изъ членовъ Государственной Думы, рѣшившихъ продолжать неудачно начатое дѣло революціи, вопреки выяснившихся неблагопріятныхъ для нихъ обстоятельствъ, приходится касаться только потому, что сущность этихъ элементовъ, имѣя слишкомъ тѣсное отношеніе, какъ къ трагедіи династіи Романовыхъ, такъ и къ послѣдовавшей агоніи послѣдняго изъ Державныхъ Вождей этой династіи, устанавливаетъ внутреннюю связь между этими двумя историческими обстоятельствами. Событія 27—28 февраля слишкомъ ясно указали на несостоятельность идеологіи русскихъ бояръ-западниковъ для культивировки ея на національной, бытовой и духовной почвѣ

народа русскаго „всея земли“. Конечно, не этой только выявившейся несостоятельностью исчерпываются всѣ корни трагедіи послѣдней династіи и всѣ причины, приведшія къ революціи 1917 года, но преступное увлеченіе западничествомъ, отчужденность отъ своего историческаго, ослѣпленіе „образцовыми“ теоріями и формами „народу нашему чуждыми и волѣ его непригожими“, привели къ раздробленію интеллигентныхъ силъ страны въ тотъ моментъ, когда сказалась необходимость противостать, съ должной національной энергіей и государственнымъ единеніемъ, страшному напору дѣйствительно опаснаго и сильнаго противника культурно-христіанскаго міра, его исконнаго врага, соціалистически-антихристоваго легіона сплоченныхъ сыновъ *„религіи Лжи“*.

Тѣмъ паче невозможно было создать хитроумнымъ эволюціоннымъ порядкомъ необходимую для борьбы силу, и Исполнительный Думскій Комитетъ, лишь затягивая кризисъ, неизбѣжно пошелъ къ своей катастрофѣ. Шаткою же эволюціонною тактикою своего правленія онъ вмѣстѣ съ тѣмъ создалъ томительную и тяжелую агонію для Царской Семьи и повелъ Ее послѣдовательными этапами къ кошмарной развязкѣ въ Ипатьевскомъ домѣ 17-го іюля 1918 года. Страшная полуторогодовая агонія и ужасный ея конецъ были столь же неизбѣжны въ исторіи Россіи и связанной съ ней исторіи трагедіи династіи Романовыхъ, какъ неизбѣжно было вообще паденіе въ бездну „всея земли“, отказавшейся, хотя и временно, отъ своей нравственно-религіозной идеологіи.

Графъ Витте, въ своихъ запискахъ объ исторіи возникновенія извѣстнаго указа 12 декабря 1904 года, вспоминая одну изъ своихъ бесѣдъ съ Императоромъ Николаемъ II, пишетъ: „Во время этого разговора зашла рѣчь о земскихъ соборахъ. Я высказалъ убѣжденіе, что земскіе соборы—это такая почтенная старина, которая при нынѣшнемъ положеніи не примѣнима; составъ Россіи, ея отношенія къ другимъ странамъ и степень ея самосознанія и образованія и вообще идеи XX и XVI вѣка совсѣмъ иныя“. Графа Витте считали образованнѣйшимъ русскимъ интеллигентомъ и выдающимся государственнымъ дѣятелемъ своего времени, когда ему было поручено руководительство правительствомъ

въ труднѣйшій и опаснѣйшій моментъ государственнаго перелома въ исторіи русскаго народа. Теперь, когда въ его запискахъ открывается дѣйствительная физіономія и содержаніе этого вершителя судебъ Россіи, дѣлается какъ-то жутко даже за прошлое. Въ своемъ отвѣтѣ Государю о земскихъ соборахъ, графъ Витте оказался и плохимъ русскимъ историкомъ, и плохимъ русскимъ націоналистомъ, и плохимъ знатокомъ русскаго народа, и достаточно посредственнымъ русскимъ мудрецомъ, но безусловно сильнымъ, самомнительнымъ и увлеченнымъ русскимъ бояриномъ-западникомъ.

Во-первыхъ, разцвѣтъ земскихъ соборовъ былъ не въ XVI, а въ XVII вѣкѣ, и именно въ идейномъ ихъ значеніи; во-вторыхъ, территоріальное измѣненіе Россіи съ XVII по XX вѣкъ не имѣетъ серьезнаго вліянія на составъ представительныхъ органовъ; новыми элементами по сравненію съ XVII вѣкомъ являлись теперь только окраины—Польша, Литва, Крымъ, Кавказъ, Туркестанъ и Восточная Сибирь, представители коихъ не могутъ оказать подавляющаго вліянія на доминирующее представительство основного раіона, ядра Россіи, однороднаго по составу населенія, не измѣнившагося съ XVII вѣка; въ третьихъ, слаба національность того государственнаго дѣятеля, который въ идеѣ внутренняго устройства государства зависитъ отъ мнѣній иностранныхъ сосѣдей; да и какія такія отношенія Россіи къ другимъ странамъ могли повліять на созывъ Земскаго Собора или иного представительнаго органа? Въ четвертыхъ, событія 1917—1920 годовъ ярче всего опровергаютъ голословное заявленіе графа Витте о значительной, неизмѣримой разницѣ въ степени самосознанія и образованія Россіи въ XVII и XX вѣкахъ. Это грустно, но тѣмъ не менѣе это такъ, и у графа Витте не было никакихъ данныхъ выставлять этотъ доводъ противъ Земскаго Собора. Онъ могъ явиться у него лишь какъ плодъ собственнаго теоретическаго увлеченія западничествомъ безъ прочнаго знанія своего народа. Да и откуда могли развиться столь успѣшно самосознаніе и образованіе народа, чтобы явиться помѣхой Земскимъ Соборамъ хотя бы по формѣ. Съ 1861 года времени прошло еще слишкомъ мало, кредиты на эту отрасль народнаго благосостоянія, какъ не могло не быть извѣстно графу Витте, отпускались очень скромные, да къ тому же далеко не западническая по духу винная монопольная прак-

тика графа Витте надъ русскимъ народомъ слишкомъ мало способствовала здоровому развитію народнаго самосознанія и образованія. Наконецъ, въ пятыхъ, и что самое существенное, „вообще объ идеяхъ“ графу Витте, какъ западнику, лучше было совсѣмъ не говорить. Вѣдь именно здѣсь-то, въ идеяхъ, въ идеяхъ о государственности Россіи и кроется основной корень расхожденія увлеченныхъ бояръ-западниковъ и русскихъ людей, питающихъ мысль исторіей русскаго народа.

Западники, ставящіе въ центръ своихъ міровоззрѣній человѣка съ его земными потребностями, естественно въ вопросахъ государственности народовъ не возвышаются въ своихъ идеяхъ выше матеріальныхъ понятій соціальнаго единенія человѣчества, въ которыхъ форма и духъ этихъ единеній отвѣчали бы земнымъ стремленіямъ человѣка, соотвѣтственно перемѣнчивымъ вліяніямъ той или другой эпохи. Такія идеи государственныхъ единеній, конечно, неустойчивы, непостоянны и мѣняются не только вѣками, но гораздо чаще—черезъ десятки лѣтъ, даже годами. Какъ бы ни прикрывались такія „гражданскія“ идеи доктринерскими ученіями о свободѣ, братствѣ и равенствѣ, но въ основѣ ихъ все же остается стремленіе малой части доктринеровъ опредѣленнаго соціальнаго толка даннаго времени владѣть насильственно всѣмъ остальнымъ человѣчествомъ, что и было причиною безчисленныхъ политическихъ пертурбацій на западѣ за послѣдніе вѣка, и что привело народы Европы не къ идейнымъ государственнымъ единеніямъ, а, какъ справедливо отмѣчаетъ Достоевскій, къ единственно возможному *„гражданскому“ единенію во имя „спасенія животишекъ“*. На этомъ пути человѣчествомъ руководятъ не дѣйствительныя идеи мірового смысла, не великія и вѣчныя идеи одухотвореннаго значенія, а *„идейки“* революціоннаго или эволюціоннаго порядка, вырабатывающіяся, какъ показываетъ исторія міра, въ теоретическомъ мышленіи различныхъ государственныхъ, политическихъ и общественныхъ дѣятелей народовъ, лишившихся нравственно-религіозныхъ элементовъ въ основѣ идей своего *мірового существованія*. Такіе народы неизбѣжно сходили со сцены міровой дѣятельности, и, или совершенно исчезали съ лица земли, или продолжали свое существованіе въ состояніи прозябанія и медленнаго, но вѣрнаго постепеннаго вымиранія.

„Жизнь каждаго народа имѣетъ опредѣленный смыслъ“, говоритъ Владиміръ Соловьевъ въ своей книгѣ „Русская идея“. Въ религіозномъ отношеніи это истина, подтверждаемая раціональной философіей: какъ не можетъ не быть смысла въ существованіи одного человѣка, такъ не можетъ не быть смысла въ существованіи общества людей—народа, связанныхъ и соединенныхъ другъ съ другомъ прежде всего общностью идеи смысла своего существованія на землѣ. Для русскаго народа смысломъ существованія, а отсюда и идеей его государственнаго единенія, съ древнѣйшихъ временъ историческаго зарожденія, являлись начала религіознаго характера, которыми пропитана вся политическая исторія народа, начиная даже съ его легендарнаго періода существованія. Здоровымъ ли пониманіемъ или больнымъ, сознательно или только чувствомъ (ибо можно многое не сознавать, но чувствовать) воспринимались народною массою эти начала, какъ руководящія смысломъ его существованія, это другой вопросъ, но религіозность смысла государственнаго единенія проходитъ опредѣленной нитью черезъ все многострадальное и многобурное существованіе русскаго народа съ середины IX вѣка, вѣка появленія на міровой аренѣ Руси. Недостатокъ историческаго матеріала по этому вопросу заставляетъ остановиться на положеніи, что въ эпоху древней Руси, до Іоанновъ, эта религіозная основа, въ смыслѣ своего государственнаго единенія, принималась въ массахъ русскаго народа болѣе чувствомъ, чѣмъ сознаніемъ. Но многіе ли и теперь, даже изъ интеллигентнаго класса, могли бы подойти къ этому вопросу сознательно, съ глубокимъ знаніемъ своей исторіи? Многіе ли останавливались хотя бы на томъ фактѣ, что время зарожденія русскаго государства въ IX вѣкѣ совпало съ величайшимъ міровымъ политическо-религіознымъ событіемъ—началомъ раздѣленія церквей, и почти безусловно въ связи съ этимъ событіемъ, связи, трудно улавливаемой теперь лишь по недостатку историческихъ матеріаловъ. Однако достаточно для начала и такихъ фактовъ: въ 843 году, т.-е. за 21 годъ до времени, съ котораго принято начинать русскую исторію, распалась Великая Имперія Карла Великаго, создавшаяся на религіозно-нравственныхъ началахъ западной церкви. Вслѣдъ за симъ около 860 года возникаетъ распря между Константинопольскимъ Патріархомъ Фотіемъ и Папою Николаемъ I, явившаяся началомъ раздѣленія церк-

вей и послужившая къ усиленію миссіонерской дѣятельности со стороны восточной церкви, коснувшейся преимущественно славянъ. Около того же 860 года Хозарскій коганъ, властвовавшій въ это время надъ Полянами, Сѣверянами, Вятичами и Радимичами, просилъ Греческаго Императора прислать ученыхъ мужей, которые знали бы славянскій языкъ и могли бы вести религіозные споры съ іудеями и магометанами. Результатомъ этого явилось посѣщеніе русской земли славянскими апостолами Кирилломъ и Мефодіемъ; съ этого времени начался переводъ священныхъ книгъ на славянскій языкъ. Знаменательно, что окончательное раздѣленіе церквей послѣдовало въ 1054 году, въ годъ смерти Ярослава Мудраго, когда можно было разсчитывать, что христіанство по восточной церкви уже крѣпко утвердилось на Руси. „Такимъ образомъ", пишетъ историкъ Бѣловъ, „основаніе русскаго государства, крещеніе кіевской Руси и утвержденіе въ ней христіанства совпадаетъ съ великимъ событіемъ раздѣленія церквей". Нравственно-религіозные корни, легшіе въ основу этого историческаго раздѣленія церквей, преемственно вошли въ основу идеи русскаго государственнаго единенія. Отсюда въ русскомъ народѣ „всея земли", скорѣе черезъ чувство, культивировалась великая идея объ историческомъ призваніи Россіи и объ осуществленіи ея на землѣ, сначала у себя, въ формѣ и духѣ своего государственнаго строительства, а впослѣдствіи, въ развитіи и совершенствѣ идеи, и во всемъ мірѣ. Что не человѣкъ былъ издревле центромъ міросозерцанія народа, какъ стало теперь у западниковъ, а нравственно-религіозныя понятія государственнаго единенія, о томъ много фактическаго матеріала даетъ исторія Россіи: „не посрамимъ земли русскія, ляжемъ костьми, мертвымъ нѣтъ сраму", говоритъ Святославъ; „Зачѣмъ губить русскую землю, поднимая сами на себя которы... Станемъ жить въ одно сердце и блюсти русскую землю", совѣтовались въ Любечѣ князья; „Богъ утаилъ правду отъ премудрыхъ, а открылъ ее мезенніемъ владимірцамъ", говоритъ лѣтописецъ подъ 1176 годомъ, когда Владиміръ (городъ) отстаивалъ принципъ государственнаго единенія; „Божіею Милостью и Пречистыя Богоматери", появляется уже въ договорныхъ грамотахъ великихъ князей Московскихъ, начиная съ Василія Дмитріевича; „О, великіе князья Владиміра, Новгорода и всея Руси! Молитвами вашими помогите мнѣ на отступ-

никовъ православія“, молился Іоаннъ III надъ гробами своихъ предковъ передъ походомъ на Новгородъ въ задачѣ объединенія всея Руси.

Но опредѣленнѣе всего, рѣзче, полнѣе и наиболѣе ярко нравственно-религіозныя начала идеи государственнаго единенія русскаго народа „всея земли“ сказались именно въ эпоху разцвѣта Земскихъ Соборовъ, въ эпоху призванія династіи Романовыхъ. Объ этой идеологіи „всея земли“ говорилось уже выше, и казалось бы, что для русскихъ людей, живущихъ своимъ, реальнымъ, историческимъ, а не химерами запада, весь трехсотъ-лѣтній періодъ царствованія Романовыхъ показываетъ, что эта идеологія непрестанно продолжала питать мысль и чувства „всея земли“, оставалась твердой основой Богохранимой Державы Россійской и продолжала жить въ сердцахъ русскихъ людей, не смотря ни на какія потрясенія и искушенія соціально-религіознаго характера періода русской исторіи XVII—XX вѣковъ. „Русская идея, мы знаемъ это“, говоритъ Соловьевъ, „не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ нѣкоторымъ опредѣленнымъ аспектомъ идеи христіанской“. Какъ слѣдствіе изъ христіанства, русская идея о своемъ государственномъ единеніи оставалась неизмѣнной за всѣ десять вѣковъ жизни русскаго народа и, говоря въ 1904 году, что „вообще идеи XVI и XX вѣка совсѣмъ иныя“, графъ Витте, если бы онъ понималъ и чувствовалъ „вообще“ идеи своей „всея земли“, долженъ былъ бы добавить—„*на западѣ*“. Разговоръ же его съ Государемъ касался по смыслу и содержанію именно основной идеи россійской государственности, а не какихъ-либо маленькихъ, временныхъ „гражданскихъ“ идеекъ, что вытекаетъ изъ заключительныхъ словъ Государя: „Да я никогда, ни въ какомъ случаѣ не соглашусь *на представительный образъ правленія,* ибо я его считаю *вреднымъ для ввѣреннаго мнѣ Богомъ народа*“.

3-го марта 1917 года народъ „всея земли“ узналъ о добровольномъ отреченіи отъ Престола Государя Императора съ измѣненіемъ основного духа своего государственнаго единенія, а затѣмъ узналъ и объ отказѣ Великаго Князя Михаила Александровича принять Верховную власть безъ подтвержденія ея Учредительнымъ Собраніемъ. Если бы въ сознаніи или чувствахъ русскаго народа „всея земли“

отсутствовали корни исторической нравственно-религiозной идеи своего государственнаго единенiя, смысла своего существованiя, какъ цѣльнаго народа, то вѣроятно, послѣ нѣкоторыхъ революцiонныхъ или эволюцiонныхъ потрясенiй и этаповъ, жизнь народа вылилась бы въ какiя-либо образцовыя формы западно-европейскаго единенiя и потекла бы по теоретическому руслу всѣхъ европейскихъ государствъ, раздѣляя съ ними и общую ихъ участь буржуазно-соцiальныхъ единенiй во имя „спасенiя животишекъ". Если бы русскiй Государь Императоръ Николай II олицетворялъ въ своемъ лицѣ представительство „гражданской" Верховной власти въ той или иной формѣ, уже давно установившейся въ идеяхъ западныхъ государственныхъ единенiй, то послѣ отреченiя онъ покинулъ бы предѣлы своего государства, какъ Вильгельмъ и Карлъ, и исторiя „земскаго грѣха" русскаго народа не ознаменовалась бы событiями ужасной агонiи и кошмарнаго конца ея, постигшихъ послѣдняго вѣнценоснаго Вождя Россiи и его Семью.

Но, какъ историческiй смыслъ жизни народа и вдохновляющiя его мiровой путь великiя идеи являются не плодомъ рукъ человѣческихъ, *а ниспосылаются ему Божьимъ Промысломъ*, такъ и послѣдствiя всенароднаго грѣха, совершеннаго противъ предначертанныхъ путей „по зависти дiаволи", руководятся Имъ же. Если народъ, „земля" познаетъ, почувствуетъ въ событiяхъ, руководимыхъ Промысломъ, знаменiе Божье, свѣтъ истины, то черезъ искреннее, глубокое раскаянiе и могучее творчество въ горячей вѣрѣ своего избранничества, ему могутъ открыться пути къ спасенiю и воскресенiю. Если же нѣтъ—его смыслъ во всемiрной жизни будетъ утерянъ навсегда.

Волею Промысла Всевышняго Творца русскiй народъ „всея земли" поставленъ передъ великими знаменiями Промысла — агонiей и убiйствомъ, совершенныхъ по винѣ народа надъ бывшимъ носителемъ и охранителемъ великой религiозной идеи „всея земли", болѣе тысячи лѣтъ озарявшей смыслъ ея существованiя и ея призванiя.

Откроются ли ей пути къ истинѣ, раскаянiю, творчеству и воскресенiю?

„Обыватель обыкновенно судитъ о государствѣ по чисто внѣшнимъ признакамъ. Государство для него это городовой, стоящiй на перекресткѣ и регулирующiй движенiе, это армiя, организованная и дисциплинированная, готовая каж-

дую минуту броситься на внѣшняго или внутренняго врага, это чиновники, хранящіе тайны государственной власти, и если онъ видитъ все это на своихъ мѣстахъ, то ему кажется, что все обстоитъ благополучно, что государство здорово и могущественно". Такъ судитъ о русскомъ обывателѣ все тотъ же бояринъ-западникъ, профессоръ Соколовъ, выдержки изъ политическихъ обозрѣній котораго приводились уже выше. Онъ можетъ быть вполнѣ искренно вѣрилъ, что „обыватель" только такъ и судитъ о государствѣ и что для него вполнѣ достаточны только „внѣшніе признаки", а дальше и глубже онъ и заглядывать не станетъ. Въ своемъ сужденіи объ „обывателѣ" земли русской онъ, и тысяча еще другихъ такихъ же бояръ-западниковъ, полагали, что если „обывателю" сказать, что Царь „малодушенъ, упрямъ, слабоволенъ, лично-властолюбивъ", что окружаетъ себя только „карьеристами и проходимцами", что „драгоцѣнные народные дары безсовѣстно растрачивались преступными временщиками", что „казнокрадство достигло еще небывалыхъ размѣровъ", что „измѣна и предательство гнѣздились въ царскихъ покояхъ", что „случайный шарлатанъ изъ полуграмотныхъ сибирскихъ мужиковъ возвысился до роли наперсника взбалмошной нѣмецкой принцессы, презиравшей Россію и русскій народъ", что „Россія въ ужасѣ отшатнулась отъ видѣнія разврата и безчестія", то „обыватель" удовлетворится только „внѣшними признаками" новой самочинной государственной власти и не захочетъ вникнуть глубже, какъ въ то, что творилось раньше, такъ и въ то, что ожидаетъ теперь его государственность. Вѣдь для этихъ новыхъ городовыхъ новой власти, охранявшихъ и оправдывавшихъ своими обращеніями къ „обывателю" земли русской смыслъ своего существованія, въ центрѣ всего міросознанія былъ только человѣкъ, „гражданскія" идейки. Они не хотѣли, да и не могли видѣть въ „обывателѣ" ничего иного, что выходило за предѣлы своего собственнаго сужденія, своего собственнаго пониманія. Поэтому и отрекшійся отъ Престола Царь сталъ для нихъ только *„гражданиномъ Николаемъ Александровичемъ Романовымъ"*, и они старались все сдѣлать, чтобы и „обыватель" раздѣлялъ ихъ міровоззрѣніе по „внѣшнимъ признакамъ"; сверженіе Царя, въ глазахъ массы народа, произошло не насильственно-революціоннымъ порядкомъ, а эволюціоннымъ, добровольнымъ отреченіемъ Государя Николая II-го въ пользу Своего брата,

актомъ человѣческаго міросознанія; отказомъ Михаила Александровича выдвинута исключительность воли человѣческой, первенство въ идеѣ о власти государственной—власти народной; тотчасъ по достиженіи власти Временное Правительство горячо стремится вывезти Николая Александровича Романова съ Семьей куда-либо за предѣлы Его бывшаго государства, а когда это не удается, предпринимаетъ всѣ доступныя человѣку мѣры для огражденія Ихъ отъ опасности случайныхъ эксцессовъ.

Но все было тщетно; по ихъ пониманію, *„злой рокъ“* привелъ всѣ ихъ начинанія къ кошмарной гибели, къ кровавому злодѣянію въ Ипатьевскомъ домѣ.

Но кто вѣритъ въ Бога, кто вѣритъ въ существованіе идеи русской государственности отъ Бога, для того въ карѣ, постигшей Россію, въ изувѣрской смерти, принятой Помазанникомъ Божьимъ Николаемъ II-мъ и Его Семьей, видны великія знаменія Промысла Всевышняго Творца.

Для русскаго народа, для народа, тысячу лѣтъ чувствовавшаго свое призванничество и олицетворявшаго путь къ нему черезъ свою идеологію о Верховной власти на землѣ, въ насильственной, мученической смерти Николая II-го свершилось чудо, чудо таинственное, какъ чудо послѣдняго искушенія діаволомъ уже распятаго Христа: „если ты Сынъ Божій—сойди съ креста“.

Если бы Онъ сошелъ съ креста, сохранилась ли бы Божественность идеи Его призванія на землѣ? Она сошла бы съ пути Божественнаго Предопредѣленія и стала бы на почву человѣческаго міровоззрѣнія.

Если бы Николай II-й не погибъ насильственно, а спасся, бѣжалъ бы послѣ отреченія за-границу, сохранилась ли бы тогда историческая цѣлость идеи о государственности русскаго народа, олицетворяемой въ Государѣ, *Помазанникѣ Божьемъ?* На Престолѣ — это былъ бы Царь въ гражданскомъ понятіи почетнаго титула, а внѣ Престола—человѣкъ гражданинъ, Николай Александровичъ Романовъ, и только.

Но Николай II-ой погибъ, погибъ трагически, мученически, звѣрски убитый со всею своей Семьей, послѣ чего тѣла ихъ не закопали просто, какъ тѣла обыкновенныхъ другихъ гражданъ, а сожгли, сожгли безъ слѣда, тайкомъ, и скрывая самый фактъ сожженія.

Почему? Почему нужна была его смерть? Почему нужна была не только смерть, но и уничтоженіе?

Если русскій Царь былъ обыкновеннымъ *„гражданскимъ“ Монархомъ*? Если Николай II-й былъ обыкновеннымъ гражданиномъ—носителемъ этого титула? То чѣмъ же Онъ былъ опасенъ послѣ добровольнаго отреченія отъ Престола? Чѣмъ Онъ былъ такъ опасенъ, что Его пришлось держать въ заточеніи? Что было въ Немъ такого, что не исчезло, ни съ отреченіемъ отъ Престола, ни съ заточеніемъ въ Тобольскѣ? Почему считали, что только послѣ тайнаго убійства и уничтоженія Его, и не только Его, но и Его Жены и Дѣтей, и всѣхъ близкихъ къ Нему, удастся наконецъ избавиться отъ той опасности, которую представлялъ собою Николай II-й для новой власти русскаго народа, для новаго государственнаго строенія Россіи на началахъ, чуждыхъ ея исторической идеологіи?

Вотъ вопросы, которые Промыселъ Божій выдвинулъ передъ очами русскаго народа „всея земли“ послѣ агоніи и смерти Николая II-го.

Какъ гражданинъ, Николай Романовъ не могъ быть опасенъ ни для кого.

Какъ Помазанникъ Божій, Онъ былъ опасенъ для западниковъ Временнаго Правительства и страшенъ для изувѣровъ совѣтской власти.

Люди захотѣли избавиться отъ Николая Романова по своему, и создать свое, „человѣческое“ для смысла жизни русской государственности.

Промыселъ Божій, направляющій волю и руки человѣческія, привелъ ихъ къ кресту распятаго Николая II-го, и какъ бы говоритъ:

Смотри, познай и раскайся.

Великое, таинственное чудо свершилось передъ глазами „всея земли“.

Трагедія династіи Романовыхъ *претворилась въ мистерію русскаго народа.*

Въ пророчествахъ Достоевскаго о Россіи есть знаменательныя слова, вложенныя имъ въ уста умирающаго Верховенскаго, въ романѣ „Бѣсы“:

„знаете вы, это чудесное и... необыкновенное мѣсто было мнѣ всю жизнь камнемъ преткновенія... въ этой книгѣ... такъ что я это мѣсто еще съ дѣтства упомнилъ. Теперь же мнѣ пришла одна мысль, одно сравненіе. Мнѣ ужасно много приходитъ теперь мыслей; видите, это точь-въ-точь какъ наша Россія. Эти бѣсы, выходящіе изъ больного и входящіе

въ свиней, всѣ эти язвы, всѣ міазмы, вся нечистота, всѣ бѣсы и всѣ бѣсенята, накопившіеся въ великомъ и миломъ нашемъ больномъ, въ нашей Россіи, за вѣка, за вѣка! Да, эта Россія, которую я любилъ всегда. Но великая мысль и великая воля осѣнятъ ее свыше, какъ и того безумнаго бѣсноватаго, и выйдутъ всѣ эти бѣсы, вся нечистота, вся эта мерзость, загноившаяся на поверхности... и сами будутъ проситься войти въ свиней. Да и вошли уже, можетъ быть! Это мы, мы и тѣ, и Петруша... и другіе съ нимъ, и я можетъ быть первый во главѣ, и мы бросимся, безумные и взбѣсившіеся, со скалы въ море и всѣ потонемъ, и туда намъ и дорога, потому что насъ только на это вѣдь и хватитъ. Но больной исцѣлится и „сядетъ у ногъ Іисусовыхъ“... и будутъ всѣ глядѣть съ изумленіемъ...“.

Болѣе 50 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Достоевскимъ было высказано это пророчество; безуміе Россіи проявилось въ полной мѣрѣ.

Для исцѣленія бѣсноватаго нужно было чудо Божье и сила вѣры больного въ посланничество Христа.

Безумная Россія пришла къ величественной мистеріи — мученической кончинѣ Николая II-го и всей Его Семьи; чудо совершилось: развѣнчанный въ гражданина, низверженный и уничтоженный людьми Царь *отмѣченъ перстомъ Промысла Божьяго, какъ Помазанникъ Божій.* Найдетъ ли въ себѣ народъ „всея земли“ силу вѣры принять исцѣленіе и вернуться снова къ ногамъ Іисуса здѣсь на землѣ, въ горячемъ стремленіи черезъ раскаяніе очиститься отъ всей накипи, мерзости и гноя, накопившихся на Руси *„по общему земскому грѣху и по зависти діаволи“*.

„Если только нужно для Россіи, Мы готовы жертвовать и жизнью, и всѣмъ“, говорили покойные Царь и Царица. Они и отдали свою жизнь для Россіи; Они слились на вѣки вѣчные съ тѣмъ русскимъ народомъ „всея земли“, который, какъ и Они, исповѣдывалъ одну вѣру, одну идею, одинъ смыслъ въ русской исторической государственности и шли, какъ умѣли, по одному пути великаго предназначенія христіанскаго русскаго народа—*къ Россіи Христа*, черезъ истинный образъ Святой Троицы на землѣ: *Вѣру, Царя и Отечество...*

Вернется къ Нимъ и русскій народъ „всея земли“.

ГЛАВА II.

«Божьимъ изволенiемъ» Помазанникъ.

16-го февраля 1917 года Наслѣдникъ Цесаревичъ Алексѣй Николаевичъ заболѣлъ корью, заразившись ею отъ одного кадета, прiѣзжавшаго къ нему изъ Петрограда, гдѣ въ то время была сильно распространена въ закрытыхъ учебныхъ заведенiяхъ эта эпидемiя.

Всякая болѣзнь Наслѣдника была большимъ испытанiемъ и тревогой для всей Царской Семьи и особенно для Отца и Матери. То, что для всякаго другого ребенка Его возраста, являлось совершеннымъ пустякомъ, обычной болѣзнью, то для Алексѣя Николаевича могло ежеминутно превратиться въ серьезное и чрезвычайно опасное состоянiе, угрожающее смертельнымъ исходомъ. Съ 1912 года, когда впервые выяснилось, что организмъ Его зараженъ *гемофилiей*, этой ужасной, смертельной, наслѣдственной болѣзнью Гессенскаго Дома Его Матери, всякая другая болѣзнь, простой незначительный ушибъ, царапина, на почвѣ этой болѣзни, могли стать роковыми для Его жизни. Медицина была совершенно безсильна бороться съ гемофилiей; наука до сихъ поръ не нашла дѣйствительныхъ средствъ для противодѣйствiя яду этой болѣзни, разрушающему венозную ткань въ организмѣ; кровеносные сосуды становятся на столько нѣжными, что всякiй пустякъ способенъ вызвать разрывъ ихъ и сильное внутреннее кровоизлiянiе безусловно смертельной опасности. При этомъ болевыя ощущенiя въ случаяхъ такого кровоизлiянiя повидимому были ужасны и доводили Наслѣдника до безсознательнаго состоянiя. Пароксизмъ длился нѣсколько дней и ночей, не отпуская и не ослабѣвая ни на минуту, вызывая у Цесаревича непрерывавшiйся мучительный стонъ и почти безумное состоянiе. Вообще Онъ былъ очень терпѣливъ къ физической боли, умѣлъ владѣть собой и не показывать вида, что страдаетъ, если болѣзненность не переходила границъ ослабленiя воли. Онъ даже не любилъ, чтобы другiе замѣчали, что онъ страдаетъ и, какъ ребенокъ, сердился на тѣхъ, кто замѣчалъ, не имѣя силъ сдержать своего страданiя. Госпожа Битнеръ, занимавшаяся съ Дѣтьми въ Тобольскѣ, разсказываетъ:

„Бывало, сидитъ и начинаетъ отставлять ногу. Видишь это, скажешь: „Алексѣй Николаевичъ, у Васъ нога болитъ“. „Нѣтъ, не болитъ“. „Да вѣдь я же вижу“. „Вы всегда видите, болитъ, а она не болитъ“. Такъ и не скажетъ, а нога дѣйствительно разбаливается. Ему хотѣлось быть здоровымъ и Онъ надѣялся на это. Бывало скажетъ: „а какъ Вы думаете, пройдетъ это у меня“. Но въ дни пароксизмовъ болѣзни, впадая въ почти безсознательное состояніе, Онъ, конечно, уже не могъ владѣть собой и стонъ Его мучительно и болѣзненно отзывался на всей Семьѣ.

Алексѣй Николаевичъ былъ любимцемъ всей Семьи. Можетъ быть потому, что Онъ былъ самымъ младшимъ и единственнымъ Сыномъ и Братомъ, но вѣрнѣе, по свойствамъ своей натуры и характера. Это былъ поразительно располагающій къ себѣ ребенокъ: умненькій, воспріимчивый, чуткій, ласковый, нѣжный, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ уже достаточно опредѣлившимися волей и характеромъ. Его любила не только вся Семья, но и всѣ окружавшіе Ее придворные, слуги, солдаты. Онъ располагалъ къ себѣ сразу, съ перваго общенія съ Нимъ. Поэтому когда Онъ впадалъ въ болѣзненное состояніе, то это чувствовалось во всемъ домѣ: всѣ становились озабоченными, тревожными; всѣхъ поглощала мысль—какъ Онъ перенесетъ болѣзнь; всѣ старались не шумѣть, говорить тише и, хотя внѣшняя жизнь дома продолжалась въ прежнемъ порядкѣ, но на всемъ ложился отпечатокъ какъ бы печали, общаго ожиданія страшнаго, рокового.

Болѣе всѣхъ страдали Отецъ и Мать; послѣдняя болѣла кромѣ того какъ бы сознаніемъ своей невольной виновности передъ Сыномъ. Оба любили Сына безгранично. Для обоихъ въ Сынѣ сосредоточился смыслъ всей личной и Державной жизни. Для обоихъ въ Немъ явилась какъ бы милость Господня лично къ Нимъ за долголѣтнее терпѣливое ожиданіе и испытанія, перенесенныя въ эпоху, предшествовавшую Его рожденію. Для обоихъ въ Немъ жили Ихъ великія радость и счастье видѣть прямого, преемственнаго Наслѣдника Россійской Державы. Надо воспринять величественность, полноту и святость ихъ воззрѣнія на Богомъ дарованную Имъ историческую, „всея земли“ самодержавную власть, чтобы понять какую милость Всевышняго Творца Они чувствовали въ наличіи для Россіи наслѣдственнаго Помазанника Божья; какъ для искренно и горячо

вѣровавшихъ христіанъ, рожденіе Сына было для Нихъ указаніемъ на „славу отъ Бога“:—„кого изберу, того и прославлю“, такъ какъ какая могла быть большая для Нихъ на землѣ „слава отъ Бога“, какъ имѣть Наслѣдника своей земной, Богомъ возложенной на Нихъ задачѣ, и въ Его наличіи видѣть утвержденіе своего Помазанничества. Такой взглядъ, опредѣленно высказывавшійся Царемъ и Царицей покойной Великой Княгинѣ Елизаветѣ Федоровнѣ, ясно обрисовывается многими помѣтками, оставленными Ими въ различныхъ, принадлежавшихъ Имъ книгахъ Священнаго писанія. Съ другой стороны, наличіе Наслѣдника-Сына отвѣчало въ полной мѣрѣ нравственному элементу идеологіи „всея земли“ о наслѣдственной преемственности Верховной власти, установившейся издревле, и въ глазахъ народа являлось *Божьимъ благословеніемъ* Державныхъ Родителей.

Но Сынъ былъ дорогъ Родителямъ не только въ силу удовлетворенія Ихъ національно-государственной идеологіи, но и по чисто русскимъ патріархальнымъ началамъ хорошей русской семьи, въ которыхъ сынъ-наслѣдникъ является всегда особенно желаннымъ, дорогимъ и любимымъ членомъ семьи. Вся Царская Семья, въ своемъ внутреннемъ мірѣ, являла собою яркій, характерный образецъ русской патріархальной семьи, основанной на тѣсной дружбѣ и любви между всѣми членами семьи, на исключительномъ почтеніи къ родителямъ и на глубокой религіозности по духу Православной церкви. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многіе матеріалы, приведенные въ 1-й части настоящаго труда, а потому повторять ихъ снова нѣтъ основаній. Надо поражаться только, съ одной стороны, развращенностью многихъ умовъ русскаго общества, и съ другой—тѣмъ непонятнымъ съ человѣческой точки зрѣнія ослѣпленіемъ русскихъ людей того времени, которые претворили въ „общественномъ мнѣніи“ эту чистую, нравственную, глубоко-русскую Семью въ какой-то бедламъ развращенности, деспотичности, гордыни, лицемѣрія, ханжества и сугубо антинаціональнаго содержанія. Великій „соблазнъ“ претерпѣла вся русская земля, допустившая такое безбожное и несправедливое извращеніе истины и правды, но *„горе тѣмъ, черезъ кого соблазнъ приходитъ“*.

„Говорю вамъ, взыщется имъ за это“.

Въ этой патріархальной русской Семьѣ, съ первыхъ лѣтъ ея созданія, съ горячей молитвой и человѣческой жаждой, ожидалась милость Божья—рожденіе Сына. Десять лѣтъ Родители, по волѣ Провидѣнія, были обречены нести напряженное испытаніе, и только на одиннадцатомъ году явилась милость Всевышняго Творца, и родился давно жданный и заранѣе горячо любимый Сынъ-Наслѣдникъ Алексѣй Николаевичъ. Счастье и радость Родителей были безграничны: въ этотъ день Они почувствовали себя прославленными Богомъ, какъ Державные Вожди земли русской, и безконечно удовлетворенными, какъ супруги и родители русской патріархальной семьи. Завѣтная мечта Ихъ, десять лѣтъ страстно лелѣянная, осуществилась. Наслѣдникъ-Сынъ заполнилъ смыслъ Ихъ жизни, какъ блюстителей государственнаго единенія „всея земли" Великой Россіи и какъ Родителей своей собственной русской семьи. Маленькій Наслѣдникъ Цесаревичъ сталъ кумиромъ своей Семьи; Богъ одарилъ Его душу и характеръ исключительно хорошими свойствами и качествами, что способствовало укрѣпленію общей любви къ Нему. Онъ росъ въ атмосферѣ постояннаго вниманія и горячей нѣжности со стороны всѣхъ Членовъ Семьи, сохраняя названіе „Маленькій", данное Ему Отцомъ съ первыхъ лѣтъ Его жизни. „Какъ я рада за Нику и Алису", говорила Великая Княгиня Елизавета Федоровна, „истинно Богъ послалъ Имъ эту милость въ награду за то зло, которое Имъ пришлось претерпѣть за послѣдніе годы отъ „нѣкоторыхъ близкихъ родственниковъ". Теперь они всѣ оставятъ Государя и Алису въ покоѣ". Эти „нѣкоторые близкіе родственники" своимъ интригантствомъ и фарисействомъ много способствовали утвержденію въ „общественномъ мнѣніи" злонамѣренныхъ толкованій о Царѣ и Царицѣ и умышленному искаженію истинныхъ русскихъ Православныхъ обликовъ этихъ мучениковъ своего царствованія и мучениковъ за идеологію „всея земли".

Но „общій земскій грѣхъ" въ русскомъ народѣ уже слишкомъ разросся и его не заставило одуматься знаменіе Промысла Божьяго, явленное Россійской Державѣ въ рожденіи Наслѣдника-Сына, такъ какъ: „пошли вслѣдъ суеты и осуетились, и вслѣдъ народовъ окрестныхъ", и погибли.

На седьмомъ году жизни, Наслѣдникъ Цесаревичъ, рѣзвясь и играя, ушибъ себѣ ногу; у Него открылась впервые гемофилія. Трудно передать тотъ ужасъ, который ощу-

тился тогда всей Семьей. Родители знали о неизлѣчимости этой ужасной болѣзни, отъ нея, не смотря ни на какія попытки медицины предотвратить неизбѣжный конецъ, уже умерли въ семьѣ Императрицы нѣсколько Ея близкихъ родственниковъ, Они знали, что смерть можетъ наступить каждый день, каждую минуту, что для этого достаточно самой пустой неосторожности, простого ушиба, синяка, Они знали, что ничто и никто на землѣ не въ состояніи обезвредить болѣзнь, предотвратить внезапность смерти, ослабить дѣйствіе яда. Для нихъ жизнь стала вѣчнымъ страхомъ, вѣчнымъ ожиданіемъ катастрофы, ежеминутнымъ опасеніемъ за жизнь Сына, опасеніемъ потерять Его, больше не увидать, больше не услышать живымъ. Это было бы почти кошмарнымъ состояніемъ, почти кошмарною жизнью, если бы... если бы *не громадная вѣра, не исключительная религіозность* Державныхъ Родителей, которая одна давала Имъ силу жить дальше и продолжать оставаться непоколебленными и твердыми въ вѣрѣ въ безконечное милосердіе Всевышняго Творца и неисповѣдимость путей Его Промысла. „Въ Евангеліи сказано, что вѣра можетъ двигать горами“, говорила Императрица, „Я вѣрю, что мой Сынъ воскреснетъ“. По сознательности и глубинѣ вѣры Государыни можно съ убѣжденіемъ сказать, что слова эти не являлись слѣдствіемъ только душевнаго побужденія ухватиться за великіе завѣты вѣры, какъ за источникъ отвлеченнаго утѣшенія тамъ, гдѣ уже безсильна была сдѣлать что-нибудь наука и людская мудрость. Для Государыни и Государя вѣра была не слѣдствіемъ душевной потребности, а сознательнымъ, умомъ и сердцемъ постигнутымъ путемъ къ великому Началу всего въ мірѣ, къ Творцу его, Всемогущему Богу, черезъ ученіе прославленнаго Сына Его Іисуса Христа.

Чтобы проникнуть въ глубину сознательной религіозности Царя и Царицы и обнять полноту и цѣлость воспринятія Ими духовности началъ ученія Христа, мало прослушать свидѣтельства лицъ, близко стоявшихъ къ Нимъ, мало проштудировать Ихъ письма, записки, личную переписку, надо открыть принадлежавшія Имъ книги Священнаго писанія, и страница за страницей, строка за строкой, тщательно проанализировать многочисленныя отмѣтки, сдѣланныя Ими въ книгахъ, изъ коихъ нѣкоторыя, какъ Библія и Евангеліе, читались повидимому ежедневно и неоднократно. Отрекшись отъ предвзятостей, созданныхъ молвой и „общественнымъ

мнѣніемъ", подойдя къ этой работѣ съ искреннимъ желаніемъ познать, чтя чистоту и святость великихъ ученій, постепенно, шагъ за шагомъ, начинаешь получать представленіе о величественности, цѣльности и святости нравственно-религіознаго міровоззрѣнія, которыми были проникнуты существа Вѣнценосныхъ Супруговъ Россійскаго Государства. Для историческаго изученія трагической гибели Царской Семьи къ этой обширной и важной темѣ еще придется вернуться въ 3-ей части настоящаго труда; здѣсь же умѣстно отмѣтить, что, познавъ теперь, послѣ смерти Царя и Царицы, Ихъ истинный духовный обликъ, можно лишь позавидовать Ихъ силѣ вѣры и преклониться передъ той безхитростностью, простотой, чистотой и мощью религіозныхъ убѣжденій, съ которыми царствовали, жили, страдали, терпѣли и, наконецъ, умерли эти поистинѣ великіе Православные Русскіе Люди. Думается искренно, что только чистотой и силой своей вѣры Они сохранили у Бога пять лѣтъ жизни своему Сыну-Наслѣднику, до знаменательнаго для исторіи Россіи и Православной церкви дня, дня своей общей мученической кончины на Голгофѣ Россіи.

Но на Ихъ государственную и домашнюю жизнь открывшаяся ужасная наслѣдственная болѣзнь Наслѣдника Цесаревича наложила естественно очень серьезный отпечатокъ: сознаніе опаснаго состоянія здоровья любимаго Сына, жизнь въ постоянномъ, напряженномъ ожиданіи возможной катастрофы не могли не удручать душевнаго состоянія Государя и Государыни и, не смотря на поразительную способность владѣть собой и сохранять дисциплину чувствъ, должны были отражаться, въ той или другой мѣрѣ, какъ на внѣшнихъ факторахъ управленія Государствомъ, такъ и на внутреннемъ домашнемъ быту.

Въ огражденіи и веденіи историческаго завѣта земли русской Государь и Государыня были одни; вокругъ Нихъ не было государственныхъ дѣятелей, могшихъ смотрѣть на коренные вопросы глазами будущаго, людей широкаго національнаго кругозора. Повидимому ихъ было слишкомъ мало вообще во всѣхъ слояхъ русскаго общества, что и показали событія 1917 года. Получая въ Царскомъ Селѣ всѣ выходившіе тогда журналы и газеты обѣихъ столицъ, Государь лично просматривалъ ежедневно: Русское Слово, Русскую Волю, Рѣчь, Новое Время, Петроградскій Листокъ, Петроградскую Газету и не могъ не видѣть той политиче-

ской распри, которая господствовала между всѣми политическими партіями страны, на почвѣ узкихъ партійныхъ счетовъ и споровъ, совершенно внѣ глубокихъ и истинныхъ интересовъ русской государственности и блага русскаго народа. „Все это наносное, не русское“, говорилъ Государь, когда Его приближенные пытались обратить Его вниманіе на тѣ или другіе политическіе дебаты, происходившіе въ Государственной Думѣ по вопросамъ народоправія и ограниченія Верховной власти, или когда Министры представляли Ему результаты розысковъ по работѣ различныхъ подпольныхъ организацій, направленной противъ государственной власти. Во всемъ этомъ политическомъ броженіи Государю опредѣленно чувствовалось отраженіе западническихъ теорій и *вліяніе „жидовъ“*. Послѣ же убійства Столыпина и со стороны Министровъ проявлялось или политическое хамелеонство графа Витте, или ограниченное юнкерство, навѣвавшееся нѣмецкимъ военнымъ шовинизмомъ. Дыханія же истинной души русской идеи, русской мысли, и отзвуковъ исторической нравственно-религіозной идеологіи русскаго народа, ни въ „общественныхъ теченіяхъ столицъ“, ни въ министрахъ, ни въ приближенныхъ не чувствовалось. „Наконецъ Я въ настоящей Россіи и среди русскаго народа“, сказалъ Государь, когда однажды въ 1912 году, заблудившись съ небольшой свитой на маневрахъ въ болотахъ подъ Кіевомъ, оказался на сѣнокосѣ среди мужиковъ и бабъ, которые провели Его тропами черезъ топи и вывели на проѣзжую дорогу. Въ правительственной же и общественной атмосферѣ столицъ и Царскаго Села Онъ справедливо не чувствовалъ Россіи и русскаго народа „всея земли“.

Послѣ обнаружившейся у Сына-Наслѣдника страшной наслѣдственной неизлѣчимой болѣзни, драгоцѣнное мѵро русской государственности оказалось въ хрупкомъ сосудѣ, среди жадной и алчной до мѵра толпы, стремившейся разбить сосудъ, но не имѣвшей куда влить его драгоцѣнное содержимое.

Болѣзнь Сына и идейное государственное одиночество еще болѣе, чѣмъ раньше, слили Державныхъ Супруговъ въ единое тѣло и душу, а сознаніе отсутствія помощи со стороны людей, какъ въ борьбѣ за жизнь Сына, такъ и въ борьбѣ за жизнь русской Самодержавной идеологіи, вынудило Ихъ сугубо замкнуться въ себѣ и отдать всѣ свои

личныя силы заботамъ о Сынѣ-Наслѣдникѣ и огражденію цѣлости и святости Богомъ данной Имъ высокой власти. Это стремленіе въ послѣднія пять лѣтъ Ихъ царствованія потребовало, съ одной стороны, напряженнаго религіознаго служенія Богу въ предѣльной душевной простотѣ и сердечной чистотѣ, и съ другой—максимальнаго проявленія твердости и силы воли въ огражденіи цѣлости и полноты русской идеи о государственности. Естественно, что въ религіозно-историческомъ служеніи объединившихся въ одно цѣлое Державныхъ Супруговъ большее напряженіе выпало на болѣе сильную натуру Государыни Императрицы, но за то и страдала Она сильнѣе. Сынъ сталъ болѣть часто. Во время этихъ болѣзней Государыня не отходила отъ Его постели ни днемъ, ни ночью, урывками принимая пищу и урывками забываясь въ чуткой дремотѣ тутъ же около Него въ креслѣ. Въ такомъ служеніи, случалось, проходили недѣли, но Она никому не уступала своего мѣста около Сына. Она тихо и нѣжно гладила голову Сына и горячо, преданно молилась, отдаваясь вся молитвѣ, и прося милосердія Господа. Только подъ Ея лаской и молитвой Сынъ утихалъ, какъ бы получалъ облегченіе отъ боли и болѣе спокойно засыпалъ. Если пароксизмъ болѣзни принималъ острую, опасную форму, Она призывала къ молитвѣ за Сына и другихъ. Вѣря до конца въ силу молитвы и въ предстательство другихъ искреннихъ молельщиковъ, Она вѣрила на этой почвѣ и Распутину, и воспитатель Наслѣдника швейцарецъ Жильяръ по этому поводу говоритъ: „называйте это какъ хотите—совпаденіемъ, но факты молитвеннаго общенія съ Распутинымъ и облегченія болѣзни Алексѣя Николаевича совпадали“. Это было результатомъ не „совпаденія“, а силы вѣры, вѣры въ простотѣ душевной и чистотѣ сердца; вѣры, *которая „двигаетъ горами“*. Эта вѣра жила въ сердцахъ Государя и Государыни; она несла облегченіе Сыну и она сохранила Его жизнь до общей кончины Семьи. Это не „совпаденіе“, а милость Промысла Божьяго для *искренно вѣрующихъ въ Него до конца.*

Но напряженіе, которое Государыня выдерживала въ періоды болѣзни Сына въ служеніи Ему, страшно отражалось на Ея собственномъ здоровьѣ. Послѣ выздоровленія Алексѣя Николаевича Государыня подвергалась сильнѣйшему упадку силъ, приковывавшему Ее на значительные промежутки времени къ кушеткѣ. Она начала быстро ста-

рѣть; развились сильнѣйшіе сердечные припадки и, такъ какъ съ каждой новой болѣзнью Сына Она снова, силой воли, обрекала себя на полное служеніе Ему, то въ концѣ концовъ жизнь Ея сложилась такъ: когда Сынъ былъ боленъ, Она исполнялась громадной энергіей, неутомимостью, почти не знавшей границъ, исполняла при больномъ и днемъ и ночью всѣ обязанности матери, сидѣлки, прислуги, почти не покидала Его комнаты, сохраняя полное спокойствіе и заставляя себя улыбаться Сыну, дабы не показать ни Ему, ни окружающимъ своего страшнаго утомленія, и поддерживала во всѣхъ другихъ бодрость духа и силу вѣры въ спасеніе больного. Въ комнату больного Ей приносили ѣсть; Она сидѣла у Его изголовья и въ промежутки облегченія болѣзненнаго состоянія Сына занималась какимъ-либо рукодѣліемъ, или читала Сыну Его книги и книги Священнаго писанія. Если Ей случалось почему-либо въ эти дни выходить на нѣсколько минутъ изъ Его комнаты, то по Ея наружному виду встрѣчавшіе Ее приближенные никогда не смогли бы заключить, что Она уже нѣсколько ночей не спала, почти не питалась и несла въ себѣ невѣроятную муку страданій за любимаго, больного Сына. Только Ея чудные, выразительные глаза горѣли внутреннимъ, неземнымъ огнемъ, и чудилось въ нихъ, что видятъ они что-то свѣтлое, ясное, что недоступно взору остальныхъ людей; въ нихъ *горѣла вѣра въ чудо...* Въ теченіи дня Мужъ, вынужденный пересиливать Отцовскія чувства и отдавать свое время и вниманіе служенію государству, имѣлъ возможность заходить къ больному лишь на короткія минуты. Зная, какъ тяжело Ему работать съ постоянной тревогой и ежеминутнымъ ожиданіемъ катастрофы, Государыня находила въ себѣ достаточно силы, чтобы поддерживать Его и укрѣплять въ высокомъ служеніи въ теченіи тѣхъ короткихъ мгновеній, когда Они встрѣчались у постели больного Сына. Она считала это своимъ священнымъ долгомъ, какъ Жены горячо и безпредѣльно любимаго Мужа, какъ страдающей Матери страдающаго Отца и какъ Богомъ соединенной подруги носителя Верховной власти Россійскаго Государства. Нѣжностью и лаской окружала Она Его въ минуты Его короткихъ посѣщеній Сына, и научила тому же всѣхъ Дѣтей, дабы поддержать Его духъ и укрѣпить въ служеніи государственному дѣлу, постепенно все усложнявшемуся внутренней борьбой съ вліяніями, направленными со всѣхъ

сторонъ противъ Богомъ врученной Ему Самодержавной власти.

Когда наконецъ Наслѣднику становилось лучше и опасность проходила, по мѣрѣ возростанія силъ у Сына, силы Матери начинали быстро падать, и въ первое время послѣ выздоровленія Алексѣя Николаевича Государыня впадала въ совершенно болѣзненное состояніе. Начиналось съ сильныхъ сердечныхъ припадковъ, временами принимавшихъ острую форму. Въ эти дни Она не была въ состояніи пробыть на ногахъ и пяти минутъ и должна была или оставаться въ постели, или лежать у себя на кушеткѣ. Съ теченіемъ времени болѣзнь сердца приняла постоянный характеръ, и дни, въ которые Она могла считаться вполнѣ здоровой, стали все рѣже и рѣже. Только необычайной силой воли и громаднымъ сознаніемъ долга передъ другими Она подымала Себя и отдавалась благотворительной дѣятельности, которая особенно увеличилась съ началомъ великой войны въ 1914 году. Составляя съ Мужемъ, по силѣ религіозности, единое тѣло и единую душу, и восприіявъ всѣми фибрами души и разума вмѣстѣ съ Царемъ величественность и святость русской идеи о государственности, Она совершенно логично не могла относиться индиферентно къ вопросу огражденія цѣлости и неприкосновенности русской Верховной власти, и всею силою своего ума и воли поддерживала Мужа въ этой великой, исторической борьбѣ. Будущая Великая Россія, возстановленная въ историческихъ нравственно-религіозныхъ путяхъ Древней и Московской Руси, воздастъ должное Императрицѣ Александрѣ Федоровнѣ за Ея вѣрное и Христовое служеніе своему Мужу и Россіи въ тяжелой драмѣ государственной жизни русскаго народа послѣднихъ лѣтъ. Но современники этой драмы, по слѣпотѣ увлеченія своими личными эгоистическими стремленіями къ власти и „по зависти діаволи", не въ состояніи понять чистоты и религіозной законности побужденій, руководившихъ Ею въ борьбѣ съ обстоятельствами времени. Ее обвиняли въ личномъ честолюбіи, въ жаждѣ власти, въ увлеченіи личными симпатіями и антипатіями, въ истеричномъ ханжествѣ, въ ненависти къ русскому народу, ко всему русскому и въ преклоненіи передъ Вильгельмомъ и передъ всѣмъ нѣмецкимъ.

Ни у Государя, ни у Государыни въ натурѣ совершенно не было личнаго честолюбія или личной жажды власти,

особенно въ послѣдніе годы царствованія. Ихъ личныя желанія сводились къ жаждѣ покоя въ кругу своей Семьи, въ своемъ очагѣ, въ средѣ русскаго народа, но не столичнаго общества, а въ средѣ простого, русскаго, крестьянскаго и христіанскаго народа. Поставленные же Богомъ для Верховнаго служенія своему русскому народу, для служенія на благо ему, какъ умѣли и понимали, всѣми силами своего разума и сердца, Они считали своей священной обязанностью отказываться отъ личныхъ началъ, отъ личныхъ желаній и отдаваться всецѣло своему высокому государственному призванію. То, что другими людьми принималось въ Государынѣ какъ будто бы за проявленіе Ея личныхъ симпатій и антипатій, то въ Ея натурѣ, въ Ея міровоззрѣніи вытекало совершенно изъ иныхъ побуждающихъ импульсовъ; Государыня никогда не ставила себя въ положеніе „гражданскаго“ совѣтника своего Мужа въ общественномъ понятіи этого слова, или мірского государственнаго дѣятеля, вліяющаго на то или другое назначеніе лица по качествамъ и степени его государственныхъ способностей. Государыня всѣми силами своей глубокой религіозной и нравственной натуры поддерживала въ Государѣ и старалась укрѣпить въ народѣ „всея земли“ духовность той высокой Божественной идеологіи русскаго народа, которая исторически сложилась въ понятіи „Помазанничества“ русскаго Царя. Она была вся проникнута убѣжденной вѣрой въ истинность и святость Помазанничества Царя на русское Царство отъ Бога. Не только покушеніе, но малѣйшее сомнѣніе въ святости носившагося Ея Мужемъ, Ея Государемъ Помазанничества отъ Бога, представлялось Ей не простымъ земнымъ преступленіемъ, не только государственнымъ грѣхомъ, но кощунствомъ противъ святыни вѣры, вѣры своей, вѣры народа „всея земли“. Это не могло быть ни въ коемъ случаѣ результатомъ какой-либо истеричной религіозности, каковую хотѣли въ Ней видѣть злые люди и каковой въ дѣйствительности не было, или результатомъ больного, экзальтированнаго воспріятія вѣры, преданій Церкви. Это являлось слѣдствіемъ сознательнаго, глубокаго и убѣжденнаго исповѣдыванія вѣры въ Бога. Вспомните тотъ ужасъ и раскаяніе Царя Давида, когда онъ отрѣзалъ у Саула край одежды и тотчасъ же созналъ, что даже въ этомъ дѣяніи онъ покусился на Помазанника Господня. Это мѣсто въ библіи Государыни было нѣсколько разъ отчеркнуто и подчеркнуто;

видимо сущность и глубина чистой вѣры въ Помазанничество Господне, выраженныя такъ просто и ярко въ этомъ мѣстѣ Библіи, всецѣло впитались въ міровоззрѣніе и вѣру Государыни. Поэтому, напримѣръ, въ извѣстномъ случаѣ съ внезапной отставкой генерала Джунковскаго, рѣшившагося доложить Государю о безобразномъ поведеніи гдѣ-то въ ресторанѣ Распутина, дискредитировавшаго своими пьяными словами Державнаго Вождя Государства, могли имѣть значеніе не будто бы существовавшія симпатіи Государыни къ Распутину и антипатіи къ Джунковскому, какъ гнусно объяснялось это „общественнымъ мнѣніемъ“, а то, что по вѣрѣ и міровоззрѣнію Государыни, не могъ быть близкимъ къ „Помазаннику Божьему“ тотъ государственный дѣятель, который самъ, хотя бы только въ сердцѣ, допускалъ мысль, что Помазанничество Господне можетъ быть умалено прикосновеніемъ чьихъ бы то ни было грязныхъ рукъ. Можно не соглашаться съ формами правленія, со способами проведенія тѣхъ или другихъ мѣропріятій, можно судить о человѣческихъ ошибкахъ и слабостяхъ, но нельзя не преклониться передъ величественностью, полнотой и чистотой идеи Государыни о Помазанничествѣ русскаго Царя, воспринятой Ею изъ всей сущности исторической идеологіи о Верховной власти народа „всея земли“.

Твердо увѣренные, что именно такая идея раздѣляется въ глубинѣ души всѣмъ простымъ народомъ русской земли, Государь и Государыня всю жизнь старались приблизиться къ нему, стать фактически ближе къ крестьянину, къ простому русскому человѣку, но быть можетъ не знали какъ это сдѣлать, а вѣрнѣе, Имъ не давали этого сдѣлать тѣ, для которыхъ такое сближеніе Царя съ народомъ было невыгодно и нежелательно въ стремленіяхъ къ своимъ эгоистическимъ цѣлямъ. Царь неоднократно пытался найти пути къ такому сближенію, указывалъ на возможныя формы осуществленія Его идеи, но „общественное мнѣніе“ не допускало сліянія Царя съ народомъ, прикрываясь архаичностью и „сѣдой стариной“ историческихъ формъ воплощенія самой идеи и ставъ на пути между Царемъ и народомъ. Если кто заслуживаетъ обвиненія въ нелюбви къ русскому народу, такъ это именно творцы „общественнаго мнѣнія“ и бюрократическіе царедворцы, а не Государь и Государыня. „Народъ хорошій, добрый; его смутили злые люди и жиды“, говорилъ Государь, а Государыня еще въ Тобольскѣ,

глядя на красноармейцевъ, замѣтила: „посмотрите, какъ они улыбаются; говорятъ, они злые. Развѣ могутъ злые такъ улыбаться... Они добрые, хорошіе“. Могли ли Царь и Царица, претерпѣвъ насиліе отъ этихъ людей, такъ отзываться о нихъ, если бы искренно и глубоко не любили русскій народъ?

Но передъ чѣмъ историческое изслѣдованіе обстоятельствъ, подготовлявшихъ агонію Царской Семьи, останавливается съ полнымъ недоумѣніемъ, такъ это передъ разъясненіемъ вопроса: откуда и какъ могло сложиться въ русскомъ обществѣ мнѣніе, что Государь и Государыня принадлежали къ нѣмецкой оріентаціи и, что Императрица Александра Федоровна питала исключительныя дружественныя чувства къ Императору Вильгельму и была готова „предать“ ему Россію. Въ 1-й части настоящаго труда было представлено достаточно слѣдственнаго матеріала, устанавливающаго вполнѣ опредѣленно отрицательное отношеніе Державной Четы къ попыткамъ утвержденія нѣмецкаго вліянія въ Россіи вообще и, въ частности, враждебное отношеніе Государя и Государыни къ Императору Вильгельму. Этими данными опредѣляется „общій земскій грѣхъ“ противъ религіозныхъ началъ самой идеологіи русскаго народа и противъ нравственныхъ обликовъ Верховныхъ носителей этой идеологіи, но историческая правда возникновенія этого общаго грѣха пока еще не поддается освѣщенію. Однако нѣкоторые факты позволяютъ думать, что возникновеніе и первоначальное распространеніе этой абсурдной, но злой клеветы исходило не изъ низшихъ слоевъ населенія, а изъ высшихъ, и что въ разные періоды царствованія Николая II-го, одіозность и интенсивность клеветы имѣла и разную степень развитія. При этомъ нельзя не отмѣтить, что сила одіозности клеветы совпадала, съ одной стороны, съ такими событіями, какъ бракосочетаніе Государя и Государыни, рожденіе Наслѣдника Цесаревича и т. п. фактами династическаго характера, и съ другой—съ періодами усиленія западническихъ теченій въ „общественномъ мнѣніи“. Особенно же сильно одіозность клеветы стала распространяться съ момента проявленія у Наслѣдника Цесаревича опасной наслѣдственной болѣзни, достигнувъ своего апогея къ концу 1915 г., когда даже такое событіе, какъ принятіе Государемъ Императоромъ на себя Верховнаго командованія арміями, объяснялось стремленіемъ Императорской Четы идти на сепаратное соглашательство

съ Германіей, для чего требовалось прежде всего ликвидировать существовавшій будто бы „заговоръ Ставки“, направленный противъ Императрицы.

Такимъ образомъ въ исторіи происхожденія, существованія и развитія клеветы намѣчается какъ бы два отправныхъ, исходныхъ основанія: политическое и династическое. По каждому изъ этихъ основаній изслѣдованіе настоящаго времени и при современныхъ условіяхъ можетъ высказать лишь нѣкоторыя соображенія предположительнаго характера, въ связи съ тѣмъ крайне ограниченнымъ матеріаломъ, которымъ оно нынѣ располагаетъ.

Въ запискахъ графа Витте имѣются указанія на то, что въ началѣ царствованія Императора Николая II-го отношенія между Нимъ и Вильгельмомъ были натянуты, но въ началѣ 1904 года, благодаря вмѣшательству въ это дѣло самого графа Витте, отношенія улучшились и между обоими Императорами установилась даже „интимная переписка“. Въ равной мѣрѣ и отношенія Императрицы Александры Федоровны къ Вильгельму стали тогда тоже „доброжелательными“. Вѣроятно въ то время графу Витте нужна была эта „интимная переписка“ и „доброжелательныя“ отношенія для проведенія его „мудраго“ плана — *союза Россіи, Франціи и Германіи*, столь же естественнаго, какъ союзъ лебедя, рака и щуки въ баснѣ Крылова. Но въ тонѣ повѣствованія мемуаровъ Витте, писанныхъ въ 1907 году, т.-е. уже въ то время, когда графъ вынужденъ былъ проживать за предѣлами Россіи, ясно отражается болѣзненное состояніе не крупной души, задѣтой положеніемъ „не въ милости“. А такъ какъ его „мудрый“ планъ потерпѣлъ крушеніе еще въ 1905 г. одновременно съ крушеніемъ проводившихся имъ тогда же въ „общественномъ мнѣніи“ западническихъ тенденцій конституціонно-парламентскаго характера, то не явились ли „интимная переписка“ и „доброжелательныя“ отношенія основаніемъ къ использованію ихъ въ клеветническо-лживомъ смыслѣ, въ цѣляхъ созданія необходимаго „общественнаго давленія“ на власть въ наступавшее смутное время. Во всякомъ случаѣ знаменательно, что отмѣченныя воспоминанія Витте совпадаютъ по времени съ учрежденіемъ въ Россіи нѣкотораго подобія западническихъ формъ въ видѣ Государственной Думы, преобразованнаго Государственнаго Совѣта и Совѣта Министровъ во главѣ съ графомъ Витте и, наконецъ, съ рожденіемъ Наслѣдника Цесаревича. Такимъ

предположеніемъ отнюдь не имѣется въ виду обрисовать графа Витте, какъ распространителя, и единственнаго источника создавшейся противъ Государя и Государыни клеветы, но злобное отношеніе Витте къ бывшему Царю и особенно къ Императрицѣ Александрѣ Федоровнѣ, сквозящее во всѣхъ его воспоминаніяхъ вопреки его завѣреніямъ въ обратномъ, не исключаютъ возможности видѣть нѣкоторыя основанія возникновенія злостной клеветы въ тѣхъ сферахъ, центромъ которыхъ являлся въ свое время бывшій Предсѣдатель Совѣта Министровъ графъ Витте. Совершенно допустимо, что ставъ оттуда въ превратномъ толкованіи достояніемъ тогдашнихъ „общественныхъ“ круговъ и различныхъ политическихъ организацій и многочисленныхъ союзовъ, клевета разросталась и распространялась въ обществѣ, какъ средство политической борьбы. По свидѣтельству самого Витте, „всѣ эти союзы различныхъ оттѣнковъ, различныхъ стремленій были единодушны въ поставленной задачѣ—свалить существующій режимъ во что бы то ни стало, а потому многіе изъ этихъ союзовъ приняли принципомъ своей тактики — „цѣль оправдываетъ средства“, и для достиженія поставленной цѣли не брезгали дѣйствительно никакими пріемами, въ особенности же завѣдомою ложью, распускаемой въ прессѣ“.

Историческое изслѣдованіе отнюдь не считаетъ приведенныя соображенія исчерпывающими основаніями для созданія и распространенія клеветы въ политическомъ отношеніи, а признаетъ ихъ лишь какъ за одинъ изъ путей возможнаго возникновенія въ обществѣ злостной лжи о германофильствѣ покойной Царской Четы. Во всякомъ случаѣ со смертью Столыпина и съ началомъ въ 1912 году новаго политическаго броженія, приведшаго къ перевороту 1917 года, злостная клевета, за исключеніемъ небольшого промежутка времени начала великой войны, не теряла значенія политическаго оружія, и постепенно разросталась до колоссально-фантастическихъ размѣровъ. Достаточно отмѣтить, что ко времени утвержденія у власти Керенскаго и его компаніи, сила клеветы воспринималась съ такой реальностью, что Керенскій, нуждаясь въ укрѣпленіи своихъ позицій, рѣшилъ конфисковать личныя бумаги и переписку Государя, разсчитывая опереться на документальные факты измѣны Государя и Государыни русскому народу въ пользу Германіи.

Само собою разумѣется, что въ перепискѣ Государя Императора онъ нашелъ документы для совершенно обратнаго заключенія.

Совпаденіе моментовъ усиленія вспышекъ клеветническихъ толковъ съ различными фактами династическаго характера не могло не имѣть тѣсной связи съ указанными выше соображеніями политическаго свойства, „не брезгавшими средствами для достиженія своихъ цѣлей". Русскіе бояре-западники, стремившіеся къ развитію самосознанія русскаго народа и къ пріобщенію его къ міровой культурѣ, въ большей своей массѣ по своему собственному развитію были способны лишь къ усвоенію верхушекъ европейской культуры, къ подражанію ей, а не къ творческому участію въ міровой работѣ, сообразно національному духу русскаго народа. Поэтому для нихъ главнымъ препятствіемъ для осуществленія своихъ мечтаній въ Россіи представлялась существовавшая самодержавная форма правленія, которая уже отсутствовала на западѣ Европы; оторвавшись совершенно отъ всей исторіи развитія русской государственности, отъ особенностей русскаго національнаго духа, они видѣли единственный путь къ достиженію цѣли въ сверженіи самодержавія и въ насажденіи въ Россіи тѣхъ или другихъ формъ правленій, принятыхъ въ Западной Европѣ. Было бы однако ошибочно въ интересахъ исторической правды остановиться на томъ заключеніи, что въ затѣянной политической борьбѣ бояре-западники дѣйствовали только какъ ослѣпленные и увлеченные подражатели западно-европейскихъ политическихъ тенденцій, но съ чистымъ стремленіемъ послужить на пользу и благо своему народу. Твердое, опредѣленное, самодержавное царствованіе Императора Александра III-го ясно имъ говорило, что народъ русскій всѣ свои симпатіи отдаетъ до сихъ поръ именно такому характеру правленія, почему въ попыткахъ ломки этой исторической государственной формы бояре-западники сознательно шли противъ русскаго народа, противъ его интересовъ и симпатій и естественно должны были встрѣтить въ его лицѣ опредѣленнаго врага своимъ стремленіямъ къ власти надъ нимъ.

Разъ, что хотя бы для нѣкоторыхъ политическихъ партій борьба допускала возможность идти сознательно противъ симпатій народа, то цѣль становилась не общественной, а личной и, какъ таковая, не брезгала никакими средствами

для своего конечнаго осуществленія: ложь, клевета, извращеніе фактовъ, подкупъ, провокація—все становилось годнымъ и допустимымъ „тактикой“ борьбы. Поэтому съ первыхъ же дней воцаренія Императора Николая II-го клевета не замедлила опутать своей сѣтью весь періодъ этого царствованія и начать свою разрушительную работу въ глубокихъ нѣдрахъ пролетарскихъ классовъ. Кто не помнитъ первой петли этой сѣти лжи и клеветы, заброшенной въ общество въ началѣ 90-хъ годовъ въ видѣ повѣсти „Семья Обмановыхъ“, помѣщенной на страницахъ одной распространенной „передовой“ газеты? Кто не помнитъ тѣхъ толковъ и разговоровъ, которые возникли въ кругахъ Петроградскаго интеллигентнаго общества по поводу раненія Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича въ Японіи, и которые раненіе это ставили въ связь съ возможностью для Него наслѣдовать Престолъ? Кто не помнитъ тѣхъ злостныхъ навѣтовъ, которые распространялись по поводу женитьбы Государя до окончанія траура по Отцѣ, хотя всѣмъ было извѣстно, что этого потребовалъ именно умирающій Александръ III-й?

Такая работа клеветы продолжалась и далѣе, извращая въ своихъ цѣляхъ каждый фактъ государственной и семейной жизни Государя Императора Николая Александровича и Его Жены и создавая, съ одной стороны, невѣроятно тяжелыя моральныя условія для жизни и служенія Россіи Державной Четы, и съ другой—предоставляя жадной до различныхъ интригъ, толковъ и пересудовъ среды придворныхъ и общественныхъ круговъ благопріятную почву для возникновенія и культивировки многочисленныхъ партій съ разнообразными династическими фантазіями и планами, заглохшими было совсѣмъ послѣ опредѣленнаго закона о престолонаслѣдіи Императора Павла I-го, и особенно въ царствованіе твердаго волей Императора Александра III-го. Какъ было сказано выше, различныя династическія теченія въ высшихъ общественныхъ кругахъ особенно усилились съ проявленіемъ у Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича тяжелой наслѣдственной болѣзни, повлекшей за собой толки о дальнѣйшемъ престолонаслѣдіи. Хотя основные законы Имперіи вполнѣ опредѣленно разрѣшали этотъ вопросъ въ пользу Великаго Князя Михаила Александровича, но какая-то особая болѣзнь вѣка, опредѣляемая ближе всего „общимъ Земскимъ грѣхомъ“, охва-

тившая безусловно къ тому времени почти всѣ общественные слои Россіи, уже какъ бы не удовлетворялась общимъ законнымъ разрѣшеніемъ вопросовъ, а считала допустимымъ искать отвѣта въ своихъ предположеніяхъ, въ своихъ планахъ, создавая династическія партіи, группы съ тѣми или другими кандидатами на престолъ или съ временными регентами власти. Россія Императорская XX-го вѣка какъ бы собиралась вернуться на пути Россіи Царской XVI вѣка—къ борьбѣ княжатъ-бояръ съ Верховной властью, поддаваясь искуссной, хитрой и тайной провокаціи, руководимой политической интригой лѣвыхъ партій. Къ стыду всѣхъ умѣренныхъ и правыхъ партій они одновременно вовлеклись и въ злостную политическую клевету, распускавшуюся про Царскую Семью и, быть можетъ не желая того сами, способствовали ея расширенію и утвержденію въ общественныхъ массахъ. Достаточно указать, что пресловутый Распутинъ палъ отъ рукъ представителей правыхъ партій, которые этимъ убійствомъ показали, что придаютъ значеніе злостной и гнусной клеветѣ, т.-е. въ глубинѣ своего сердца сомнѣваются въ невозможности оскверненія „Помазанничества Божія“.

„У кого совѣсть чиста, тотъ не боится никакой клеветы“! Какъ величественны эти слова Императрицы Александры Федоровны особенно теперь, когда своей мученической смертью Они доказали на дѣлѣ искренность и чистоту своей вѣры въ святость Верховной власти отъ Бога, которую не могутъ снять съ себя ни сами „Помазанные“, ни тѣмъ паче другіе люди.

„Божьимъ изволеніемъ“, „всея земли обираніемъ“ и „Царскимъ сродствомъ“ опредѣляется въ идеѣ русской государственности самодержавная, наслѣдственная, Верховная власть Романовскаго Дома. Могла прекратиться прямая наслѣдственность, могла „вся земля“ отвергнуть свое „обираніе“ отъ погибшихъ Царя и Царицы, но „Божья Изволенія“ на землѣ никто лишить не можетъ, кромѣ Того, Кто его даетъ.

Идейное одиночество.

Къ тому времени, когда Наслѣдникъ Цесаревичъ заболѣлъ корью, вся Царская Семья была въ сборѣ и жила въ Александровскомъ дворцѣ Царскаго Села. Вслѣдъ за Алексѣемъ Николаевичемъ, заразившись отъ Него, заболѣли Великія Княжны Ольга, Татьяна и Анастасія Николаевны, а черезъ три недѣли, въ началѣ марта, слегла и Великая Княжна Марія Николаевна.

Съ первыхъ же дней болѣзнь у Наслѣдника и Ольги Николаевны приняла тяжелую форму и положеніе Обоихъ внушало серьезныя опасенія. Особенно же страшно было какъ всегда за Алексѣя Николаевича, у котораго возобновились болевыя страданія гемофиліи. Государыня, посвятивъ себя по обыкновенію обязанностямъ сидѣлки при Сынѣ, вынуждена была оставить на время всѣ свои дѣла по благотворительности, передавъ ихъ состоявшему при Ней графу Апраскину, а въ исключительно важныхъ случаяхъ пользовалась для передачи своихъ личныхъ указаній еще державшейся на ногахъ Великой Княжной Маріей Николаевной. Она покидала комнату Сына только для того, чтобы навѣстить на нѣсколько минутъ больныхъ Дочерей, приласкать Ихъ и успокоить въ состояніи здоровья Алексѣя. Вся жизнь дома снова погрузилась въ то тревожное состояніе, которое вызывалось всегда болѣзнью Наслѣдника, усугубленное на этотъ разъ еще и серьезнымъ болѣзненнымъ состояніемъ другихъ Дѣтей. Всѣхъ дѣтей пришлось совершенно обрить, такъ какъ сразу сталъ ясенъ затяжной характеръ болѣзни, и домъ превратился въ лазаретъ съ трудно-больными, гдѣ всѣ ходили осторожно, стараясь не дѣлать шума, громко не разговаривать и не безпокоить больныхъ.

На этотъ разъ душевное состояніе Родителей отягчалось еще и причинами государственнаго характера, такъ какъ ежедневно поступали свѣдѣнія о различныхъ безпорядкахъ и волненіяхъ въ рабочей средѣ, о забастовкахъ и безпорядкахъ на фабрикахъ, заводахъ и желѣзныхъ дорогахъ, принимавшихъ все болѣе и болѣе широкіе размѣры. Все это внутреннее броженіе сильно отражалось на работѣ тыла и жизни въ столицахъ и, перекидываясь въ войска фронта,

начинало вызывать волненія въ частяхъ, случаи неповиновенія начальникамъ, создавая напряженное, нервное состояніе въ утомленныхъ долгой и нерѣшительной войной войскахъ. Послѣднее особенно заботило и безпокоило Государя и Государыню, такъ какъ угрожало прочности фронта и могло быть использовано сильнымъ и хитрымъ противникомъ. Военные бунты въ войскахъ въ 1905—6 годахъ показали, какъ легко войсковыя части, утомленныя войной или неудовлетворенныя ея ходомъ, поддаются агитаціи, и изъ грозныхъ и сильныхъ дисциплинированныхъ организацій быстро превращаются въ вооруженную толпу безъ стойкости и прочной внутренней спайки. Правда, что тѣ же случаи показали, что насколько быстро войсковыя части дезорганизуются и превращаются въ бунтарей, настолько же быстро съ нихъ сходитъ угаръ возмущенія и онѣ возвращаются къ своему первоначальному надежному боевому состоянію. Но въ данное время войска находились въ тѣсномъ соприкосновеніи съ искусснымъ и наблюдательнымъ врагомъ, который не упуститъ случая внутренняго ослабленія арміи и постарается сильнымъ, рѣшительнымъ ударомъ разсѣять окончательно фронтъ и вывести Россію изъ рядовъ своихъ противниковъ. Такой возможный исходъ начавшихся въ войскахъ безпорядковъ угрожалъ цѣлости россійской государственности, и передъ этой опасностью всѣ остальныя угрозы происходившихъ внутри страны броженій, вплоть до угрозъ династическихъ, отходили въ глазахъ Императора и Императрицы на второй планъ.

Въ угрозы послѣдняго свойства Царь и Царица не вѣрили; они не допускали мысли, чтобы масса крестьянскаго населенія позволила бы увлечь себя настолько, чтобы поднять руку на *Помазанника Божья*. „Никогда крестьянинъ и казакъ не пойдутъ противъ своего Царя“, говорили Они убѣжденно тѣмъ изъ приближенныхъ, которые пытались представить Имъ происходившее политическое движеніе, какъ всенародное, антидинастическое. Въ этомъ убѣжденіи Они были тверды настолько же, насколько и въ Православной вѣрѣ. Все, что происходило до сихъ поръ въ Россіи, представляло собою почти точное повтореніе того движенія, которое было въ 1905 году, съ той разницей, что свобода внутреннихъ мѣропріятій была связана состояніемъ войны съ сильнымъ и могущественнымъ врагомъ, отъ результатовъ борьбы съ которымъ зависила вся будущность Россіи. Госу-

дарь и Государыня чувствовали шаткость, существовавшую въ придворныхъ и правительственныхъ кругахъ, и не расчитывали на сильную помощь съ этой стороны, но въ то же время Они не допускали мысли, что Государственная Дума не учтетъ всей важности и серьезности переживаемаго благодаря войнѣ момента, и въ критическую минуту, увлекая за собой здравомыслящую часть Россіи, не придетъ на помощь Верховной власти государства, какъ это было въ 1914 году. „Не народное это движеніе“, была Ихъ мысль, „это все подпольное, партійное, наносное, не свое, не русское“. Но движеніе было опасно уже потому, что утомленіе войной сказывалось во всемъ: и въ настроеніи народныхъ массъ и войскъ, и въ дезорганизаціи работы государственныхъ аппаратовъ, и въ разстройствѣ фабричной и заводской дѣятельности страны, и въ пониженіи земледѣльческой производительности, и особенно въ ухудшившейся работѣ транспорта и подвоза. Все это, въ связи съ утратой активнаго импульса войны и необходимостью въ то же время продолжать войну во что бы то ни стало, вызывало у Государя и Государыни большое безпокойство и тревогу за ближайшія послѣдствія происходившихъ волненій въ странѣ, въ которыхъ лично Имъ угрожавшія опасности не играли для Нихъ никакой роли. Въ эти дни Царь и Царица менѣе всего думали о самихъ себѣ; все вниманіе Ихъ было сосредоточено на томъ, чтобы Россія не потеряла способности продолжать тяжелую борьбу на западѣ.

Тревога за сохраненіе боеспособности русскаго государства доминировала въ эти дни надъ всѣмъ остальнымъ, даже надъ опасеніемъ за жизнь горячо любимаго Сына-Наслѣдника, состояніе здоровья котораго къ 22-му февраля приняло очень опасный характеръ. Трудно представить себѣ ту душевную борьбу, которую Государь переживалъ въ эти тяжелые дни государственной и личной жизни: борьбу между долгомъ Царя и Верховнаго Вождя арміи, съ одной стороны, и Отца и русскаго человѣка „всея земли“, съ другой. Напрасно „общественное мнѣніе“ полагало, писало и кричало, что Царь живетъ и дѣйствуетъ, ослѣпленный лживыми докладами „временщиковъ“ и честолюбивыхъ царедворцевъ, Его окружавшихъ; по книгамъ, брошюрамъ, вырѣзкамъ изъ журналовъ и газетъ, найденнымъ въ вещахъ Царской Семьи во время слѣдствія объ Ея убійствѣ, видно, что Государь и Государыня проникали въ те-

кущія политическія событія и движенія несравненно глубже, чѣмъ о томъ думало большинство представителей интеллигенціи и общества, агитировавшихъ въ массахъ противъ Нихъ, или пассивнымъ отношеніемъ способствовавшихъ такой агитаціи. Допросъ свидѣтелей по дѣлу и лицъ, остававшихся при Царской Семьѣ до послѣдней возможности, подтверждаютъ это положеніе и позволяютъ составить себѣ приблизительное представленіе о глубинѣ національной и личной драмы, которую перенесла русская Державная Чета въ послѣдніе двѣнадцать лѣтъ своего царствованія, и о тѣхъ благородно-національныхъ чувствахъ, которыя руководили дѣйствіями Государя и Государыни въ дни 22-го февраля—9-го марта 1917 года. Теперь, благодаря слѣдственному производству, благодаря остаткамъ „вещественныхъ доказательствъ“ истинныхъ образовъ погибшихъ Членовъ Царской Семьи, благодаря начинающимъ нынѣ появляться замѣткамъ и воспоминаніямъ объ Августѣйшихъ Мученикахъ, а главное, благодаря испытаннымъ на самихъ себѣ послѣдствіямъ нашего „общаго земскаго грѣха“, мы не можемъ не сознаться, что въ свое время *не знали и не понимали покойныхъ Царя и Царицу.* Судили же о Нихъ, или въ ослѣпленіи и увлеченіи „общественнымъ мнѣніемъ“, или съ сознательно лживою и злостною цѣлью.

Настоящее изслѣдованіе не считаетъ себя въ силахъ и средствахъ оставить для исторіи Россіи матеріалы, исчерпывающіе обширность и трагизмъ драмы, пережитой въ своей жизни Государемъ Императоромъ Николаемъ Александровичемъ и Государыней Императрицей Александрой Федоровной. Оно пытается лишь освѣтить хотя бы тѣ изъ эпизодовъ этой драмы, которые непосредственно легли въ основаніе историческихъ фактовъ, создавшихъ начало агоніи Царской Семьи въ указанный выше періодъ конца февраля—начала марта 1917 года, и приведшихъ Царя къ отреченію отъ Престола въ пользу Своего Брата, съ завѣтомъ Ему править Россійскимъ Государствомъ на конституціонныхъ началахъ. Этой уступкой народнымъ представителямъ Государственной Думы покойный Императоръ какъ бы выказалъ сомнѣніе въ той безконечной, глубокой вѣрѣ въ истинность для русскаго народа его исторической нравственно-религіозной идеи о власти, ради цѣлости и святости которой Онъ боролся всю свою жизнь, какъ и Его предшественники, и ради которой Онъ перенесъ столько страданій, мученій и клеветы.

22-е февраля было первымъ днемъ острой душевной борьбы Государя Императора въ періодъ, предшествовавшій Его отреченію; въ этотъ день долгъ Самодержца Россійскаго Государства одержалъ въ Немъ побѣду надъ долгомъ Отца семьи и влеченіями личнаго начала. Но кромѣ того душевная борьба этого дня въ яркой и опредѣленной формѣ показала, что въ интересахъ будущаго блага ввѣреннаго Ему Богомъ русскаго народа, важность сохраненія фронта, важность сохраненія боеспособности арміи и важность достиженія побѣды во что бы то ни стало, имѣло въ міровоззрѣніи Императора Николая II преобладающее надъ всѣми остальными государственными вопросами значеніе, не исключая даже вопросовъ династическаго свойства. Не смотря на угрожавшее смертью опасное состояніе Сына, не смотря на болѣзнь трехъ Дочерей, уже успѣвшихъ къ этому дню заразиться отъ Брата корью, не смотря на серьезность политическаго броженія въ столицѣ при отсутствіи сознававшагося Царемъ прочнаго единенія и должной твердости среди членовъ правительственныхъ аппаратовъ, Государь все же рѣшилъ утромъ 23-го февраля выѣхать въ Ставку, къ войскамъ, къ фронту, и личнымъ своимъ присутствіемъ поддержать стойкость въ рядахъ армій, ободрить въ усталости отъ продолжительной войны и удержать отъ увлеченія соблазнами агитаціи пораженческаго характера. Въ этомъ рѣшеніи Государь нашелъ сильную духовную поддержку со стороны только Государыни Императрицы, которая убѣжденно раздѣляла точку зрѣнія Мужа на необходимость Его присутствія на фронтѣ, въ войскахъ, тогда какъ всѣ остальные придворные и пріѣзжавшіе съ докладами изъ Петрограда министры стремились отговорить Императора отъ рѣшенія оставить Семью и отдалиться отъ Правительства. Они не понимали истинныхъ побужденій Царя и, исходя изъ обстоятельствъ внѣшняго характера текущаго момента, противопоставляли Его отъѣзду: опасность оставленія Семьи среди распущенныхъ войскъ гарнизона, составленнаго изъ политически развращенныхъ запасныхъ частей; возможность использованія удаленія Царя отъ столицы враждебно настроенной къ власти Государственной Думой; возможность перерыва сообщеній между Царемъ и Правительствомъ вслѣдствіи усилившагося забастовочнаго движенія на желѣзныхъ дорогахъ и телеграфахъ.

Государь остался твердъ въ своемъ рѣшеніи. Онъ указалъ, что главная опасность россійской государственности теперь на фронтѣ, а не въ тылу; что переживаемыя волненія и настроенія исходятъ не изъ народныхъ массъ, а являются результатомъ работы политическихъ партій, преимущественно среди городского населенія и служилаго полуинтеллигента; что это движеніе наносное, временное; что опасность извнутри можетъ явиться угрожающей для государственности только въ случаѣ насильственныхъ революціонныхъ выступленій политическихъ руководителей противъ существующаго государственнаго строя; но, что пока Онъ вѣритъ *въ благоразуміе Государственной Думы*, которая, по своей интеллигентности, не можетъ не учитывать послѣдствій гражданской войны въ тылу, при наличіи на фронтѣ могущественнаго и хитраго противника. Поэтому, проведя весь вечеръ 22-го февраля въ комнатѣ тихо стонавшаго въ забытьѣ Сына и трогательно простившись съ Семьей, Государь утромъ 23-го февраля выѣхалъ въ Могилевъ, гдѣ въ то время помѣщалась Ставка.

И на этотъ разъ, какъ и раньше, глубокія побужденія, руководившія Царемъ и Царицей, были не поняты, ни министрами, дѣлавшими доклады, ни приближенными ко двору кругами Петроградскаго свѣта, ни общественными и политическими дѣятелями столицы. „Общественное мнѣніе“ еще разъ сочло нужнымъ укорить Государя въ слѣпотѣ и упрямствѣ передъ „народными требованіями“, въ безволіи и подчиненности властолюбивой Государынѣ, „ненавидѣвшей Россію и русскій народъ“. Внѣшній фактъ отъѣзда Государя изъ Царскаго Села былъ истолкованъ антигосударственной агитаціей, какъ бѣгство Царя, бросившаго на произволъ судьбы „умирающій съ голода народъ“ столицы, и 23-го февраля впервые *„революція вышла на улицы города“*. Вечеромъ въ этотъ день Министръ Внутреннихъ Дѣлъ доносилъ Государю, что благодаря „успѣшнымъ усиліямъ чиновъ полиціи и воинскихъ нарядовъ манифестаціи были прекращены“.

Въ настоящее время, при спокойномъ и безпристрастномъ анализѣ всѣхъ приведенныхъ выше выраженій, помѣщенныхъ въ ковычкахъ, дѣлается совершенно яснымъ, что эти выбрасывавшіяся въ толпу громко звучавшія фразы, съ одной стороны, и стереотипныя донесенія агентовъ правительственной власти, съ другой, совершенно не отвѣчали

дѣйствительнымъ фактамъ и дѣйствительному положенію вещей въ дни 22-го—27-го февраля. Но настоящее изслѣдованіе не имѣетъ въ виду останавливаться на изученіи частностей грустной и печальной слѣпоты и преступности различныхъ правительственныхъ, общественныхъ и политическихъ дѣятелей этихъ дней; для него онѣ имѣютъ значеніе лишь по столько, по сколько ими знаменуется, что въ эти рѣшительные дни, когда безусловно опредѣлялась судьба всей будущей россійской государственности, Государь Императоръ, съ одной стороны, не нашелъ поддержки, ни въ агентахъ правительственной власти, ни въ кругахъ столичныхъ придворныхъ и дворянскихъ классовъ, ни въ политическихъ группировкахъ и организаціяхъ Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, ни въ командномъ составѣ арміи, и съ другой — *безусловно никто* изъ перечисленныхъ представителей правительства, общественности и политическихъ организацій *не проявилъ мудрости и прозорливости,* чтобы предвидѣть послѣдствія отчужденности въ эти дни русской руководящей, служилой и правящей интеллигенціи отъ Главы Государства, отъ дѣйствительнаго носителя идей и желаній дѣйствительнаго русскаго народа.

Государь Императоръ, въ кругу русской интеллигенціи всѣхъ классовъ и положеній былъ одинокъ. Одиночество это опредѣляется не тѣмъ, что политически всѣ были противъ Него, а тѣмъ, что противъ Него было меньшинство, но меньшинство активное и сплоченное въ увлеченіи западничествомъ, а большинство было пассивнымъ и разобщеннымъ ослабленіемъ въ сознаніи истиннаго духа русской національной идеи. Но въ свою очередь и русская интеллигенція не встрѣтила поддержки со стороны народныхъ массъ, и въ 160 милліонномъ морѣ русской народности оказалась одиноко торчащимъ островкомъ, со своими принципами и формами *„народу нашему чуждыми и волѣ его непригожими“.* Съ точки зрѣнія идеи государственнаго единенія, русскіе люди „всея земли“ къ началу революціи распались какъ бы на три міра разнаго духовнаго содержанія: Царь, интеллигенція и народъ. Какъ между первымъ и вторымъ, такъ и между вторымъ и третьимъ не было ни внутренняго пониманія, ни внутренняго контакта, откуда теперь, разсуждая чисто теоретически, можно придти къ заключенію, что для сохраненія цѣлости и боеспособности Государства въ 1917 г. слѣдовало бы искать сліянія перваго и третьяго міровъ, для

чего прежде всего необходимо было, чтобы второй міръ прозрѣлъ и сыгралъ ту роль, какую принялъ на себя Земскій Соборъ „всея земли“ въ 1613 году уже по восшествіи на престолъ Михаила Федоровича. Но такъ какъ такое сословное, а не политическое народное представительство, „народу нашему *не чуждое* и волѣ его *пригожее*“, представлялось современнымъ руководителямъ народа изъ интеллигентныхъ классовъ „архаическимъ“, и дѣйствія ихъ не обнаружили высокаго самоотреченія для дѣйствительнаго служенія на благо народа „всея земли“, то благородный порывъ самопожертвованія и самоотреченія, для сохраненія хотя бы на время боеспособности фронта и удержанія Россіи отъ гражданской войны, принялъ на себя Царь, вопреки своей вѣрѣ и своимъ убѣжденіямъ, но въ единственномъ стремленіи пожертвовать всѣмъ личнымъ и человѣческимъ въ самодержавномъ служеніи горячо любимому русскому народу. Если бы Николай II-й обладалъ государственнымъ геніемъ Царя Петра или Іоанна Грознаго, то быть можетъ Ему единолично, какъ и имъ, удалось бы справиться съ возставшимъ противъ Него, или слишкомъ пассивнымъ „боярствомъ“ Его времени. Онъ былъ богатъ тѣми душевными качествами, которыхъ недоставало Петру и Іоанну, былъ мудръ и прозорливъ въ чисто русскомъ складѣ ума и твердъ въ своемъ духовномъ міровоззрѣніи. Но въ то же время Онъ былъ въ полной мѣрѣ сыномъ Христовой вѣры, не могъ быть граждански жестокимъ и вѣрилъ, что въ предназначенной Ему Промысломъ Божьимъ міровой духовно-идейной борьбѣ можетъ побѣдить окончательно *не физическая сила власти, а примѣръ безконечной любви власти къ своему народу,* до готовности отдать за него свою жизнь.

Сознаніе своего идейнаго одиночества въ кругу русской интеллигенціи являлось однимъ изъ элементовъ душевной драмы послѣдняго десятилѣтія царствованія Императора Николая Александровича и Императрицы Александры Федоровны. Это идейное одиночество созналось Государемъ въ полной мѣрѣ со времени опыта сотрудничества съ 1-й Государственной Думой. Почувствовавъ въ 1905 г. потребность въ *„сліяніи съ народомъ“ въ цѣляхъ „укрѣпленія Самодержавія“,* Государь предложилъ своимъ Министрамъ изыскать практическую форму осуществленія вполнѣ опредѣленнаго Его желанія, *„при непремѣнномъ сохраченіи незыблемости Основныхъ Законовъ Имперіи“.* Во исполненіе

таковаго повелѣнія, въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ былъ разработанъ проектъ о Государственной Думѣ, который уже при обсужденіи его въ Совѣтѣ Министровъ не встрѣтилъ единодушнаго рѣшенія по характеру своего внутренняго, общаго духа, по содержанію. Тогда въ цѣляхъ обсужденія принципіальнаго вопроса, Государь собралъ Совѣщаніе подъ своимъ личнымъ председательствомъ, въ составъ котораго вошли Великіе Князья, Министры, Члены Государственнаго Совѣта, Высшіе Заслуженные Сановники и нѣсколько лицъ ученаго міра. При открытіи Совѣщанія, Государь ясно поставилъ своимъ приближеннымъ вопросъ: что Онъ отъ нихъ хочетъ услышать, выразивъ его въ слѣдующихъ словахъ:

„При обсужденіи всякаго вопроса, а особенно такого важнаго, высказываемыя мнѣнія расходятся въ зависимости отъ взглядовъ и воззрѣній. Такъ, относительно формы осуществленія Моихъ предначертаній многіе находятъ, что проектъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ недостаточно широкъ, другіе напротивъ считаютъ, что этимъ проектомъ *умаляются права Самодержавія*, и потому онъ опасенъ для Россіи. Первый и главный вопросъ по существу: *находится ли проектированный новый законъ въ полномъ согласіи и правильномъ сочетаніи съ нашими Основными Законами?*“

Изъ всѣхъ отвѣтовъ, данныхъ присутствовавшими приближенными по этому основному принципіальному вопросу, только отвѣтъ графа А. А. Голенищева-Кутузова затрагивалъ вопросъ въ глубокихъ, коренныхъ основаніяхъ его существа и приэтомъ исключительно съ точки міровоззрѣнія русскаго народа „всея земли“ и соотвѣтствія его историческимъ основамъ Русскаго Государства. Всѣ остальные отвѣты, хотя и не показали единомыслія въ принципіальномъ значеніи новаго закона, но не выходили по существу изъ рамокъ основаній и принциповъ западно-европейскаго духа и западно-европейскихъ образцовъ, совершенно чуждыхъ 90% населенія Русскаго Государства. Но такъ какъ извѣстными оговорками и редакціонными поправками въ проектируемомъ законѣ можно было оградить Самодержавіе съ формальной стороны, то въ результатѣ Государь повѣрилъ своимъ приближеннымъ и Государственная Дума увидѣла свѣтъ.

Первый же опытъ практическаго примѣненія новаго закона показалъ несостоятельность мнѣнія приближенныхъ

Государя: Государственная Дума, являвшаяся учрежденіемъ, по духу и свойствамъ выборовъ, не исторически русскимъ, внесла только, какъ предупреждалъ Голенищевъ-Кутузовъ, *„несомнѣнно большую, чѣмъ нынѣ, смуту“*.

Государь увидѣлъ, что Его приближенные не понимаютъ ни Его, ни того, что хочетъ народъ, ни того, чего добиваются такъ называемыя передовыя партіи. Онъ почувствовалъ всю горечь и ужасъ своего одиночества среди приближенныхъ, а ждать другого отношенія со стороны передовыхъ партій, конечно, не приходилось, такъ какъ каждая изъ нихъ хотѣла только своего, а не того, что хотѣлось бы народу.

Желанія же послѣдняго, равно какъ и „сліяніе Царя съ народомъ“, могли вылиться только черезъ *историческій сословный Земскій Соборъ всея земли“*.

Въ 1914 году, съ началомъ великой міровой войны, проявился несравненно болѣзненнѣе еще одинъ симптомъ одиночества Царя и Царицы въ кругахъ интеллигентной части Россіи.

Всѣмъ, близко стоявшимъ къ правительственнымъ, высшимъ служилымъ и общественнымъ кругамъ въ періодъ, предшествовавшій объявленію войны, памятны эти дни по той нерѣшительности, колебаніямъ и слабости, которыми характеризовались распоряженія и предположенія, исходившія отъ Государя Императора. Вопреки опредѣленнымъ свѣдѣніямъ о принятіи Германіей „подготовительнаго къ мобилизаціи положенія“, вопреки ультимативнымъ требованіямъ, предъявлявшимся Германскимъ Посломъ нашему Министру Иностранныхъ Дѣлъ, Государь, опираясь на заявленія, получавшіяся Имъ отъ Императора Вильгельма, не рѣшался на какое-нибудь опредѣленное выступленіе. Шесть разъ за періодъ съ 12-го по 17-ое іюля мобилизаціонный планъ Россіи передѣлывался соотвѣтственно тѣмъ колебаніямъ и перемѣнамъ, которыя получались изъ Царскаго Села. Напрасно предназначавшійся на должность Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго генералъ Янушкевичъ, по нѣсколько разъ въ день, при личныхъ посѣщеніяхъ и по телефону докладывалъ о достовѣрныхъ свѣдѣніяхъ, получавшихся изъ Германіи, и предупреждалъ о возможности срыва Германскимъ Генеральнымъ Штабомъ мобилизаціи Варшавскаго Округа; напрасно Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Сазоновъ докладывалъ, что представленія Германскаго Посла Пурталеса, ни по содержанію, ни по

тону не согласуются съ заявленіями Вильгельма; Государь продолжалъ колебаться, измѣнять свои рѣшенія и упорно не соглашался на объявленіе общей мобилизаціи всѣхъ вооруженныхъ силъ Россіи. Былъ даже такой случай, когда 15-го іюля Министрамъ, Сазонову и Янушкевичу удалось убѣдить Государя подписать Указъ объ общей мобилизаціи, но онъ былъ отмѣненъ въ тотъ моментъ, когда уже распредѣлялся по телеграфнымъ аппаратамъ на Главномъ Почтамтѣ для разсылки его по всей Россіи. Наконецъ, по общему соглашенію Министровъ, высшихъ придворныхъ и военныхъ начальниковъ, было рѣшено оказать на Государя коллективное давленіе, для чего въ 2 часа дня 17-го іюля въ Маріинскомъ Дворцѣ собрался Совѣтъ Министровъ въ полномъ составѣ и было рѣшено, что Предсѣдатель Совѣта отсюда же по телефону доложитъ Государю о мнѣніи всего Совѣта о необходимости немедленно объявить общую мобилизацію.

Государь отвѣтилъ: „Хорошо, Я согласенъ".

„Прикажете прислать на подпись указъ", спросилъ Горемыкинъ.

„Указъ Я могу подписать завтра. Считайте, что онъ есть и дѣлайте всѣ распоряженія", отвѣтилъ Государь.

Помня событія 15-го іюля, среди Министровъ возникло предположеніе прервать на время, до разсылки распоряженій о мобилизаціи, телеграфное и телефонное сообщеніе Александровскаго Дворца съ Петроградомъ. Генералу Янушкевичу рекомендовалось покинуть на это время свою квартиру, а генералъ Сухомлиновъ предполагалъ, что если съ новой отмѣной мобилизаціи Государь обратится къ нему, то онъ сошлется на то, что это компетенція генерала Янушкевича. Всѣ чины высшихъ военныхъ управленій (въ томъ числѣ и авторъ настоящей книги) ликовали по поводу объявленія общей мобилизаціи и предстоящей войны съ Германіей.

Всѣ эти событія, предшествовавшія объявленію мобилизаціи, съ различными заключеніями, сужденіями и коментаріями, разносились по городу и воспринимались „общественнымъ мнѣніемъ" по своему и въ соотвѣтственной политической окраскѣ. Можно сказать съ увѣренностью, что этотъ періодъ колебаній и нерѣшительности Царя былъ крѣпко учтенъ „общественнымъ мнѣніемъ" и впослѣдствіи легъ въ основаніе гнусной клеветы, что колебанія Царя и

особенно вліявшей на Него Царицы вытекали все изъ тѣхъ же личныхъ симпатій Державной Четы къ Вильгельму и изъ общихъ германофильскихъ тенденцій Государя и Государыни. Министры встрѣтили полное сочувствіе и одобреніе со стороны „общественнаго мнѣнія“ въ своей твердости и настойчивости передъ Царемъ, а генералъ Сухомлиновъ удостоился даже грандіозной народной манифестаціи передъ балкономъ занимавшагося имъ дома. Политическіе дѣятели Государственной Думы обмѣнивались крѣпкими рукопожатіями съ представителями правительства и съ политическими своими противниками и всѣ весело и торжественно улыбались другъ другу и чему-то радовались, какъ будто для Россія наступалъ . свѣтлый, радостный праздникъ. Трудно сказать чего въ политическихъ кругахъ „общественнаго мнѣнія“ было больше—сознательнаго патріотизма или разсчетливаго политическаго ликованія, по крайней мѣрѣ, въ отвѣтъ на обращеніе правительства къ народу по поводу мобилизаціи, на страницахъ нѣкоторыхъ періодическихъ изданій уже 17-го—18-го іюля, на ряду съ громкими призывами къ національному объединенію, появились слова и такого свойства: „Хочется вѣрить, что разъ правительство въ одномъ вопросѣ правильно оцѣнило всю роль и значеніе общественныхъ силъ, оно не остановится, и за первымъ шагомъ навстрѣчу обществу будутъ и послѣдующіе. При такихъ условіяхъ налетѣвшій шквалъ быть можетъ неожиданно окажется для Россіи тѣмъ потокомъ свѣжаго воздуха, который очищаетъ затхлую атмосферу и, вызвавъ національный подъемъ, приведетъ къ оживленію нашей внутренней жизни, къ развитію и торжеству прогрессивныхъ началъ“ (Спб. Курьеръ. 17 іюля). „И если, паче чаянія, намъ придется воевать, то мы знаемъ, что воюемъ не съ нѣмецкимъ народомъ, а съ его правительствомъ, попавшимъ во власть придворныхъ интригановъ, юнкерства и бреттеровъ въ военныхъ мундирахъ“ (Рус. Слово. 17 іюля). Но едва ли и замѣтки слѣдующаго рода способствовали прочности и долготерпѣливому напряженію сознательнаго патріотизма въ народныхъ массахъ: „Германія рискуетъ всѣмъ, Россію же опрокинуть невозможно, даже при самомъ неблагопріятномъ для насъ стеченіи случайностей. Можно строить разныя предположенія о томъ, сколько мѣсяцевъ продлится война, но о конечномъ ея исходѣ нѣтъ двухъ мнѣній. Этотъ исходъ, рано ли поздно ли, будетъ очень печальнымъ для Германіи.

И съ этой увѣренностью Россія спокойно ждетъ будущихъ событій“ (Гол. Москвы. 21 іюля). „Германія повторила въ объявленіи войны Россіи тотъ жестъ, какой сдѣлала Австрія въ отношеніи Сербіи передъ войной. Что это значитъ? Не хотѣла ли Германія выразить этимъ, что она смотритъ на Россію и уважаетъ Россію не болѣе и не иначе, чѣмъ Австрія — маленькій славянскій народъ? Ближайшіе недѣли и мѣсяцы покажутъ, такъ ли всепобѣдителенъ нѣмецъ, какъ онъ представляется самому себѣ“ (Нов. Вр., 19 іюля).

Не подлежитъ сомнѣнію, что объявленіе войны вызвало въ массѣ русскаго народа громадный патріотическій подъемъ не только по формѣ, но и по глубокому сознанію исторической задачи русскаго народа. За весь мобилизаціонный періодъ было только три крупныхъ случая безпорядковъ среди призываемыхъ, но во всѣхъ этихъ случаяхъ движущимъ импульсомъ являлось вино, а не какія-либо политическія тенденціи. Всякія бывшія до объявленія мобилизаціи забастовки и безпорядки на заводахъ съ объявленіемъ ея прекратились сами собой, сразу. Народъ русскій, рабочій и крестьянскій, съ поразительнымъ единодушіемъ и вѣрностью отозвался на призывъ своего Государя, не задаваясь совершенно мыслями о томъ, что будетъ, когда война кончится. Да они и не могли объ этомъ думать, такъ какъ каждый шелъ съ готовностью исполнить свой долгъ *до конца*, а для всей массы этотъ конецъ представлялся опредѣленно—*убьютъ*, и потому большинство думало лишь въ предѣлахъ—умереть не даромъ, а побѣдить. Отъ многихъ тяжело-раненыхъ первыхъ шести мѣсяцевъ войны такъ и приходилось выслушивать вопросъ, когда они приходили въ сознаніе—„а что наши побѣдили?“

Съ тѣмъ же сознаніемъ исполнить свой долгъ до конца, по призыву своего Верховнаго Вождя, отозвался и нашъ чудный первый комплектъ служилой военной интеллигенціи, а потому онъ и не задавался вполнѣ правильно вопросомъ, что будетъ послѣ войны; „побѣдить“—вотъ краткое выраженіе всѣхъ ихъ желаній для будущаго Россіи. Съ вѣрою въ правоту, съ инстинктомъ великаго историческаго призванія Россіи, они пошли честно умирать за Вѣру, Царя и Отечество, памятуя лишь о своемъ долгѣ и чести защищать ту Великую Россію, которая создала имъ славу быть сынами первоклассной Великодержавной Имперіи.

Но среди представителей интеллигенціи, остававшейся въ тылу, для которой *долгъ до конца* не опредѣлялся большимъ вѣроятіемъ неизбѣжной смерти, уже съ первыхъ дней войны проявлялась тенденція заглянуть въ будущее. Особенной характерностью по работѣ мысли отличались сужденія какъ нѣкоторыхъ представителей правительственной власти, такъ и особенно представителей оппозиціонныхъ партій правительства. „За всю многовѣковую исторію Россіи быть можетъ только Отечественная война, только 1812 годъ равняется по своему значенію предстоящимъ событіямъ", говорилъ Членамъ Думы Горемыкинъ 26-го іюля. „Запасы огнестрѣльныхъ припасовъ для войны заготовлены согласно разсчетамъ Особаго Совѣщанія Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба 1910 года, и дальнѣйшей потребности въ нихъ Главное Артиллерійское Управленіе не предусматривало и не предусматриваетъ", отвѣтъ этого Управленія 26 іюля на запросъ Мобилизаціоннаго Отдѣла. „Никто не поручится, что война не кончится черезъ три мѣсяца", резолюція генерала Сухомлинова. Лидеръ партіи Народной Свободы Милюковъ счелъ нужнымъ предпослать своему патріотическому призыву къ объединенію такое вступленіе: „Фракція народной свободы неоднократно говорила въ Государственной Думѣ о тѣхъ вопросахъ (польскій и еврейскій), которые были затронуты двумя ораторами, говорившими съ этой каѳедры. Ея мнѣніе по этимъ вопросамъ всѣмъ хорошо извѣстно, и, конечно, *никакія внѣшнія обстоятельства* не могутъ измѣнить этого мнѣнія. Когда настанетъ время, фракція вновь заговоритъ о нихъ и вновь будетъ указывать на единственно возможный путь внутренняго обновленія Россіи. Она надѣется, что, пройдя черезъ тяжкія испытанія, намъ предстоящія, страна станетъ ближе къ своей завѣтной цѣли". „Мы вѣримъ, что на поляхъ бранныхъ великихъ страданій укрѣпится братство всѣхъ народовъ Россіи и родится единая воля—освободить страну отъ страшныхъ внутреннихъ путъ", восклицалъ Керенскій. „Въ международной солидарности всѣхъ трудящихся массъ всего міра пролетаріатъ найдетъ средство къ скорѣйшему прекращенію войны, и пусть условія мирнаго договора будутъ продиктованы не дипломатіей, а самимъ народомъ", заявилъ Хаустовъ отъ имени обѣихъ с.-д. фракцій Польскій представитель Думы заявилъ: „Пусть пролитая наша кровь и ужасы братоубійственной для насъ войны приве-

дутъ къ соединенію *разорваннаго на три части нашего народа*". „У насъ много счетовъ съ прибалтійскими нѣмцами", заявилъ представитель латышей и эстонцевъ, „но мы теперь не будемъ считаться. Когда пройдутъ грозные тяжелые дни, мы представимъ эти счета вашему разсмотрѣнію". „Литовскій народъ", говорилъ Ичасъ отъ имени литовцевъ, „забываетъ всѣ свои обязанности, надѣясь увидѣть Россію свободной и счастливой послѣ этой войны, и надѣюсь, что литовцы, *разорванные на двое, будутъ соединены подъ однимъ русскимъ знаменемъ*". „Мы вѣримъ, что на неправаго, поднявшаго мечъ, Господь, и что вся Россія въ этотъ историческій моментъ, какъ и въ прежніе годы, сплотившись вокругъ своего Царя, выйдетъ изъ этой борьбы нераздѣленной, нравственно выросшей, обновленной", слова Протопопова, будущаго Министра Внутреннихъ Дѣлъ...

Конечно, всѣ эти частью легкомысленныя, частью узко партійныя, частью просто личныя заключенія потонули въ то время въ морѣ дѣйствительно колоссальнаго общаго патріотическаго подъема страны, которымъ ознаменовалось объявленіе войны, и хотя, какъ писало Новое Время, „угроза начавшагося нашествія безчисленныхъ нѣмецкихъ полчищъ неизмѣримо опаснѣе и батыевскаго набѣга и кратковременнаго наполеоновскаго вторженія въ Москву", но съ другой стороны „ощущеніе братской близости съ милліонами людей" наполнило „сердце сладкимъ трепетомъ какого-то великаго головокружительнаго счастья", въ которомъ проявилась „свѣтлая радость наступившихъ черныхъ дней". Тѣмъ не менѣе приведенныя заключенія показываютъ, что въ руководящихъ правительственныхъ и политическихъ сферахъ какъ будто отсутствовало глубокое сознаніе дѣйствительной міровой серьезности предстоящей войны и ея возможныхъ послѣдствій. Слова о таковой серьезности произносились, но глубокой сущностью ихъ не жили. Мысль „прежде всего побѣдить и побѣдить во что бы то ни стало" доминировала не съ достаточной силой; на ряду съ ней все же сильно по прежнему занимали людей житейскія, будничныя мыслишки „когда война кончится, будемъ дѣлать то-то и то-то". Въ этомъ отношеніи чувствовалась рѣзкая разница въ настроеніи тѣхъ, кто шелъ на фронтъ въ бой, т.-е. народа, и тѣхъ, кто оставался въ тылу, руководителей всѣхъ ступеней и положеній. Для первыхъ предѣлъ государственной мысли о будущемъ ограничивался стремленіемъ „побѣдить", для

вторыхъ, за этимъ предѣломъ, намѣчались и другіе виды, разсчеты, надежды, не выходившіе однако изъ рамокъ личныхъ или партійныхъ стремленій и во всякомъ случаѣ не носившіе отпечатка тревожнаго, грознаго предчувствія послѣдствій войны міроваго значенія. Опираясь на теоретическіе разсчеты, существовавшіе до войны, и воспроизведенные на страницахъ почти всѣхъ повременныхъ изданій, мнѣніе большинства общества склонялось къ тому, что война протянется 3—6 мѣсяцевъ, послѣ какового срока для одной изъ сторонъ наступитъ такой колоссальный финансово-экономическій крахъ, что въ силу только этого обстоятельства борьба прекратится и жизнь начнетъ входить въ мирныя рамки. Приэтомъ, такъ какъ въ силу географическаго положенія воюющихъ сторонъ, тройственное согласіе находилось, казалось, въ болѣе благопріятномъ положеніи, то въ тайникахъ помысловъ довольно прочно ощущалось, что окончательный исходъ борьбы будетъ болѣе благопріятенъ для насъ, почему общество и не могло въ полной мѣрѣ сосредоточить свои мысли только на побѣдѣ, а продолжало думать и о томъ, что дѣлать послѣ нея.

Всѣ мысли Царя были сосредоточены только на одномъ: *побѣдить*. Чего бы ни потребовалъ этотъ путь, все принести въ жертву, чтобы побѣдить и *побѣдить для Россіи*.

Душевное состояніе Государя въ дни, предшествовавшіе объявленію общей мобилизаціи, было ужаснымъ. Онъ самъ охарактеризовалъ его такими словами:

„Я никогда не переживалъ пытки, подобной этимъ мучительнымъ днямъ, предшествовавшимъ войнѣ“.

О внѣшнемъ отраженіи этой „пытки“ на лицѣ Государя говоритъ свидѣтель Жильяръ: „я былъ пораженъ выраженіемъ большой усталости на Его лицѣ; черты его вытянулись, цвѣтъ былъ землистый, и даже мѣшки подъ глазами, которые появлялись у Него, когда Онъ бывалъ утомленъ, казалось, сильно выросли. Глаза Его горѣли, какъ будто у Него былъ жаръ“.

Нѣкоторую завѣсу на сущность „пытки“, переживавшейся Царемъ, пріоткрываетъ С. Д. Сазоновъ въ своей небольшой замѣткѣ-воспоминаніи, помѣщенной въ предисловіи къ книгѣ Жильяра:

„Въ тяжелые дни, предшествовавшіе объявленію намъ Германіей войны, когда всѣмъ уже было совершенно ясно, что въ Берлинѣ было рѣшено поддержать всею германской

мощью притязанія Австріи на господство надъ Балканами, и что намъ, несмотря на все наше миролюбіе, не избѣжать войны, мнѣ *привелось узнать Государя* со стороны, которая при нормальномъ теченіи политическихъ событій оставалась мнѣ мало извѣстной.

„Я говорю о проявленномъ имъ тогда *глубокомъ сознаніи его нравственной отвѣтственности за судьбы Родины и за жизнь безчисленныхъ его подданныхъ, которымъ европейская война грозила гибелью.* Этимъ сознаніемъ Онъ былъ проникнутъ весь, и имъ опредѣлялось Его состояніе передъ началомъ военныхъ дѣйствій.

„Помимо всѣхъ усилій русской дипломатіи найти способъ предотвратить надвигающуюся на человѣчество катастрофу путемъ примирительныхъ переговоровъ и посредничества, Государь взялъ на себя починъ настоятельныхъ попытокъ личнымъ своимъ вліяніемъ побудить Императора Вильгельма удержать своего союзника отъ непоправимаго шага. Онъ не былъ увѣренъ въ успѣхѣ своихъ стараній, но совѣсть Его ихъ Ему предписывала и Онъ повиновался ея голосу.

„Онъ долгое время не хотѣлъ произнести рѣшающее слово, необходимое для приведенія русскихъ военныхъ силъ на степень подготовленности, вызываемую открытой мобилизаціей Австро-Венгріи и скрытыми подготовительными мѣрами Германіи. Колебанія эти были поставлены Государю въ вину и истолковывались, какъ проявленіе присущей ему нерѣшительности.

„Люди, близко видѣвшіе его въ эти роковыя минуты, не согласятся съ подобной оцѣнкой. Она фактически невѣрна и несправедлива по отношенію къ нему, какъ къ Правителю и человѣку".

Хотя въ этихъ словахъ Сазонова и не исчерпываются всѣ причины душевной „пытки" Царя въ тѣ историческіе дни, но въ нихъ ясно указывается на тѣ волненія и сомнѣнія, которыя были замѣчены Министромъ при его частыхъ посѣщеніяхъ Государя въ эти дни и которыя, слѣдовательно, не могли не бросаться въ глаза, не смотря на всю сдержанность и замкнутость Царя въ своихъ бесѣдахъ съ приближенными.

Взорамъ Сазонова открылось глубокое сознаніе Государемъ своей нравственной отвѣтственности за судьбы Родины, *которой европейская война грозила гибелью.*

Во всѣхъ ли случаяхъ, или только въ случаѣ пораженія? Это чрезвычайно важный вопросъ, такъ какъ имъ опредѣляется та или другая степень душевной пытки, переживавшейся Царемъ передъ рѣшеніемъ утвердить общую мобилизацію.

Настоящее изслѣдованіе отвѣчаетъ совершенно опредѣленно, что въ періодъ душевной борьбы 12-го—17-го іюля Государь съ полной ясностью сознавалъ, что въ предѣлахъ земныхъ причинъ и вліяній *общая европейская война во всѣхъ случаяхъ будетъ грозить гибелью Родинѣ.* Острота душевной пытки и происходила отъ сознанія такой неизбѣжности съ той разницей, что при пораженіи опасность угрожала вообще самому государственному единенію Россіи и ея историческому существованію, а побѣда должна была потребовать такого исключительнаго напряженія всѣхъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ страны, и подвергнуть нравственные принципы государственнаго единенія такому исключительному испытанію, при которомъ создавалась безусловная угроза *„Родинѣ Императора Николая II-го“.*

Къ такимъ выводамъ изслѣдованіе приходитъ прежде всего по тѣмъ соображеніямъ, что въ послѣдствіяхъ грядущей европейской войны Государь видѣлъ не только ту опасность, которая грозила государству, Россіи, но и тотъ ужасъ, который предстояло испытать вообще всему человѣчеству. Онъ не могъ смотрѣть на предстоящую борьбу лишь какъ на колоссальное, но простое столкновеніе физическихъ и техническихъ силъ странъ, создающее обыкновенно угрозу существованію только для побѣжденнаго. Борьбу эту Онъ расцѣнивалъ значительно глубже, въ масштабѣ тѣхъ историческихъ міровыхъ столкновеній, слѣдствіемъ которыхъ являлось коренное перестроеніе ряда странъ, независимо отъ побѣды или пораженія.

«Борьба будетъ ужасна, чудовищна, и человѣчество идетъ навстрѣчу невообразимымъ страданіямъ»...—слова Государыни, раздѣлявшіяся, конечно, всецѣло и Государемъ. Вотъ та прозорливость грядущихъ событій, которая легла въ основаніе *глубокаго сознанія нравственной отвѣтственности за судьбы Родины,* которое почувствовалъ въ Государѣ Сазоновъ въ дни душевной борьбы, переживавшейся Государемъ. Именно боль и острота такого сознанія должны были наложить на лицо Государя, съ момента принятія окончательнаго рѣшенія, тотъ отпечатокъ постоянной внутренней мысли

о серьезности государственнаго рѣшенія, который отмѣчаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ тотъ же Сазоновъ и подтверждаютъ другіе свидѣтели: „у Государя былъ тотъ сосредоточенный видъ, который я замѣчалъ у Него со времени объявленія войны, и безъ котораго я Его уже не видѣлъ вплоть до послѣдняго нашего свиданія, за мѣсяцъ до начала революціи. Онъ сильно похудѣлъ, и на вискахъ и въ бородѣ появились въ большомъ количествѣ сѣдые волосы. Оставались по прежнему привѣтливый взоръ прекрасныхъ, унаслѣдованныхъ отъ матери глазъ и добрая улыбка, хотя она и стала появляться гораздо рѣже“.

Государь вполнѣ отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что Германія, рѣшившись на войну, не остановится ни передъ какими средствами, чтобы достигнуть побѣды, такъ какъ для нея вопросъ результата борьбы сводился къ вопросу „быть или не быть“ германскому государственному единенію вообще, и подъ Императорскимъ флагомъ Гогенцоллерновъ въ особенности. Государь не ослѣплялся соціалистическимъ движеніемъ, проявлявшимся за послѣднее время въ народахъ Германіи; Онъ зналъ, что сила націонализма нѣмецкаго народа въ минуту національной опасности поборетъ всякія узкія соціалистическія стремленія и весь народъ, какъ одинъ человѣкъ, будетъ до послѣдней капли крови, до послѣдняго пфеннига бороться за свое отечество, жертвуя своимъ достояніемъ, женами и сѣмьями на благо будущей Германіи. Онъ отлично зналъ Вильгельма, зналъ, что онъ *„способенъ на всякія низости“*, но онъ зналъ и то, что Вильгельмъ былъ яркимъ представителемъ своего народа и, что во имя побѣды „на всякія низости“ за Вильгельмомъ пойдетъ и весь народъ. Отдавая же должное преимущество нѣмцу передъ другими народами Европы въ стойкости, твердости и способности переносить лишенія, Царь не могъ не предвидѣть, что предстоящая борьба будетъ *„ужасной, чудовищной“ и затяжной*, а потому другіе народы, съ болѣе слабо развитымъ сознаніемъ націонализма, будутъ подвергнуты большимъ искушеніямъ и испытаніямъ въ принципахъ своего внутренняго единенія. Если кромѣ того во внутреннемъ политическомъ движеніи въ собственной странѣ Государь умѣлъ видѣть вліяніе *„жидовъ“*, то онъ не могъ сомнѣваться, что міровой пожаръ, который вызоветъ европейская война, *темныя соціалистическія силы израильскаго племени не преминутъ использовать для своихъ цѣлей,* и силы ихъ

прежде всего будутъ сконцентрированы противъ самодержавной христіанской Имперіи—Россіи. Борьба могла принять характеръ не только національный, но и религіозный, и въ этомъ отношеніи человѣчество, рѣшаясь на нее, шло *„навстрѣчу невообразимымъ страданіямъ“*.

Вотъ почему во всѣхъ послѣдовавшихъ обращеніяхъ Государя къ своимъ приближеннымъ, къ представителямъ народа, къ народу, въ своихъ приказахъ, манифестахъ и указахъ, Онъ всюду усиленно подчеркиваетъ, что побѣда нужна для сохраненія Россіи, какъ государственнаго единенія, что это сознаніе должно быть поставлено выше всего: „Помните, что безъ рѣшительной побѣды надъ врагомъ наша дорогая Россія не можетъ обезпечить себѣ самостоятельной жизни“, писалъ Государь 31-го декабря 1915 года; „Судьба Россіи, честь геройской Нашей арміи, благо народа, все будущее дорогого Нашего отечества требуетъ доведенія войны во что бы то ни стало до побѣднаго конца“, говоритъ Онъ въ актѣ объ отреченіи; „Кто думаетъ теперь о мирѣ, кто желаетъ его, тотъ измѣнникъ Отечеству, его предатель“, обращается Государь къ войскамъ въ своемъ прощальномъ приказѣ 8-го марта 1917 года. И въ то же время во всѣхъ своихъ обращеніяхъ Онъ избѣгаетъ призыва къ побѣдѣ для защиты Престола, сознавая, что „чудовищная“ борьба для достиженія побѣды можетъ потребовать, какъ Онъ потомъ говорилъ генералу Алексѣеву, *„исключительныхъ внутреннихъ мѣропріятій“*, которыя во имя главнѣйшей цѣли—спасенія государственнаго единенія Россіи—могутъ потребовать отъ Него принесенія въ жертву идеѣ спасенія Престола. Существованіе у Государя такого „глубокаго сознанія“ подтверждается не только словами, сказанными впослѣдствіи Государыней: „Онъ всегда былъ готовъ отъ всего отказаться, если бы имѣлъ увѣренность, что это на благо Россіи“, но и послѣдовавшимъ Его отношеніемъ къ событіямъ послѣ переворота. „Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи почли Мы долгомъ совѣсти облегчить народу Нашему тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды и, въ согласіи съ Государственной Думой, признали Мы за благо отречься отъ престола Государства Россійскаго...“, писалъ Государь въ актѣ отреченія, принося лично себя въ жертву побѣдѣ во имя сохраненія цѣлости Россійскаго Государства. „Послѣ отреченія Моего за себя и за сына Моего отъ престола Россійскаго, власть передана

Временному правительству... Исполняйте же вашъ долгъ, защищайте доблестно нашу Великую Родину, повинуйтесь Временному правительству...“, обращался Царь къ войскамъ, когда престолъ былъ принесенъ въ жертву побѣдѣ за Великую Родину. Съ какой радостью уже въ Тобольскѣ Государь читалъ Наслѣднику газетныя извѣстія о первыхъ успѣхахъ нашихъ войскъ на Тарнопольскомъ фронтѣ; по этому поводу въ Семьѣ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ. Могло ли все это имѣть мѣсто, если бы интересы Государственности Россійской не стояли въ сознаніи Царя на первѣйшемъ, исключительномъ мѣстѣ, и если-бы для обезпеченія ихъ Онъ не предвидѣлъ возможности принесенія въ жертву всего остального.

Государь вѣрилъ, что нравственно-религіозная идея государственнаго единенія не умретъ въ русскомъ народѣ: „все это временное, все это пройдетъ и народъ снова вернется къ прежнему“, говорилъ Онъ въ Тобольскѣ окружавшимъ Его лицамъ. Это было какъ болѣзнь, которая для выздоровленія требуетъ временной перемѣны климата, временнаго простого перемѣщенія больного изъ одного мѣста въ другое. Поэтому отреченіе Его отъ престола нисколько не знаменуетъ, что Онъ убѣдился въ необходимости для русскаго народа конституціоннаго образа правленія и пересталъ вѣрить въ святость и величіе русской исторической идеи о власти. Онъ продолжалъ ее носить въ себѣ до конца, до своей мученической кончины, причемъ и большинство охранниковъ, окружавшихъ Его въ Екатеринбургѣ, продолжали видѣть въ Немъ Царя и не могли себя передѣлать.

Вотъ тѣ элементы „глубокаго сознанія“ нравственной отвѣтственности за судьбы Родины, которые обусловливали глубину и болѣзненность душевной драмы, переживавшейся Императоромъ въ дни 12-го—17-го іюля, въ періодъ, предшествовавшій объявленію общей мобилизаціи. Но они еще не исчерпывали полностью всего того душевнаго состоянія Царя въ эти дни, которое Онъ самъ опредѣлилъ словомъ „*пытка*“.

Сознавая ужасъ возможной европейской войны и, главное, страшный рискъ, которому подвергалась судьба Родины, Царь считалъ, что Его долгъ, какъ истиннаго носителя идеи русскаго Самодержавія, какъ Помазанника Божья и какъ человѣка, использовать предварительно всѣ средства въ своемъ безпредѣльномъ служеніи на благо Богомъ ввѣ-

реннаго Ему народа, для огражденія его будущей судьбы отъ исключительнаго искушенія и безусловной опасности, которые несла для него европейская война. Во исполненіе своего долга до конца, Онъ, презиравшій Вильгельма, приглашалъ его быть арбитромъ въ спорѣ между Россіей и Австро-Венгріей по Сербскому вопросу и убѣждалъ оказать вліяніе на Австрію, дабы удержать ее отъ непоправимаго шага. Но въ отношеніяхъ своихъ Министровъ и высшихъ военныхъ сановниковъ къ принимавшимся Имъ мѣрахъ мирнаго порядка Государь не чувствовалъ той глубины сознанія опасности для Россіи надвигавшейся бури, которымъ было проникнуто Его міровоззрѣніе, и тѣ настойчивость и нетерпѣніе, съ которыми добивались вырвать отъ него необходимый указъ, ясно указывали Ему на Его одиночество и непониманіе Его ближайшими сотрудниками тѣхъ дѣйствительныхъ побужденій нравственной отвѣтственности за судьбы Родины, которыя руководили Имъ въ эти тяжелые дни. Такое непониманіе Царя приближенными въ важныхъ случаяхъ государственной жизни Россіи происходило уже неоднократно. Вѣрнѣе это было не непониманіе, а неточное усвоеніе глубины побуждающихъ причинъ, глубокихъ исходныхъ началъ мысли, мнѣнія или дѣйствій Императора, явившееся вслѣдствіе того явленія, что съ перваго дня царствованія Императора Николая Александровича въ обществѣ составилось о Немъ мнѣніе, въ большинствѣ случаевъ совершенно не согласовавшееся съ Его дѣйствительнымъ обликомъ, не только какъ Самодержца-Правителя, но даже просто какъ человѣка, семьянина. Поэтому каждый изъ докладчиковъ приближался къ Царю съ заранѣе закрытой въ себѣ способностью проникнуть въ глубину исходныхъ положеній мысли Государя и улавливалъ лишь ту болѣе внѣшнюю часть побуждающихъ причинъ, существованіе которой допускалось имъ въ натурѣ Царя по искаженному и предвзятому представленію о Немъ. Для Царя же это расхожденіе съ приближенными выявлялось не по формѣ, а по духу, и тѣмъ болѣзненнѣе отражалось оно на душевномъ Его состояніи. Въ дни же, предшествовавшіе войнѣ, кромѣ того все внутреннее политическое состояніе Россіи находилось въ такомъ бурномъ положеніи, что возбуждало въ душѣ Царя мучительный вопросъ: сможетъ ли Россія проявить исключительную твердость, стойкость и внутреннюю спайку, дабы выдержать надвигаю-

щуюся ужасную внѣшнюю грозу, и не только выдержать, но и побѣдить во что бы то ни стало, какой бы то ни было цѣной жертвъ и лишеній. И на этотъ-то важнѣйшій вопросъ недостаточно глубокое сознаніе приближенными грядущихъ испытаній и искушеній менѣе всего давало Ему удовлетворительный отвѣтъ, почему *чувство своего одиночества* въ нравственной отвѣтственности за судьбы Родины *превратилось въ эти дни въ мучительную пытку.*

„Вы не повѣрите, какъ я счастливъ выйти изъ этой ужасной неизвѣстности", сказалъ Онъ Жильяру, когда послѣ объявленія войны на обращеніе къ представителямъ Государственной Думы Онъ получилъ отвѣтъ ея Предсѣдателя: „Дерзайте, Государь, русскій народъ съ Вами и, твердо уповая на милость Божію, не остановится ни передъ какими жертвами, пока врагъ не будетъ сломленъ и достоинство родины не будетъ ограждено". Сразу прекратившіеся безпорядки и забастовки, волна широкаго патріотическаго подъема, непритворно охватившая массы населенія, вѣрноподданническія встрѣчи и манифестаціи въ честь Царя всюду, гдѣ Онъ ни появлялся, стройность прошедшей мобилизаціи и порядокъ, водворившійся въ работѣ тыла и желѣзныхъ дорогъ, дали основанія Царю ухватиться за желанную вѣру, что народъ инстинктомъ понялъ Его, проникся Его сознаніемъ серьезности предстоящей грозы, и что Государственная Дума является дѣйствительной представительницей народа, въ которой Онъ найдетъ опору въ то неизбѣжное время, когда остынетъ первый пламенный порывъ массы, когда появятся первыя испытанія ужасной борьбы, и когда потребуется несравненно больше сознательнаго патріотизма для сохраненія нужнаго государственнаго единенія въ цѣляхъ преодолѣнія грозныхъ препятствій и поддержанія въ массахъ силы убѣжденія, что только побѣда можетъ спасти страну отъ политической смерти.

Но уже въ 1915 году, черезъ десять мѣсяцевъ послѣ начала войны, Государю пришлось убѣдиться, что и Государственная Дума Его не понимаетъ, какъ не понимали Его и Министры, и въ глубинѣ своего сознанія не располагаетъ той прозорливостью послѣдствій ужасной борьбы, которой мучился и страдалъ за Россію ея Верховный Вождь.

Когда, послѣ первыхъ мѣсяцевъ блестящихъ удачъ на Галиційскомъ фронтѣ и упорнѣйшей, кровавой борьбы съ главнѣйшимъ противникомъ въ Привислинскомъ краѣ,

выяснились, съ одной стороны, очевидность затяжного хода войны, и съ другой, необезпеченность, по винѣ агентовъ правительственной власти и дѣятелей общественныхъ организацій, армій различнаго рода предметами боевой потребности, что въ совокупности сильно повліяло на паденіе активнаго духа особенно внутри страны, Государю, опираясь на завѣренія Думы въ 1914 году, представилось настоятельно необходимымъ, для вызова новой патріотической вспышки общаго единенія во имя побѣды, слиться снова съ народомъ черезъ его представителей въ Думѣ.

„Да не будетъ въ Россіи на все время военныхъ дѣйствій никакихъ партій, кромѣ одной партіи—*войны до конца*; никакихъ программъ, кромѣ одной—*побѣдить*. Отъ васъ исторія ждетъ отвѣтнаго голоса земли русской“, передалъ въ своихъ словахъ Горемыкинъ собранной Государственной Думѣ призывъ Государя.

„Государь Императоръ ожидаетъ отъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи, безъ различія взглядовъ и положеній, сплоченной, дружной работы для нуждъ нашей доблестной арміи“, повторилъ за первымъ тотъ же призывъ генералъ Поливановъ.

Въ отвѣтъ Государь услышалъ громкія слова: „У насъ есть выходъ вмѣсто словъ доказать нашу любовь и нашу благодарность не словами, а дѣломъ“, цѣнность коихъ, какъ сознательныхъ по текущему моменту, совершенно аннулировались для Государя послѣдовавшими за ними комментаріями.

Націоналистъ графъ В. Бобринскій пояснилъ ихъ: „...Если правительство докажетъ, что оно дѣйствительно обновленное правительство, достойное Россіи, то оно найдетъ полную съ нашей стороны поддержку и полное радостное сотрудничество“.

Октябристъ Н. В. Савичъ заявилъ: „Но прежде, чѣмъ приступить къ созидательной работѣ, надо проанализировать всѣ причины, вызвавшія неблагопріятныя условія... Одно изъ золъ нашей государственности состоитъ въ томъ, что въ то время, какъ мелкіе проступки мелкихъ чиновниковъ караются по всей строгости законовъ, служебныя упущенія и служебныя преступленія высокопоставленныхъ лицъ остаются безнаказанными“.

Прогрессистъ Ефремовъ объявилъ: „Фракція прогрессистовъ считаетъ, что критическое положеніе, въ которое

старая система управленія поставила Россію, повелительно требуетъ измѣненія самого духа государственнаго управленія и призыва къ власти министерства національной обороны, составленнаго изъ людей страны, независимо отъ ихъ партійной принадлежности, отвѣтственнаго передъ народнымъ представительствомъ“.

Кадетъ Милюковъ потребовалъ: возвращенія изъ ссылки пяти большевистскихъ руководителей (въ числѣ ихъ былъ и Лейба Бронштейнъ) и заявилъ, что „нужна политика власти, не связывающая живыхъ силъ народнаго почина... которыя сразу исправятъ тѣ функціональныя разстройства народной жизни, которыя теперь вызваны не столько войною, сколько неумолимымъ вмѣшательствомъ власти“.

Прогрессистъ-крестьянинъ Евсѣевъ потребовалъ: закона о пенсіяхъ, о трезвости „на вѣчныя времена“, о земельномъ надѣлѣ, о волостномъ земствѣ, о подоходномъ налогѣ, о наказаніи виновныхъ, не оправдавшихъ довѣрія Государя, и о взятіи въ армію чиновъ полиціи.

Трудовикъ Керенскій настаивалъ на томъ: „чтобы сейчасъ же были предоставлены права намъ, демократіи, свободно обсуждать всѣ соціальные и политическіе вопросы, связанные съ войной. Для того, чтобы выйти изъ создавшагося положенія, необходимо всѣ организаціонныя силы, всѣ средства борьбы и внѣшней и внутренней передать въ распоряженіе народа“.

Всѣ эти заявленія, требованія и поясненія указывали лишь на одно, что Дума относилась къ текущему моменту совершенно такъ, какъ если бы война уже кончилась, такъ какъ по существу произнесенныхъ заявленій и требованій было ясно, что никакое удовлетвореніе ихъ не поведетъ къ тому настоятельному единенію всей страны и всѣхъ партій, которое одно только могло обезпечить побѣду. Для этого надо было прежде всего, какъ было въ 1914 году, полное самоотреченіе партійныхъ дѣятелей отъ своихъ политическихъ платформъ на весь періодъ дальнѣйшей войны и патріотическое сплоченіе ихъ вокругъ Царя, независимо отъ тѣхъ или другихъ дефектовъ агентовъ правительственной власти. Въ условной же формѣ, которой проникнутъ былъ тонъ всѣхъ Думскихъ рѣчей, этой рѣшимости на политическое самоотреченіе, на способность дѣйствительно принести въ жертву все ради побѣды и связаннаго съ ней сохраненія государственности Россіи Государь уже не

увидѣлъ и почувствовалъ свое одиночество въ прозорливости послѣдствій ужасной борьбы и по отношенію къ Государственной Думѣ.

Ему не оставалось другого выбора, какъ *черезъ голову своего правительства и законодательныхъ палатъ* искать осуществленія своего слiянія съ народомъ непосредственнымъ приближеніемъ къ войскамъ, и своимъ личнымъ присутствіемъ среди нихъ вызвать въ арміяхъ необходимое для доведенія войны до побѣднаго конца усиленіе патріотическаго подъема. „Съ твердой вѣрою въ милость Божію и съ непоколебимою увѣренностью въ конечной побѣдѣ будемъ исполнять нашъ святой долгъ защиты Родины до конца и не посрамимъ земли русской“, вписалъ Онъ самъ въ приказъ о своемъ вступленіи въ командованіе арміями 23-го августа 1915 года. Этимъ самымъ Онъ сознательно связалъ судьбу своего трона съ происходившей борьбой, и съ полнымъ мужествомъ и самоотверженіемъ сталъ на путь осуществленія на дѣлѣ готовности пожертвовать всѣмъ во исполненіе лежавшаго на Немъ, какъ на Самодержавномъ Правителѣ Россійскаго Государства и какъ на первомъ Слугѣ своего русскаго народа, долга. Въ этотъ день, по существу рѣшенія, Онъ вступалъ въ смертельный бой и, какъ Царь Петръ, могъ сказать Россіи: *„А о Николаѣ вѣдайте, что Ему жизнь не дорога, жила бы только Россія въ благоденствіи и славѣ...“*

Если этотъ Его шагъ вызвалъ въ тылу, въ правительственной, общественной и парламентской сферахъ, самыя разнорѣчивыя толкованія съ общимъ оттѣнкомъ недоброжелательнаго къ нему отношенія, то въ арміи и народѣ жертва, принесенная Царемъ, была оцѣнена инстинктомъ народной мудрости и сердца въ полной мѣрѣ въ положительномъ значеніи. Достаточно вспомнить, что державы Согласія послѣ 23-го августа 1915 года имѣли въ своемъ распоряженіи еще цѣлыхъ полтора года, въ теченіи которыхъ право разсчитывать на достиженіе общей рѣшительной побѣды оставалось всецѣло въ ихъ рукахъ. За это время духъ русскихъ армій быстро возстановился и возросъ до состоянія первыхъ дней войны, что и проявилось въ блестящихъ новыхъ страницахъ доблести и активности поведенія войскъ въ дни апрѣля — іюля 1916 года, ясно отмѣтившихъ переломъ всей тяжелой войны въ благопріятную для тройственнаго Согласія сторону. Гдѣ ни появлялся Царь, Онъ всюду встрѣчалъ свѣт-

лое и радостное отношеніе войскъ и простого русскаго народа; Онъ реально осязалъ благость своего общенія съ народомъ и чувство взаимнаго пониманія, и въ этомъ сознаніи находилъ силу бороться съ той душевной мукой, которую создали Ему правительственные, общественные и политическіе представители интеллигентныхъ слоевъ русскаго общества въ тылу. Простыми, но глубоко прочувствованными словами, Онъ самъ охарактеризовалъ разницу своего душевнаго отношенія къ фронту и тылу:

„Вы не повѣрите, какъ тягостно Мнѣ пребываніе въ тылу. Мнѣ кажется, что здѣсь все, даже воздухъ, которымъ дышешь, ослабляетъ энергію, размягчаетъ характеры. Самые пессимистическіе слухи, самыя неправдоподобныя извѣстія встрѣчаютъ довѣріе и облетаютъ всѣ слои общества. Здѣсь заняты лишь интригами и происками; тамъ же дерутся и умираютъ за Родину. На фронтѣ одно чувство преобладаетъ надъ всѣмъ — желаніе побѣдить; остальное забыто, и, несмотря на потери, на неудачи, сохраняютъ вѣру...“

Сознательнымъ рискомъ за тронъ Царь достигъ на фронтѣ *необходимаго единенія Государя и народа* для достиженія побѣды во имя блага и цѣлости Россійскаго Государства. Тамъ пока между Нимъ и народомъ не было никого.

Но только... пока!..

Монархъ и подданные въ Ставкѣ.

Выѣхавъ утромъ 23-го февраля изъ Царскаго Села, Государь прибылъ въ Могилевъ, гдѣ была расположена Ставка, на слѣдующій день 24-го въ 4 часа 30 м. дня. Тяжелое чувство своего одиночества мучительно давило Его за всю дорогу. Съ Нимъ ѣхали Его любимѣйшіе флигель-адъютанты: герцогъ Лейхтенбергскій, Нарышкинъ и Мордвиновъ, но они не могли восполнить Ему той пустоты, которую такъ болѣзненно Онъ ощущалъ въ идейномъ расхожденіи съ тѣми, кто былъ призванъ помогать Ему въ руководительствѣ государственной жизнью Россіи для доведенія ея во что бы то ни стало до побѣднаго конца. „Онъ былъ сосредоточенъ въ себѣ, молчаливъ и не разговорчивъ со своими спутниками“, разсказывалъ потомъ покойный генералъ Долгоруковъ, вспоминая эти дни въ разговорахъ съ приближенными,

окружавшими Царскую Семью въ Ея заключеніи. „Онъ надѣялся еще на государственное благоразуміе Думы, на способность Ея въ важныя и тревожныя минуты жизни освобождаться отъ вліянія отдѣльныхъ слишкомъ увлекающихся крайнихъ политически-узкихъ вожаковъ и слѣпыхъ обобщеній промаховъ въ дѣятельности правительственныхъ агентовъ. Правда, надежда эта была слаба, но всетаки тогда Онъ еще вѣрилъ, что Дума серьезно не проявитъ инициативы въ подстрекательствѣ толпы на революціонныя опасныя выступленія. Онъ вспоминалъ патріотическія объединенія Думы съ Нимъ 26-го іюля 1914 г. и особенно 21-го февраля 1916 года. Онъ болѣлъ за отношенія къ переживавшимся событіямъ отдѣльныхъ ея членовъ, не могшихъ даже въ эти дни общаго духовнаго подъема отказаться отъ своихъ партійныхъ вожделѣній, и смотрѣвшихъ на всѣ поступки правительства только съ этой своей узкой точки зрѣнія. Но въ общемъ Онъ все же еще надѣялся на Думу.

Наконецъ, Онъ надѣялся еще потому, что въ концѣ концовъ любилъ безконечною любовью всѣхъ сыновъ своего народа, надъ которымъ Онъ Божьимъ Промысломъ былъ поставленъ Помазанникомъ, а потому и относился къ Своимъ подданнымъ прежде всего исходя изъ побужденій управлять ими не насиліемъ и злобой, а примѣромъ всепрощающей и всеосвящающей любви. „Изъ насъ, людей частныхъ“, говоритъ Гоголь, „возымѣтъ такую любовь во всей силѣ никто не возможетъ; она останется въ идеяхъ и въ мысляхъ, а не въ дѣлѣ; могутъ проникнуться ею вполнѣ одни только тѣ, которымъ уже постановлено въ непремѣнный законъ полюбить всѣхъ, какъ одного человѣка. Все полюбивши въ своемъ государствѣ, до единаго человѣка всякаго сословія и званія, и обративши все, что ни есть въ немъ, какъ бы въ собственное тѣло свое, возболѣвъ духомъ о всѣхъ, скорбя, рыдая, молясь и день и ночь о страждущемъ народѣ своемъ, Государь пріобрѣтетъ тотъ всемогущій голосъ любви, который одинъ только можетъ быть доступенъ разболѣвшемуся человѣчеству, и котораго прикосновеніе будетъ не жестко его ранамъ, который одинъ можетъ внести примиреніе во всѣ сословія и обратить въ стройный оркестръ государство“. Посмотрите, какъ Императоръ Николай II-й любилъ Свой народъ! Посмотрите, какъ Онъ относится къ Своимъ охранникамъ въ Царскомъ Селѣ, въ Тобольскѣ, въ Екатеринбургѣ! Посмотрите, какъ Онъ относится къ Своимъ

тюремщикамъ изъ рядовъ Его идейныхъ противниковъ, къ Макарову, Панкратову, Авдѣеву, Никольскому! Посмотрите, какъ Онъ относится къ Своимъ идейнымъ врагамъ по государственной дѣятельности, къ Керенскому, Милюкову, Витте! Слышалъ ли кто-нибудь отъ Него хотя бы слово порицанія, озлобленности, высказанное противъ кого-либо изъ Своихъ подданныхъ! „Эту струну личнаго раздраженія", говоритъ Онъ Сазонову, „мнѣ удалось уже давно заставить въ Себѣ совершенно замолкнуть. Раздражительностью ничему не поможешь, да къ тому же отъ Меня рѣзкое слово звучало бы обиднѣе, чѣмъ отъ кого-нибудь другого". Развѣ это не есть слѣдствіе въ Государѣ той любви, которой Помазанникъ, по выраженію Гоголя, „стремитъ ввѣренный Ему народъ къ свѣту, въ которомъ обитаетъ Богъ", и которую изъ насъ людей частныхъ, возымѣть во всей силѣ „никто не возможетъ". Гоголя за эти мысли въ свое время бояре-западники причислили къ безумцамъ, сумасшедшимъ, осудили и постарались, какъ философа, забыть и заставить забыть его и русское общество. Ну, а Пушкинъ не предшествовалъ ли въ томъ же безуміи Гоголю, проникнувъ въ тайну Помазанничества, въ высшее значеніе Монарха, воспѣвая:

„Нѣтъ, ты не проклялъ насъ. Ты любишь съ высоты
Сходить подъ тѣнь долины малой,
Ты любишь громъ небесъ, и также внемлешь ты
Журчанью пчелъ надъ розой алой" [1]).

Нѣтъ, онъ съ подданнымъ мирится,
Виноватому вину,
Забывая, веселится,
Чарку пѣнитъ съ нимъ одну [2]).

Развѣ въ этихъ гимнахъ Пушкина не ясно опредѣленъ проникновенный духовный взглядъ генія—русскаго поэта на значеніе Монарха и Помазанника на землѣ, приближающееся къ образу „Того, Который Самъ есть любовь". Безконечная и безпредѣльная любовь, живущая въ предѣлахъ отъ высотъ небесъ до алой розы въ долинѣ малой; любовь не карающая, а прощающая и потому веселящаяся. „Евгеній Степановичъ! Отъ Себя, отъ Жены и отъ Дѣтей Я васъ очень

---

[1]) Изъ оды, посвященной Императору Николаю I.
[2]) „Пиръ Петра Великаго".

прошу остаться", отвѣтилъ Кобылинскому Государь на просьбу перваго отпустить его, когда въ Тобольскѣ власть была вырвана изъ его рукъ и онъ сталъ лишь объектомъ оскорбленій со стороны большевистской охраны, „Вы видите, что Мы Всѣ терпимъ. Надо и Вамъ потерпѣть". Высшее терпѣніе—это свойство, взращиваемое беззавѣтной любовью къ людямъ, къ человѣчеству, побѣждающее, и въ конечномъ результатѣ торжествующее въ борьбѣ идей, духа. Такъ предѣломъ терпѣнія въ беззавѣтной любви къ человѣчеству первое христіанство побѣдило своихъ враговъ и торжествующе засверкало отъ края и до края земли.

Поэтому и въ борьбѣ съ „грѣхомъ всея земли по зависти діаволи" Царь, какъ умѣлъ, исходилъ отъ началъ той же безпредѣльной любви къ Своему народу, идеею достиженія которой было проникнуто все Его существо, какъ Богомъ опредѣленнаго Помазанника русскаго народа; въ проявленіи этой любви Онъ былъ искренно всегда готовъ отдать свою жизнь за благо Богомъ ввѣреннаго Ему народа, *„за други свои"*.

24-го февраля вечеромъ Государь получилъ изъ Петрограда свѣдѣнія, что въ городѣ у продовольственныхъ лавокъ на почвѣ недостачи хлѣба были произведены безпорядки, выразившіеся въ побитіи нѣсколькихъ стеколъ въ лавкахъ и магазинахъ, и что волна фабричныхъ и заводскихъ забастовокъ, широко разлившись, выразилась выходомъ толпъ рабочихъ на улицу, повлекшимъ за собою несерьезныя столкновенія съ полиціей.

Общій характеръ событій не выходилъ изъ рамокъ уже не разъ бывшихъ въ столицѣ рабочихъ манифестацій и хулиганскихъ выходокъ отдѣльныхъ представителей городского пролетаріата, но Государя взволновало болѣе всего то обстоятельство, что на уличномъ митингѣ на Васильевскомъ островѣ былъ задержанъ ораторъ, студентъ психо-неврологическаго института Константинъ Левантовскій, съ прокламаціей: „Долой войну! Да здравствуетъ миръ и соціалъ-демократическая республика!" и что почти такой же призывъ раздался изъ толпы манифестантовъ на Невскомъ проспектѣ около 3 часовъ дня: „Да здравствуетъ республика! долой войну! долой полицію!"; такъ доносила сама полиція. Это указывало уже на попытки какихъ-то соціалистическихъ руководителей использовать уличныя демонстраціи толпы въ своихъ спеціальныхъ цѣляхъ.

Поэтому Его поразило ужасомъ внезапности и преступности отношеніе къ моменту Государственной Думы, когда 25-го февраля Онъ получилъ извѣстіе, что прогрессивный блокъ Думы принялъ резолюцію: „Правительство, обагрившее свои руки въ крови народной, не смѣетъ больше являться въ Государственную Думу, и съ этимъ правительствомъ Государственная Дума порываетъ навсегда“. Это являлось прямымъ подстрекательствомъ со стороны большинства Думы бунтовавшей толпы на революціонныя выступленія противъ власти, на вызовъ этой толпы стать на путь революціи. Къ тому же Онъ получилъ донесеніе Министра Внутреннихъ Дѣлъ, что движеніемъ рабочихъ въ столицѣ руководитъ особый революціонный соціалистическій центръ, въ составъ котораго вошло значительное число соціалистическихъ депутатовъ Государственной Думы во главѣ съ депутатомъ Керенскимъ.

Государю стало ясно, что Государственная Дума, увлеченная крайними элементами, выведена изъ равновѣсія и уже не способна отнестись къ моменту объективно и государственно. Императоръ понималъ, что разъ въ Думѣ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, восторжествовали партійныя начала, то, въ силу существующей политической распри между партіями, Дума уже ни при какихъ обстоятельствахъ не сможетъ проявить того единенія, которое необходимо не столько для подавленія внутренняго движенія, сколько для созданія на утомленномъ фронтѣ новой вспышки патріотическаго подъема силъ. Уличное волненіе, въ томъ видѣ, какъ оно происходило 24-го и 25-го февраля, само по себѣ не являлось серьезной государственной угрозой, но возглавленное, хотя бы морально, политическими теченіями политически разрозненной Думы, оно могло разростись въ опасные внутренніе революціонные безпорядки съ прямой угрозой боеспособности фронта. Разъ что въ Думѣ не оказалось мудрой государственной выдержки и своей резолюціей она стала именно на путь своего объединенія съ уличными волненіями, то Государь, съ точки зрѣнія гражданскихъ взаимоотношеній, не видѣлъ иного выхода, какъ въ перерывѣ думскихъ занятій и въ опорѣ въ дальнѣйшемъ на послѣдній элементъ государственной мощи—на армію.

Въ этотъ трудный и отвѣтственный моментъ государственной жизни Россіи единственнымъ совѣтникомъ при Государѣ былъ Его Начальникъ Штаба, генералъ отъ ин-

фантеріи Михаилъ Васильевичъ Алексѣевъ. Слишкомъ извѣстный, какъ выдающійся военный авторитетъ, чтобы останавливаться много на его характеристикѣ, Михаилъ Васильевичъ, опытный и рѣшительный въ комбинаціяхъ и проведеніи стратегическихъ операцій, былъ чуждъ политическимъ движеніямъ и, такъ же, какъ и Государь, мягокъ и любвеобиленъ въ вопросахъ внутренней гражданской жизни. Съ государственной точки зрѣнія Государя на оцѣнку послѣдствій настоящей войны, Алексѣевъ, по своему стратегическому уму, подходилъ къ міровоззрѣнію Императора ближе, чѣмъ всѣ остальные Его совѣтники и сотрудники. Но такъ же, какъ и Государь, онъ въ ужасѣ останавливался передъ принятіемъ рѣшеній, могшихъ, хотя бы съ слабой долей вѣроятія, угрожать открытію внутренней кровопролитной и братоубійственной распри въ то время, когда всѣ силы и средства должны были быть направлены на сохраненіе боеспособности фронта. Государь и Алексѣевъ, будучи сами по себѣ идеально чистыми и честными людьми, склонны были видѣть тѣ же качества и въ окружавшихъ ихъ сотрудникахъ, слишкомъ довѣрчиво относясь къ честности и благоразумію исполнителей своихъ предначертаній. Отсюда ихъ колоссальная довѣрчивость, неумѣніе разбираться въ людяхъ и одиночество въ идейномъ творчествѣ.

Государь, посовѣтовавшись съ Алексѣевымъ, послалъ Предсѣдателю Совѣта Министровъ повелѣніе прервать засѣданія Государственной Думы и Государственнаго Совѣта до апрѣля мѣсяца, но въ то же время, побуждаемый, какъ Помазанникъ Божій, господствовавшимъ въ Немъ надо всѣмъ чувствомъ безконечной любви къ Своимъ подданнымъ, не былъ способенъ принять „гражданскія“ крутыя мѣры въ отношеніи отпавшихъ отъ Него въ грѣхѣ по вѣрѣ соблазнившихся членовъ Государственной Думы. Онъ неохотно согласился на представленіе генерала Алексѣева—подготовить къ отправкѣ въ Петроградъ, въ случаѣ надобности, отъ сѣвернаго и западнаго фронтовъ по одной бригадѣ пѣхоты и одной бригадѣ кавалеріи, но приказалъ ихъ не двигать впредь до Его личнаго указанія, тѣмъ болѣе, что военныя власти Петрограда не теряли надежды справиться съ уличными безпорядками своими средствами, „прибѣгая къ оружію лишь въ крайнихъ случаяхъ“.

Исходя изъ религіознаго начала русской идеи и мірового предназначенія Россіи, Государь глубоко вѣрилъ, что

въ текущій періодъ своей жизни русское государство руководимо Промысломъ Божьимъ и, что если въ путяхъ Промысла предусмотрѣно началамъ любви одержать въ возникшей въ настоящее время внутренней смутѣ побѣду, то никакимъ человѣческимъ замысламъ и побужденіямъ не пошатнуть въ массахъ русскаго народа „всея земли“ того историческаго идеала, освященнаго Божественнымъ Духомъ русскаго Самодержавнаго Монарха, котораго еще не сознаніемъ, а покуда чутьемъ признаетъ вся русская земля. Поэтому Онъ не прервалъ Своихъ сношеній съ Родзянко и продолжалъ идти путями Своей вѣры до тѣхъ поръ, покуда Родзянко не отказался пріѣхать къ Нему на свиданіе 2-го марта въ Псковъ. Этотъ отказъ, въ связи съ опредѣлившейся къ тому же времени позиціей, занятой въ борьбѣ идей высшимъ командным составомъ армій, подсказали Его духовному міровоззрѣнію, что какъ лично Ему, такъ и всему русскому народу Промысломъ Божьимъ предназначены иные, болѣе тяжелые пути испытаній за „общій земскій грѣхъ“ всея земли. Вотъ о чемъ Онъ вѣроятно думалъ, когда заканчивалъ Свою короткую записку Императрицѣ словами: *надо быть готовыми въ будущемъ всему покориться.*

26-го февраля до 4-хъ часовъ дня уличные безпорядки въ столицѣ не возобновлялись, но за то, въ дополненіе къ выступленіямъ Думы и соціалистическаго центра 25-го февраля, Государь получилъ свѣдѣніе, что вечеромъ 25-го произошло бурное революціонное засѣданіе Петроградской Городской Думы, на которомъ съ рѣчами опредѣленно агитаціонно-антиправительственнаго характера выступали члены Государственной Думы Шингаревъ, Керенскій и другіе. Въ засѣданіяхъ же соціалистическаго революціоннаго центра, при участіи также членовъ Государственной Думы Чхеидзе, Керенскаго, Скобелева и другихъ, обсуждался вопросъ *„о наилучшемъ использованіи въ революціонныхъ цѣляхъ возникшихъ безпорядковъ* и о дальнѣйшемъ планомѣрномъ руководительствѣ таковыми“.

Между тѣмъ въ это же время въ Москвѣ все было спокойно; спокойно было и во всѣхъ городахъ вообще всей Россіи. Ясно было, что бунтъ въ Петроградѣ имѣетъ характеръ мѣстный, искусственный и, что до выступленія на арену „революціоннаго творчества“ Государственной Думы, уличные безпорядки въ Петроградѣ не могли представляться Государю, да и никому изъ стоявшихъ внѣ Петрограда,

волненіемъ „народнымъ“, возмущеніемъ „всея земли“, угрожавшимъ цѣлости государства и боеспособности Россіи продолжать тяжелую и страшную по послѣдствіямъ внѣшнюю борьбу. Поэтому крайне удручающее впечатлѣніе произвела на Государя телеграмма Предсѣдателя Государственной Думы Родзянко, посланная имъ утромъ 26-го февраля, и гласившая слѣдующее:

„Положеніе серьезное. Въ столицѣ анархія. Правительство парализовано. Транспортъ продовольствія и топлива пришелъ въ полное разстройство. Ростетъ общественное недовольство. На улицахъ происходитъ безпорядочная стрѣльба. Части войскъ стрѣляютъ другъ въ друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся довѣріемъ страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедленіе смерти подобно. Молю Бога, чтобы въ этотъ часъ отвѣтственность не пала на Вѣнценосца“.

Какъ чуждъ былъ духъ всего этого обращенія Родзянко его же словамъ, сказаннымъ всего годъ тому назадъ послѣ посѣщенія Государемъ Императоромъ Государственной Думы: „Великое и необходимое благо для Русскаго Царства, непосредственное единеніе Царя съ Его народомъ отнынѣ закрѣплено еще могучѣе и сильнѣе, и радостная вѣсть эта наполнитъ счастьемъ сердца всѣхъ русскихъ людей во всѣхъ уголкахъ земли русской“. Здѣсь народу „всея земли“ изъ стѣнъ Государственной Думы прогремѣло одно изъ близкихъ его сердцу и духу началъ *его великой идеи*—привѣтъ непосредственному единенію его Помазанника Божья съ народомъ, и всѣмъ сердцемъ народъ на фронтѣ откликнулся на этотъ привѣтъ могучей вспышкой своего единенія и самоотверженія въ славные боевые дни апрѣля—іюля 1916 года. Теперь же жалко трепетала *„гражданская“ идейка* европейскаго единенія *„во имя спасенія животишекъ“, „народу нашему чуждая и волѣ его непригожая“*. Телеграмма Родзянко подтверждала только Царю мысль, что революціонное движеніе идетъ не снизу, не изъ народа „всея земли“, а сверху, изъ того страшнаго моральнаго растлѣнія, въ которое впали всѣ круги Петроградскаго правительственнаго, придворнаго, общественнаго и политическаго свѣта. Испытаніе, ниспосланное Россіи великой войной, оказалось прежде всего не по плечу ея руководящимъ сферамъ. Выявлялось то, чего такъ опасался Государь въ періодъ, предшествовавшій объявленію войны—интеллигентные слои

не имѣли въ мысляхъ и сердцахъ послѣдствій ужасной европейской борьбы во всякомъ случаѣ ея исхода, и жили текущей минутой и текущими житейскими побужденіями. Теперь слѣдовало ожидать, что нѣкоторые члены Государственной Думы, увлеченные ненавистью къ существующему самодержавному режиму и къ отдѣльнымъ представителямъ правительства, используютъ уличныя волненія въ столицѣ въ цѣляхъ оказать политическое давленіе на законную власть и вызвать ее на государственныя уступки *„фальсифицированному общественному мнѣнію"*.

Вечеромъ 26-го февраля, изъ совокупности донесеній военныхъ и правительственныхъ агентовъ власти, Государь увидѣлъ, что среди военныхъ начальниковъ Петрограда нѣтъ должнаго единенія какъ между собою, такъ и съ администраціей города, а агенты правительственной власти проявляютъ признаки полной гражданской слабости и стремленіе поддаваться вліянію общихъ политическихъ тенденцій Думскихъ революціонныхъ агентовъ. Государь въ этотъ вечеръ долго бесѣдовалъ съ Михаиломъ Васильевичемъ Алексѣевымъ, и съ увѣренностью можно заключить, что именно за эту ночь въ Немъ вполнѣ опредѣлились тѣ пути Его дѣйствій въ послѣдующіе дни, которые исходили изъ духовныхъ побужденій и принциповъ міровоззрѣнія Царя, руководившаго Имъ въ теченіи всей Его жизни, и особенно въ періодъ со времени начала этой послѣдней грозной и ужасной европейской войны. Прежде всего движимый чувствомъ безконечной любви къ Своимъ подданнымъ, и помня благіе результаты уже бывшихъ примѣровъ, Онъ надѣялся, что личная его встрѣча съ Родзянко и другими членами Государственной Думы удержитъ ихъ отъ опаснаго политическаго увлеченія текущаго момента и объединить какъ прежде для совмѣстнаго изысканія выхода изъ наступившаго тяжелаго фазиса упадка духовныхъ силъ страны на пріемлемыхъ и понятныхъ для народной идеологіи началахъ. Поэтому онъ рѣшилъ вернуться въ Царское Село, о чемъ и сообщилъ Императрицѣ, членамъ правительства и Предсѣдателю Государственной Думы, который повидимому завѣрилъ Царя, что выѣдетъ къ Нему на встрѣчу. Смотря на всѣ развертывавшіяся событія съ точки зрѣнія сохраненія государственнаго единства Россіи и возбужденія ея духовныхъ силъ для доведенія войны до побѣдоноснаго конца, Государь въ предстоявшихъ изысканіяхъ выхода изъ соз-

давшагося текущаго момента предусматривалъ возможность измѣненія порядка образованія исполнительнаго правительственнаго органа, что и высказывалъ какъ генералу Алексѣеву, такъ и генералу Иванову. Но понимая, что конституціонныя тенденціи русскаго интеллигентнаго общества совершенно не раздѣляются историческимъ міровоззрѣніемъ народа „всея земли“, Онъ допускалъ найти почву для примиренія двухъ сталкивающихся теченій общественной и народной идей въ сохраненіи инициативы государственнаго шага за Собой, какъ за Помазанникомъ Божьимъ, стоящимъ въ чувствѣ народной массы не только выше всякаго Своего подданнаго, но и выше всякаго земного закона, управляющаго жизнью всего Государства. Государь могъ смотрѣть на этотъ шагъ не какъ на умаленіе Своей самодержавной власти, освященной Помазанничествомъ Божьимъ и врученной Его предкамъ народомъ „всея земли“, а какъ на новый путь тѣснѣйшаго единенія съ народомъ въ тяжелую годину жизни, постигшую землю Его народа. И вылиться шагъ этотъ могъ не въ формѣ западно-европейскихъ хартій гражданскихъ конституціонныхъ взаимныхъ обязательствъ, а какъ слѣдствіе безграничной любви Помазанника Божія къ своему народу, съ одной стороны, и какъ сознательное нравственное обязательство избранниковъ „всея земли“ служить всемѣрно и всепокорно Самодержцу русской земли на благо и пользу народа „всея земли“, съ другой. Въ Своемъ Помазанничествѣ отъ Бога Онъ такъ ясно чувствовалъ отчужденность идей народа отъ западно-европейскихъ идей руководителей общественной мысли въ Петроградѣ, что даже 2-го марта, узнавъ о самочинномъ объявленіи Предсѣдателя Совѣта Министровъ князя Львова, Онъ, страдая за послѣдствія этого анти-народнаго шага руководителей, и движимый чувствомъ любви къ Своему Отечеству, поспѣшилъ утвердить Своей властью это незаконное назначеніе, пытаясь удержать справедливый гнѣвъ народа, который неминуемо долженъ былъ разразиться надъ отпавшими отъ его міровоззрѣнія узурпаторами власти. Но было уже поздно, народъ простить не могъ...

Руководясь указанной основной идеей изысканія путей для разрѣшенія тяжелыхъ событій момента, Государь естественно отказался отъ подавленія Петроградскаго движенія силами извнѣ, такъ какъ это должно было неизбѣжно привести къ внутренней вооруженной борьбѣ, къ воз-

можности развитія гражданской войны и, какъ слѣдствіе этого, къ ослабленію боеспособности фронта. Мысль такого способа дѣйствій была противна всему Его пониманію Своего служенія народу, а потому доводы окружающихъ о необходимости прибѣгнуть къ вооруженной силѣ, о вызовѣ для сего надежныхъ частей съ фронта, не находили у Него отголоска, что и послужило причиной обвиненія Его въ нерѣшительности, въ фатализмѣ въ поведеніи этихъ дней. Это не былъ фатализмъ; это была глубокая покорность передъ Промысломъ Божьимъ и безропотная вѣра въ благость и мудрость Его въ вопросѣ возникшей внутренней идейной борьбы. Его выборъ генерала Иванова, человѣка мягкаго и миролюбиваго по натурѣ, въ качествѣ Главнокомандующаго Петроградскимъ Военнымъ Округомъ, подтверждаетъ эту точку зрѣнія Государя. Въ личныхъ указаніяхъ, данныхъ въ двухъ бесѣдахъ съ Ивановымъ, Царь ознакомилъ генерала со Своимъ желаніемъ разрѣшить политическіе вопросы мирнымъ путемъ и съ необходимостью избѣжать „междоусобицы и кровопролитія въ тылу фронта“. Безпокоясь лишь въ частности за безопасность Своей Семьи, оказавшейся слишкомъ близко къ вооруженному мятежу въ Петроградѣ, Государь разрѣшилъ двинуть часть предназначенныхъ съ сѣвернаго фронта войскъ на Царское Село, куда указалъ прибыть и генералу Иванову. Трагизмъ начинавшейся агоніи Императора Николая II-го заключался въ томъ, что Онъ въ эти тяжелые дни оставался непонятымъ лицами, Его окружавшими, какъ это было и во всей Его государственной жизни. Всѣ требовали отъ Него теперь, руководясь идеями и образцовыми примѣрами западно-европейскихъ народовъ, измѣненія существующаго порядка организаціи исполнительной правительственной власти, въ цѣляхъ юридическаго ограниченія Его самодержавной власти, а Онъ, побуждаемый высокой любовью, исходившей изъ Его Помазанничества, искалъ путей для удовлетворенія предъявленныхъ къ Нему требованій, въ цѣляхъ моральнаго усиленія своего слиянія съ народомъ „всея земли“, въ духѣ и формѣ историческихъ идей своего русскаго народа. Онъ дѣйствовалъ, какъ *имущій власть отъ Бога;* отъ Него же ждали поступковъ и рѣшеній только *какъ отъ Царя—гражданскаго Правителя;* или уступи, или карай силой, если можешь. Онъ же могъ вести свой народъ въ исторической миссіи Помазанничества отъ Бога только по

путямъ заповѣдей Того, къ Кому по смыслу идеи государственнаго единенія стремится чутьемъ русскій народъ „всея земли"—къ Христу.

За эти дни Своего пребыванія въ Могилевѣ, и особенно за день 27-го февраля, Государь имѣлъ возможность почувствовать, что и въ кругу Его высшаго военнаго штаба существуетъ тотъ же гражданскій взглядъ на Его самодержавіе, какъ и въ интеллигентныхъ сферахъ Петрограда; и здѣсь отъ Него ждали или уступокъ конституціоннаго характера, или рѣшительныхъ дѣйствій военной силой, опирающихся на вѣрныя части, находившіяся на фронтѣ. Въ теченіи этого дня Государь получилъ телеграммы отъ Великаго Князя Михаила Александровича, Предсѣдателя Совѣта Министровъ князя Голицына, Предсѣдателя Государственной Думы Родзянко и группы выборныхъ членовъ Государственнаго Совѣта. Всѣ эти представленія были въ сущности одинаковыми по содержанію и характеру, и всѣ онѣ заканчивались указаніемъ на необходимость созданія новаго кабинета министровъ на парламентскихъ принципахъ, съ установленіемъ отвѣтственности кабинета передъ Государственной Думой, иначе говоря—*на необходимость дарованія Россіи конституціи.* Совершенно больной и утомленный за день генералъ Алексѣевъ хотѣлъ послать Государю телеграмму князя Голицына просто съ офицеромъ. „Но я сказалъ генералу Алексѣеву", пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ бывшій въ то время генералъ-квартирмейстеромъ генералъ Лукомскій, „что положеніе слишкомъ серьезно и надо ему идти самому; что, по моему мнѣнію, мы здѣсь не отдаемъ себѣ достаточнаго отчета въ томъ, что дѣлается въ Петроградѣ; что, повидимому, единственный выходъ—это поступить такъ, какъ рекомендуютъ Родзянко, Великій Князь и князь Голицынъ; что онъ, генералъ Алексѣевъ, долженъ уговорить Государя...", и далѣе: „Я сказалъ, что если Государь не желаетъ идти ни на какія уступки, то я понялъ бы, если бъ онъ рѣшилъ немедленно ѣхать въ особую армію (въ которую входили всѣ гвардейскія части), на которую можно вполнѣ положиться; но ѣхать въ Царское Село—это можетъ закончиться катастрофой".

„Ѣхать Государю Въ Царское Село опасно", сказалъ генералъ-квартирмейстеръ генералу Воейкову. Могъ ли Государь передъ опасностью, угрожавшей Россіи, остановиться въ Своемъ христіанскомъ служеніи русскому народу изъ-за

опасности, которая могла угрожать Ему лично? Въ своемъ безграничномъ служеніи на благо и пользу „всея земли“, связавъ тѣснѣйшимъ образомъ Свою судьбу съ исходомъ ужасной міровой борьбы идей, могъ ли Онъ думать о Себѣ, о сбереженіи Себя, Своей жизни, когда обстоятельства грозно выдвигали смертельную опасность для будущей судьбы Россіи, врученной Его охранѣ и огражденію Всевышнимъ Творцомъ въ путяхъ Его Божественнаго Промысла? Высказанныя генералъ-квартирмейстеромъ мысли не принадлежатъ вовсе только одному генералу Лукомскому; такъ же мыслили въ то время всѣ мы, тѣ же мысли раздѣлялись и всѣмъ высшимъ командньмъ составомъ армій, быть можетъ за очень малымъ исключеніемъ тѣхъ единичныхъ старшихъ начальниковъ, которые ушли въ отставку тотчасъ по отреченіи Государя отъ престола и по переходѣ власти къ Временному Правительству; такихъ было едва ли болѣе десятка человѣкъ. Всѣ же остальные были безусловно солидарны съ мнѣніемъ генерала Лукомскаго и носили въ себѣ ту же исключительно гражданскую точку зрѣнія на своего „Помазанника Божія“.

Совершенно логично и естественно, что при сложившейся обстановкѣ и выяснившихся взаимоотношеніяхъ Царя съ Его приближенными, Государь стремился вернуться назадъ въ Царское Село. Все существо Его въ этихъ ужасно и рѣзко проявившихся условіяхъ идейнаго и духовнаго одиночества жаждало поддержки, укрѣпленія, которыя Онъ могъ найти только у Государыни, Его понимавшей, съ Нимъ же вмѣстѣ страдавшей за Россію и съ Нимъ же готовой „отдать жизнь на благо и пользу“ Россіи. Онъ стремился туда, чтобы разрѣшить важнѣйшій вопросъ минуты, вопросъ острой необходимости Своего тѣснѣйшаго сліянія съ народомъ въ историческихъ путяхъ идеологическаго міровоззрѣнія „всея земли“, руководясь исключительнымъ чувствомъ любви, присущей высокому значенію русскаго Монарха. Онъ стремился къ очагу Своей духовной силы, чтобы въ средѣ Своей исключительной по религіозности Семьи найти укрѣпленіе воли и духа и довести Свое христіанское служеніе на благо ввѣренному Ему народу до конца.

Выступленіе Государственной Думы на „революціонномъ творчествѣ“ началось не 27-го февраля, какъ объявлялось

Временнымъ Правительствомъ въ его деклараціи и не вслѣдствіе полученія указа о перерывѣ засѣданій. Сформированіе Временнаго Исполнительнаго Комитета было какъ бы оффиціальнымъ актомъ революціоннаго выступленія Думы, а указъ являлся лишь *оффиціальнымъ поводомъ*, чтобы оправдать это выступленіе. Въ дѣйствительности же историческое изслѣдованіе не можетъ не учесть, что члены-руководители политическимъ настроеніемъ Думы стали на путь „революціоннаго творчества" значительно раньше и практически проявили это уже 25-го февраля въ засѣданіи Городской Думы и въ томъ центральномъ соціалистическомъ органѣ, изъ котораго 27-го родился совѣтъ рабочихъ депутатовъ. Подготовительная же работа къ такому выступленію на поприщѣ „революціоннаго творчества" началась еще раньше, и въ 1915 году нѣкоторые изъ членовъ Государственной Думы (Шингаревъ, Демидовъ) пріѣзжали на фронты зондировать въ штабахъ почву, какъ отнесутся войска къ подобнымъ выступленіямъ. Такимъ образомъ можно полагать, что событія 27-го февраля—2-го марта застали опредѣленную группу членовъ Государственной Думы *не неподготовленной и не случайно „выбранной революціей"*, какъ выразился Милюковъ, *а заранѣе уже преднамѣтившей* какъ задачи своего „революціоннаго творчества", такъ и примѣрный планъ его осуществленія. Попытка достиженія своихъ задачъ въ началѣ 1916 года эволюціоннымъ порядкомъ не увѣнчалась успѣхомъ, какъ вслѣдствіе естественнаго опасенія конституціоналистовъ Думы сотрудничества въ своихъ задачахъ съ соціалистами, такъ главнымъ образомъ по причинѣ глубоко народнаго выступленія Государя Императора въ Государственной Думѣ, увлекшаго чистотой, искренностью и любовью, исходившими отъ Помазанника Божія, еще сохранявшіе благоразуміе и сердечность элементы Государственной Думы. Поэтому теперь, въ стремленіи *„свергнуть старый режимъ"*, конституціоналисты заблаговременно объединились съ соціалистами и, слѣдуя за послѣдними, вопреки своимъ желаніямъ, вынуждены были въ теченіи одного дня 27-го февраля скатиться съ злонамѣреннаго, но любезнаго имъ эволюціоннаго пути на чуждый и тернистый для нихъ путь революціонный. Ихъ интересамъ вовсе не отвѣчало стремленіе Государя дѣйствовать по побужденіямъ сердца въ путяхъ русской народной идеологіи и, зная хорошо обаятельное вліяніе Помазанника Божія на массы, они прежде

всего не желали допустить пріѣзда Его въ Царское Село и Его новаго, непосредственнаго соприкосновенія съ народной массой въ томъ образѣ, какой Онъ сохранялъ, хотя бы и черезъ своихъ собратій по Государственной Думѣ. Такъ какъ въ новомъ порывѣ слiянія съ народомъ они видѣли безусловное повтореніе крушенія своихъ вожделѣній, и такъ какъ въ дѣлѣ понужденія Государя отказаться отъ Своего образа Помазанника во время нахожденія Его въ Ставкѣ они потерпѣли полную неудачу, то теперь для „спасенія своихъ животишекъ“ имъ не оставалось ничего другого, какъ отказаться отъ своихъ эволюціонныхъ убѣжденій и, послѣдовавъ за соціалистами, стать на путь „революціоннаго творчества“ для утвержденія конституціонной Россіи.

Вотъ что оффиціально и совершилось въ Государственной Думѣ утромъ 27-го февраля, и что проявилось въ созданіи къ тремъ часамъ дня Временнаго Исполнительнаго Комитета „для установленія въ столицѣ порядка и для сношенія съ учрежденіями и лицами“.

Но чистаго, оффиціальнаго „революціоннаго творчества“ у конституціоналистовъ Государственной Думы хватило только на эту болѣе чѣмъ скромную задачу. Въ дальнѣйшемъ, на революціонномъ поприщѣ, какъ уже указывалось, они столкнулись съ самостоятельнымъ революціоннымъ творчествомъ соціалистовъ и испугались; испугались ихъ въ свою очередь и умѣренные соціалисты, такъ какъ вызвавъ „народную революцію“, ни тѣ, ни другіе не были въ концѣ концовъ увѣрены, *за кѣмъ пойдетъ самъ народъ* — за „старымъ ли режимомъ“, за конституціоналистами, за соціалистами, или за тѣми, кто поведетъ народъ *по пути Лжи въ бездну*. Конституціоналисты всѣхъ оттѣнковъ, какъ болѣе умные и европейски образованные, сразу поняли опасность дальнѣйшихъ чисто революціонныхъ путей и необходимость какъ можно скорѣе остановить революцію, но, будучи исторически и органически европейскими язычниками, они не въ состояніи были отказаться отъ своихъ, созданныхъ людьми, божковъ и вернуться къ русской власти „*отъ Бога*“, а потому и стали на ложные пути прекращенія революціи черезъ обманъ и хитрость, какъ указывалось выше. Кромѣ того уже вечеромъ 27-го, подъ непріятнымъ впечатлѣніемъ опасности снизу, въ лагерѣ такъ называемаго думскаго прогрессивнаго блока, состоявшаго изъ конституціоналистовъ и умѣренныхъ республиканцевъ, проявился опредѣленный

партійный расколъ, и каждая изъ партій стала отпираться отъ инициативы въ избраніи революціоннаго пути. Вопросъ этотъ до сихъ поръ остается между ними объектомъ споровъ и нареканій, хотя всѣ причастныя партіи могли бы, казалось, всецѣло утѣшиться, подобно Милюкову, и по европейской поговоркѣ—„faire bonne mine au mauvais jeu“—подписаться подъ его выводомъ: „*Мы не хотѣли этой революціи. Мы особенно не хотѣли, чтобы она пришла во время войны..*“, но „каково бы ни было ея происхожденіе, мы ее пріемлемъ, ибо съ ней пришла развязка—ликвидація той старой Россіи, противъ которой мы боролись всю жизнь, и которая привела Россію къ катастрофѣ“. Эти слова были сказаны въ 1921 году; грустно и больно за этого сына *старой Россіи,* той самой „старой Россіи“, которая по исторической правдѣ создала Величайшую міровую Россійскую Державу:

„Іисусъ сказалъ имъ: если бы вы были слѣпы, то не имѣли бы на себѣ грѣха; но какъ вы говорите, что видите, то грѣхъ остается на васъ“.

ГЛАВА III.

Императрица. Подвигъ. Арестъ.

По отъѣздѣ Государя въ Ставку жизнь въ Александровскомъ дворцѣ въ этотъ день какъ бы замерла. Государыня Императрица не выходила изъ комнатъ Алексѣя Николаевича и Великихъ Княженъ и сношенія свои съ внѣшнимъ міромъ вела или черезъ Великую Княжну Марію Николаевну, или черезъ дежурнаго камеръ-лакея. Даже фрейлины старались Ее не безпокоить, а въ исключительныхъ случаяхъ поджидали Ее въ корридорѣ, когда Она переходила изъ комнаты Наслѣдника въ комнату Дочерей. Теперь послѣ отъѣзда Мужа по выраженію Ея лица стало замѣтно, что разлука съ Мужемъ въ настоящее время для Нея страшно тяжела; къ мученіямъ за Россію, за Сына, прибавилось еще безпокойство за Царя, и Она неоднократно освѣдомлялась нѣтъ ли отъ Него какихъ-либо извѣстій. Приближенные, получавшіе свѣдѣнія о ходѣ событій въ столицѣ въ теченіи 23-го февраля изъ различныхъ источниковъ, не рѣшались

что-либо Ей говорить, не желая усложнять и безъ того Ея тяжелаго душевнаго состоянія. Она провела весь вечеръ и всю ночь, не засыпая, у изголовья Сына, который большею частью былъ въ забытьѣ, а приходя въ сознаніе, тихо шепталъ одно слово—„Мама". Она наклонялась надъ нимъ и молча, нѣжно гладила Его голову. Ребенокъ, видимо, вѣрилъ въ цѣлительное свойство Ея ласки и цѣплялся за нее.

На другой день по отъѣздѣ Государя, т.-е. 24-го февраля, по телефону изъ Петрограда позвонилъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Протопоповъ и поручилъ подошедшему къ телефону дежурному камеръ-лакею Императрицы Волкову доложить Государынѣ, что въ Петроградѣ начались безпорядки на почвѣ недостачи хлѣба и, что хотя между толпой и полиціей произошло нѣсколько столкновеній, но онъ, Протопоповъ, разсчитываетъ справиться съ волненіемъ и не допустить ничего серьезнаго.

Извѣстіе это взволновало Императрицу неожиданностью недостачи хлѣба въ столицѣ, и особенно тѣмъ, что миролюбивая по натурѣ, Она страдала всегда за всякую кровь, пролитую во внутреннихъ безпорядкахъ. Поэтому Она просила Министра пояснить его сообщеніе и напомнила ему, что Императоръ всегда желаетъ сдержанности въ дѣйствіяхъ со стороны полиціи противъ невооруженной толпы. Протопоповъ доложилъ Ей дополнительно, что виновниками событій являются соціалисты, которые, въ цѣляхъ вызвать рабочихъ и чернь въ столицѣ на революціонное движеніе, вели сильнѣйшую агитацію среди мелкихъ желѣзнодорожниковъ, чѣмъ вызвали нарушеніе правильнаго подвоза къ столицѣ продовольственныхъ продуктовъ, что и повело къ недостачѣ въ городѣ хлѣба. Далѣе Министръ сообщилъ о бурныхъ засѣданіяхъ, происходящихъ въ Государственной и особенно въ Городской Думахъ, о томъ, что съ трибуны послѣдней депутаты требовали отставки Предсѣдателя Совѣта Министровъ Штюрмера и, что рѣчи, произносимыя въ обѣихъ Думахъ, не способствуютъ успокоенію народа, а поддерживаютъ и подстрекаютъ его на расширеніе волненія въ революціонное антиправительственное движеніе. Однако онъ успокаивалъ Государыню, что никакихъ напрасныхъ кровопролитій не допуститъ и что войскамъ приказано прибѣгать къ оружію только въ крайнихъ случаяхъ.

Въ этотъ же день изъ Петрограда пріѣзжалъ гофмейстеръ графъ Бенкендорфъ и доложилъ Императрицѣ, что буйства

черни и безпорядки въ Петроградѣ руководятся лицами не изъ среды большинства Государственной Думы, а изъ особаго революціоннаго центра, образовавшагося изъ соціалистическихъ элементовъ съ присоединившимися къ нимъ нѣкоторыми представителями отъ запасныхъ войсковыхъ частей Петроградскаго гарнизона.

За этотъ день состояніе здоровья Наслѣдника Цесаревича постепенно ухудшалось; появилось осложненіе болѣзни у Великой Княжны Ольги Николаевны, и Государыня должна была напречь всю силу воли, чтобы держаться на ногахъ и помогать обоимъ серьезно больнымъ. Она ни съ кѣмъ не дѣлилась своими впечатлѣніями о политическихъ событіяхъ и въ напряженномъ ожиданіи ждала какихъ-нибудь извѣстій отъ Мужа, такъ какъ сообщеніе Протопопова объ участіи въ движеніи желѣзнодорожниковъ заставило Ее опасаться за благополучное слѣдованіе Императорскаго поѣзда.

Вечеромъ отъ Государя Императора была получена короткая телеграмма, въ которой онъ сообщалъ о благополучномъ пріѣздѣ въ Могилевъ и спрашивалъ о состояніи здоровья Дѣтей.

25-го февраля свѣдѣнія объ общемъ ходѣ событій въ столицѣ были доставлены Государынѣ опять-таки графомъ Бенкендорфомъ. Протопоповъ сообщилъ лишь черезъ камеръ-лакея Волкова, что имъ арестованъ Петроградскій Городской Голова Толстой за допущеніе въ стѣнахъ Думы явно революціонныхъ рѣчей. Въ этотъ день Государыня имѣла разговоръ по прямому проводу съ Государемъ, причемъ къ аппарату подходила Великая Княжна Марія Николаевна. Государь подробно разспрашивалъ о состояніи здоровья Дѣтей и сообщилъ Императрицѣ, что Имъ изданъ указъ о перерывѣ засѣданій Государственной Думы по причинѣ того, что часть ея соціалистическихъ депутатовъ примкнула къ создавшемуся въ Петроградѣ революціонному комитету и поддерживаетъ съ нимъ тѣснѣйшій контактъ, принимая въ его собраніяхъ дѣятельное участіе.

26-го февраля утромъ Протопоповъ доложилъ Государынѣ черезъ Волкова, что „дѣла плохи"—горитъ Судъ. толпа громитъ полицейскіе участки и пытается освобождать преступниковъ изъ тюремъ. Въ теченіи дня въ Александровскомъ дворцѣ стекались со всѣхъ сторонъ свѣдѣнія, одно тревожнѣе другого; привозили ихъ разныя частныя лица и знакомые приближенныхъ. Стало извѣстно, что волненіе

уже начало захватывать центръ города и, что войска, которыя были привлечены для поддержанія порядка, оказывали лишь слабое сопротивленіе. Между прочимъ уже въ этотъ день во дворцѣ были получены извѣстія, что Дума рѣшила не подчиняться полученному указу о перерывѣ засѣданій и приступила къ организаціи исполнительнаго комитета въ цѣляхъ возстановленія порядка въ столицѣ.

Государыня относилась ко всѣмъ этимъ свѣдѣніямъ мужественно, не проявляя ни малѣйшаго страха. Когда Волковъ доложилъ Ей какъ слухъ, что даже казаки въ Петроградѣ волнуются и готовы измѣнить, Она отвѣтила ему спокойно: „нѣтъ, это не такъ. Въ Россіи революціи быть не можетъ. Казаки не измѣняютъ“. Въ этотъ день, по показаніямъ свидѣтелей, „состояніе здоровья Алексѣя Николаевича значительно ухудшилось“ и Государыня всею силою своей воли борола въ себѣ страданія, вызывавшіяся политическими событіями, чтобы скрыть отъ Дѣтей переживавшіяся Ею муки и не ухудшить Ихъ здоровья волненіями за Родителей.

Рано утромъ 27-го февраля Предсѣдатель Государственной Думы Родзянко вызвалъ къ телефону Командира Своднаго Его Величества полка генералъ-маіора Ресина и просилъ его немедленно доложить Государынѣ, что положеніе въ Петроградѣ сильно ухудшилось и столица фактически находится въ рукахъ революціонеровъ. Возбужденіе толпы, подстрекаемой какими-то агитаторами, направлено особенно остро противъ Царской Семьи и толпы черни рѣшили двинуться на Царское Село, дабы разгромить Александровскій дворецъ. Родзянко просилъ Государыню немедленно покинуть дворецъ и увезти Дѣтей хотя бы въ Гатчино. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ доложить Императрицѣ, что, подъ давленіемъ обстоятельствъ, Дума была вынуждена выдѣлить изъ своей среды подъ его Родзянко предсѣдательствомъ Временный Исполнительный Комитетъ, дабы власть въ столицѣ не закрѣпилась окончательно за революціоннымъ комитетомъ, руководящимъ уличными безпорядками.

Угрожающія дворцу и Семьѣ свѣдѣнія, повидимому, не испугали Императрицу. Она спокойно выслушала докладъ до конца, а заключительную его часть приняла съ облегченнымъ удовлетвореніемъ. Пришедшему въ это время къ Наслѣднику Цесаревичу Жильяру Она, обычно никогда не

дѣлившаяся съ посторонними своими настроеніями, не удержавшись, и какъ-будто съ оттѣнкомъ внутренней радости, сказала: „Дума показала себя на высотѣ своего положенія. Она наконецъ поняла опасность, которая угрожаетъ странѣ, но я боюсь не поздно ли“. Что же касается до совѣта Родзянко о немедленномъ выѣздѣ Семьи изъ Царскаго Села, то Она поручила передать ему, что положеніе Наслѣдника Цесаревича столь серьезно, что перевозка Его грозитъ почти навѣрняка смертельнымъ исходомъ.

Родзянко еще разъ подтвердилъ существованіе самой серьезной угрозы Александровскому дворцу со стороны необычайно возбужденной виномъ и грабежами черни и добавилъ, что *„когда домъ горитъ, то дѣтей выносятъ“*.

Почти одновременно съ докладомъ Родзянки Императрица получила короткую телеграфную записку отъ Государя, въ которой Онъ сообщалъ, что пріѣдетъ въ Царское Село на другой день 28-го февраля въ 6 часовъ утра, и что Имъ для приведенія столицы въ порядокъ назначенъ генералъ Ивановъ. Это извѣстіе о скоромъ пріѣздѣ Царя придало Государынѣ на предстоявшій Ей тяжелый день много внутренней силы. Она радостно сообщила эту неожиданную новость Дѣтямъ, и въ Ней замѣтно прибавилось бодрости, несмотря на утомленіе отъ предшествовавшихъ четырехъ безсонныхъ ночей, проведенныхъ у постели больного Сына, связанныхъ съ мучительнымъ безпокойствомъ за жизнь Алексѣя Николаевича и за послѣдствія происходившихъ внутреннихъ волненій для Россіи.

Она не могла тогда предчувствовать, что эта записка отъ Государя будетъ послѣднимъ словомъ отъ Него впредь до Его отреченія.

Между тѣмъ въ теченіи этого дня въ самомъ Царскомъ Селѣ началось волненіе. Изъ Петрограда пріѣзжала масса пьяныхъ солдатъ, дезертировавшихъ изъ разложившихся уже тамъ войсковыхъ запасныхъ частей, и разносила по городу самыя разнорѣчивыя свѣдѣнія, подмывая мѣстные пролетарскіе элементы на погромъ магазиновъ и лавокъ. Собиравшимися въ разныхъ частяхъ города толпами черни было разграблено нѣсколько винныхъ складовъ и погребовъ, а когда къ революціонному угару прибавился и угаръ винный, толпы народа бросились избивать полицію и отдѣльно встрѣчавшихся офицеровъ. Въ казармахъ мѣстныхъ запасныхъ войскъ появились агитаторы, прибывшіе изъ

Петроградскаго совѣта рабочихъ депутатовъ, которые подстрекали солдатъ не слушаться офицеровъ и идти вмѣстѣ съ толпой громить Александровскій дворецъ; они же сообщили, что изъ столицы съ этой цѣлью идетъ 8.000 революціонеровъ съ пулеметами и броневыми автомобилями.

Бунтъ принималъ обширные и чрезвычайно тревожные размѣры. Части тѣхъ же запасныхъ войскъ, вызванныя въ помощь полиціи, или отказывались отъ активныхъ дѣйствій, или даже примыкали къ буянившей толпѣ. Многіе, сохраняя оружіе, просто разбѣгались изъ казармъ и разсѣивались по городу, прячась по разнымъ притонамъ и дожидаясь, повидимому, наступленія темноты и прибытія революціонныхъ войскъ изъ столицы. Во второй половинѣ дня пришедшій во дворецъ изъ военнаго лазарета докторъ Деревенько принесъ извѣстіе, что всѣ желѣзныя дороги Петроградскаго раіона заняты революціонерами, и что не только Семьѣ нѣтъ возможности выѣхать куда-либо изъ Царскаго Села, но едва ли сможетъ пріѣхать даже Государь Императоръ.

Къ сумеркамъ погода испортилась: набѣжали тучи, поднялся рѣзкій вѣтеръ и крупными хлопьями повалилъ снѣгъ. Вмѣстѣ съ сумерками и приближеніемъ темноты въ городѣ стали раздаваться одиночные ружейные выстрѣлы, постепенно все учащавшіеся; наконецъ, часамъ къ 9 вечера ружейная и револьверная трескотня стала почти несмолкаемой. Во дворцѣ по телефону получились извѣстія, что 1-й стрѣлковый запасный полкъ, убивъ своего командира полка, подстрекаемый неизвѣстными агентами, возсталъ и вышелъ съ оружіемъ и пулеметами на улицы; къ нему примкнули запасные пѣшей артиллеріи, толпы мѣстныхъ буйствовавшихъ въ теченіи дня рабочихъ, разнаго празднаго и темнаго люда, и вся эта масса, вмѣстѣ съ прибывавшими въ теченіи всего дня изъ Петрограда пьяными и разнузданными грабителями, хулиганами и солдатами, двинулась по направленію къ дворцу съ цѣлью разгромить его.

Государыня весь день не выходила изъ комнатъ больныхъ Дѣтей, а придворные старались не безпокоить Ее получавшимися различными свѣдѣніями-слухами въ надеждѣ, что многое преувеличивается, и что мѣстными властями будутъ приняты достаточныя мѣры, чтобы оградить Царскую Семью отъ непосредственной опасности. Но извѣстіе о движеніи ко дворцу вооруженной толпы бунтовщиковъ,

превышавшей въ общемъ десятокъ тысячъ человѣкъ, вызвало среди придворныхъ страшную тревогу и фрейлина баронесса Буксгевденъ направилась къ Императрицѣ, чтобы доложить Ей о неминуемо надвигавшейся грозной опасности, угрожавшей всей Царской Семьѣ.

Какъ разъ въ это время Государыня вышла въ корридоръ, направляясь изъ комнаты Наслѣдника въ комнату Дочерей.

Въ этотъ же моментъ получилось извѣстіе, что передовыми партіями бунтовщиковъ убитъ часовой Императорской охраны всего въ 500 шагахъ отъ ограды дворца.

Государыня, стоя въ корридорѣ, выслушала краткій докладъ баронессы Буксгевденъ и, не отвѣчая ни слова, быстро пройдя черезъ залу, гдѣ собрались придворные, подошла къ окну, изъ котораго открывался видъ на ограду дворца и на улицы, радіусами подходившими къ ней изъ города.

Всѣ эти улицы были запружены вдали темною массою шумѣвшаго народа, озарявшагося временами какими-то факелами. Оттуда доносился сплошной ревъ не то какого-то пѣнія, не то просто криковъ многотысячнаго пьянаго люда. Отъ этой толпы отдѣлялись отдѣльные люди и партіи, которые доходили уже почти до самаго выхода улицъ въ дорогу-аллею, окружавшую ограду, причемъ изъ передовыхъ рядовъ слышна была ругань и брань по адресу дворца и его обитателей. Издали доносились выстрѣлы, переходившіе въ частую стрѣльбу и сплошную трескотню, и ясно было по звуку, что стрѣльба довольно быстро приближается въ темнотѣ ко дворцу.

Какъ разъ въ этотъ моментъ на глазахъ Императрицы генералъ Ресинъ во главѣ двухъ ротъ Своднаго Его Величества полка, составлявшихъ личную охрану Августѣйшей Семьи, спѣшно занималъ для обороны ограду дворца. Къ нему торопились, съ одной стороны, матросы части Гвардейскаго экипажа подъ начальствомъ Мясоѣдова Иванова, а съ другой, небольшая горсть конвойцевъ Его Величества и люди запасной конной батареи, подъ командой полковника Мальцева. Люди разсыпали густую цѣпь вдоль ограды, заряжая на ходу винтовки и распихивая по сумкамъ и карманамъ полученные только что патроны. По спокойствію и хладнокровію солдатъ, съ которыми они готовились къ бою, было видно, что настроеніе всей небольшой группы войскъ,

собравшихся на защиту Царской Семьи, твердое, рѣшительное и вѣрное своему долгу до конца. Но съ другой стороны было ясно, что горсть людей въ 400—500 человѣкъ не сможетъ сдержать напора озвѣрѣвшей многотысячной пьяной толпы силою оружія, тѣмъ болѣе, что толпа эта лѣзла со всѣхъ сторонъ, почти кругомъ облѣпляя дворецъ и примыкавшій къ нему садъ.

Ужасное, кровавое столкновеніе, казалось, было неминуемо.

Стрѣльба и ревъ звѣрей-громилъ все усиливались... Толпа быстро приближалась...

Въ залѣ дворца царила гробовая тишина... Всѣ замерли въ тревожномъ напряженіи ожиданія предстоящаго ужаса. Всѣ сознавали, что сопротивленіе охраны будетъ отчаяннымъ, геройскимъ, но.. лишь временнымъ избавленіемъ отъ того невѣроятнаго ужаса, который долженъ былъ произойти, когда толпа ворвется внутрь дворца.

Никто не зналъ что дѣлать, какъ спасти Семью отъ расправы озвѣрѣвшей черни...

Императрица рѣшительно повернулась отъ окна. Видъ Ея съ высоко поднятой головой былъ поразительно величественъ, и на лицѣ, отражавшемъ всѣ слѣды перенесенныхъ за свою жизнь и за эти послѣдніе дни страданій, дышало исключительное по мощи мужество и ясность. Глаза, окинувшіе медленнымъ взоромъ всѣхъ окружавшихъ Ее въ залѣ, горѣли чуднымъ выраженіемъ глубокой вѣры и поразительнымъ, исходившимъ отъ нихъ спокойствіемъ...

На фонѣ клокотавшей за окномъ грозы бушевавшей черни всѣ поняли, что стоятъ сейчасъ передъ какимъ-то неземнымъ по величію подвига и долга событіемъ, которое совершитъ въ исторіи русскаго народа эта Императрица, Мать и Православная Женщина...

Государыня позвала Великую Княжну Марію Николаевну и старика графа Апраксина и въ томъ же домашнемъ платьѣ, какъ была, съ открытой головой, быстрымъ, но спокойнымъ шагомъ пошла къ выходу изъ дворца туда, къ оградѣ, къ готовымъ къ бою солдатамъ.

Не обращая вниманія на надвинувшуюся толпу обезумѣвшаго народа, не могшаго не видѣть Ее въ эту минуту, Она мужественно и спокойно пошла по рядамъ солдатъ, нѣжно успокаивая ихъ, но настойчиво умоляя не проливать крови своихъ братьевъ, не обострять внутренней вражды,

внутренней смуты изъ-за Нея, изъ-за Ея Дѣтей и Семьи. Она убѣждала договориться съ возставшими и остановить этимъ братоубійственную войну.

Она говорила громко и властно и въ то же время спокойно и нѣжно. Въ эти бурныя минуты жизни русскаго государства Она открыла себя будущему русскому народу, показавъ величіе Супруги русскаго Самодержца, знаніе психологіи своего народа, мужество и отвагу сильнѣйшаго героя и безконечную доброту и мягкость русскаго женскаго сердца.

Въ рядахъ взбунтовавшейся толпы и вѣрной охраны оказалось достаточно людей и руководителей, достойно оцѣнившихъ величественный подвигъ Императрицы. Ихъ горячія, пламенныя, патріотическія рѣчи здѣсь же, передъ воротами дворцовой ограды, ихъ страстный призывъ къ чести человѣчества, къ благоразумію и чувству сердца подѣйствовали на массу и возбужденіе толпы постепенно улеглось. Стороны договорились и установили нейтральную зону.

Страшная драма не совершилась; братская кровь не пролилась.

Минутная агонія Царской Семьи растянулась на 17 мѣсяцевъ.

Императрица вернулась къ себѣ. Съ прежней спокойной выдержкой, какъ будто ничего сейчасъ Ею не было пережито, обошла больныхъ Дѣтей, успокоила и обласкала каждаго и затѣмъ стала пытаться выяснить, гдѣ находится Императоръ.

Но все было напрасно; никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній Она получить не смогла. Всѣ отвѣчали Ей, что мѣсто нахожденія поѣзда неизвѣстно.

Государь какъ бы исчезъ вмѣстѣ съ Императорскимъ поѣздомъ.

Съ этого момента душевное и волевое напряженіе Императрицы превысило Ея силы. Воли еще хватало на то, чтобы не показывать окружающимъ своего страданія изъ-за невѣдѣнія о мѣстѣ нахожденія Государя, но наединѣ съ собой Она, вѣроятно, уже не была въ состояніи бороться съ внутреннимъ чувствомъ безпокойства за участь Мужа и сильно плакала, такъ какъ приближенные впервые стали замѣчать на Ея лицѣ заплаканные глаза и слѣды слезъ.

Только что переживъ безусловно смертельную опасность, угрожавшую Ей и Дѣтямъ со стороны взбунтовавшейся

черни, Государынѣ естественно прежде всего представлялись различные ужасы, которымъ могъ подвергнуться Императоръ во время своего пути изъ Могилева въ Царское Село. Отвѣты, полученные Ею на попытки выяснить гдѣ Царь, какъ бы подтверждали опасенія Ея за Его жизнь, а тогда, съ Его смертью, Россіи угрожала бы, по Ея мнѣнію, безусловно гражданская война въ тылу, которая, конечно, отразилась бы такъ или иначе на войскахъ фронта, а слѣдовательно на всей будущей судьбѣ россійскаго государства. Раздѣляя всецѣло историческую точку зрѣнія своего Мужа на идею государственнаго единенія русскаго народа, являясь Его духовной силой въ борьбѣ послѣднихъ лѣтъ за цѣлость, неприкосновенность и святость идеи, Она тѣмъ не менѣе никогда не позволила бы себѣ принять безъ Государя какія-либо политическія или административныя мѣры того или другого направленія, почему ко всѣмъ прочимъ терзаніямъ присоединялось еще, вслѣдствіе неизвѣстности о судьбѣ Мужа, мученіе отъ сознанія безсилія помочь Ему въ наступившую серьезную минуту, когда, возможно, рѣшалась судьба всей Россіи. Какъ и Государь, Она сознавала опасность всѣхъ совершавшихся внутри Россіи движеній главнымъ образомъ съ точки зрѣнія вліянія этой опасности на сохраненіе боеспособности государства, и вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ же какъ и Онъ, чувствовала и понимала кромѣ того, что революціонные безпорядки заключали въ себѣ угрозу и спеціально династическаго свойства. Однако въ этомъ послѣднемъ отношеніи въ Ней больше всего страдали чувства жены къ мужу; здѣсь, кромѣ горячей, преданной любви Ея къ Нему, затрагивалось и Ея ревнивое отношеніе къ Мужу, какъ къ земному отраженію религіознаго выраженія идеи Помазанника Божія. Въ этой духовной сферѣ своего міровоззрѣнія Она безусловно способна была принести въ жертву не только себя, но и Дѣтей, и все, что было въ Ея средствахъ и силахъ, лишь бы оградить Его и послужить Ему до конца...

Не дождавшись утромъ 28-го февраля Государя, Императрица послала просить придти къ Ней Великаго Князя Павла Александровича.

Съ Павломъ Александровичемъ у Ихъ Величествъ были дружественныя отношенія до его женитьбы. Онъ бывалъ у Нихъ часто, за-просто, какъ членъ семьи. Но женитьба Его на Пистолькорсъ испортила Ихъ отношенія. Супруга Павла Александровича не была принята Ими, почему и Великій

Князь пересталъ посѣщать Ихъ Величества. Однако потомъ отношенія улучшились и Павелъ Александровичъ снова сталъ приходить одинъ. Но затѣмъ, со времени убійства Распутина, Великій Князь опять пересталъ бывать, такъ какъ Государыня отказалась принять его, ибо, хотя онъ и не участвовалъ непосредственно въ убійствѣ, но о предстоящемъ участіи въ немъ своего сына зналъ и не удержалъ его.

Теперь невѣроятное безпокойство за судьбу Государя заставило Императрицу забыть все прошлое и Она обратилась къ Великому Князю. Павелъ Александровичъ пріѣхалъ тотчасъ же, но ничего опредѣленнаго сказать о Государѣ тоже не могъ; ему было извѣстно лишь, что Императоръ выѣхалъ изъ Могилева, но на станціи Дно поѣздъ былъ задержанъ и направленъ обратно, кажется, на Могилевъ. Павелъ Александровичъ сообщилъ Государынѣ кромѣ того, что политическое положеніе на столько серьезно и опасно, что, пожалуй, только *немедленнымъ дарованіемъ конституціи* можно еще *предотвратить паденіе династіи*.

Но что было пользы говорить объ этомъ Государынѣ? Для Нея все сосредоточивалось на одной мысли—гдѣ теперь Государь, что съ Нимъ? *Безъ Него Она была ничто*. Въ Немъ для Нея былъ и безконечно любимый мужъ и Отецъ Ея Дѣтей и безконечно почитаемый Вѣнценосецъ Ея религіознаго міровоззрѣнія. При Немъ Она могла быть громадной духовной силой въ борьбѣ съ „завистью діаволи", безъ Него—Она ничто. Она въ эти дни чувствовала и понимала свое страшное одиночество и переживала въ немъ всѣ муки, одновременно постигшія Ее: болѣзнь Дѣтей, опасное состояніе Сына, революцію вокругъ трона, звѣриный ревъ черни вокругъ Семьи и полное невѣдѣніе о судьбѣ Мужа. „Мука Императрицы въ эти дни смертельной тревоги", говоритъ свидѣтель Жильяръ, „когда безъ извѣстій отъ Государя, она приходила въ отчаяніе у постели больного ребенка, превзошла все, что можно себѣ вообразить. Она дошла до крайняго предѣла силъ человѣческихъ; это было послѣднее испытаніе, изъ котораго Она вынесла то изумительно свѣтлое спокойствіе, которое потомъ поддерживало Ее и всю Ея Семью до дня Ихъ кончины".

Въ такомъ мучительномъ состояніи прошли дни 28-го февраля и 1-го марта. Только въ серединѣ дня 2-го марта къ Государынѣ пришелъ оберъ-гофмаршалъ Бенкендорфъ и до-

ложилъ Ей, что изъ Петрограда получены свѣдѣнія о добровольномъ отреченіи Императора, за Себя и за Сына, отъ Престола въ пользу Великаго Князя Михаила Александровича. Императрица, опасаясь, что эти извѣстія являются лишь плодомъ слуховъ, снова послала за Великимъ Княземъ Павломъ Александровичемъ, который подтвердилъ Ей доложенное Бенкендорфомъ и сообщилъ нѣкоторыя подробности, сопровождавшія отреченіе Императора въ Псковѣ.

Государыня не повѣрила въ добровольность отреченія. Она знала по Себѣ, что въ Ихъ жизни важныя рѣшенія вынуждаются не всегда грубымъ физическимъ насиліемъ, а и умышленно-преднамѣреннымъ поведеніемъ окружающихъ, подчеркивающимъ остроту сознанія и гнета ужаснаго идейнаго одиночества. Она понимала, что въ такую жестокую обстановку могъ быть поставленъ и Царь; Она понимала, что Онъ долженъ былъ къ тому же все время ощущать смертельное безпокойство за участь Ея, за участь Своей Семьи, находящейся во власти взбунтовавшейся черни. Ей вспомнился этотъ кошмарный, грозный вечеръ 27-го февраля, когда Она тоже оказалась одинокой, хотя и была окружена доброжелательными людьми. А Онъ?.. Онъ былъ въ эти дни совершенно одинокъ и даже Ее съ Нимъ не было.

Отчаяніе Государыни превзошло все, что можно себѣ представить. Но Ея стойкое мужество не покинуло Ее даже теперь. Она сверхчеловѣческой силой воли подавила въ себѣ свое страданіе и, какъ всегда, отдала все свое время служенію Своимъ Дѣтямъ, ничѣмъ не выдавая передъ ними своего состоянія, чтобы не обезпокоить Ихъ, такъ какъ больные ничего не знали о томъ, что случилось со времени отъѣзда Государя въ Могилевъ, въ Ставку. За эти дни Она сильно похудѣла и состарилась, но наружно сохраняла спокойствіе и выдержку; лицо Ея поблѣднѣло и заострилось, глаза лихорадочно горѣли, но въ нихъ видны были слѣды частыхъ слезъ; видимо, Она у себя наединѣ много и горько плакала. Приближенные, желая выказать Ей свои симпатіи, пытались облегчить Ея страданія теплыми и сердечными словами, но Она, указывая на распятіе Христа, отвѣчала имъ:

„Наши страданія—ничто. Смотрите на страданія Спасителя, какъ Онъ страдалъ за насъ. Если только это нужно для Россіи, Мы готовы жертвовать и жизнью, и всѣмъ“.

3-го марта, наконецъ, Государыня получила отъ Государя изъ Пскова короткую записку, въ которой Онъ сооб-

щалъ Ей о своемъ отреченіи, прибавляя, что надо быть готовыми въ будущемъ всему покориться.

Послѣдняго тогда Государыня не поняла; оно стало яснымъ Ей черезъ пять дней. Но въ общемъ Его записка Ее нѣсколько успокоила, такъ какъ Она узнала, что Онъ живъ и, слѣдовательно, вернется къ Ней. Она горячо молилась въ послѣдующіе дни и терпѣливо ожидала Мужа.

Утромъ 8-го марта въ Александровскій дворецъ пріѣхалъ Командующій войсками Петроградскаго Военнаго Округа генералъ-лейтенантъ Корниловъ, въ сопровожденіи Лейбъ-Гвардіи Петроградскаго полка полковника Евгенія Степановича Кобылинскаго и личнаго адъютанта прапорщика Долинскаго.

Въ пріемную комнату къ прибывшимъ вышелъ оберъгофмаршалъ графъ Бенкендорфъ, которому Корниловъ сообщилъ, что онъ прибылъ во дворецъ по порученію Временнаго Правительства, что необходимо собрать всѣхъ лицъ Свиты, проживающихъ сейчасъ во дворцѣ, и просилъ доложить Ея Величеству просьбу принять его, генерала Корнилова, и полковника Кобылинскаго.

Черезъ 10 минутъ пришедшій дежурный камеръ-лакей доложилъ, что Государыня Императрица ждетъ, и повелъ генерала Корнилова и полковника Кобылинскаго на дѣтскую половину дворца. При входѣ въ первую же комнату генералъ Корниловъ увидѣлъ Императрицу Александру Федоровну, выходящую изъ противоположной двери ему на встрѣчу. Ее никто не сопровождалъ. Генералъ Корниловъ и полковникъ Кобылинскій остановились и поклонились. Государыня, подойдя къ Корнилову, протянула ему руку для поцѣлуя и кивнула головой незнакомому Ей Кобылинскому.

Когда камеръ-лакей вышелъ, генералъ Корниловъ, обращаясь къ Императрицѣ, сказалъ:

„Ваше Величество. На меня выпала тяжелая задача объявить Вамъ постановленіе Совѣта Министровъ Временнаго Правительства, что Вы съ этого часа *считаетесь арестованной*. Если Вамъ что нужно будетъ, пожалуйста, заявляйте черезъ новаго начальника гарнизона“, и онъ указалъ рукой на полковника Кобылинскаго, „которому подчиняется новый комендантъ дворца штабсъ-ротмистръ Коцебу“.

Затѣмъ Корниловъ приказалъ Кобылинскому: „Полковникъ, оставьте насъ вдвоемъ. Сами идите и станьте за дверью“.

Полковникъ Кобылинскій вышелъ.

Тогда генералъ Корниловъ пояснилъ Государынѣ, что настоящее мѣропріятіе вызвано печальной для Правительства необходимостью удовлетворить требованіе *общественнаго мнѣнія и крайнихъ элементовъ.* Онъ просилъ Государыню не безпокоиться, завѣряя Ее въ преданности и тактѣ полковника Кобылинскаго и въ надежности охраны, которая будетъ назначена для содержанія карауловъ и охраны дворца и Царской Семьи. Въ заключеніе онъ доложилъ, что Императоръ вернется во дворецъ вечеромъ на слѣдующій день. Послѣ этого Корниловъ позвалъ Кобылинскаго, представилъ Его Императрицѣ, и оба откланялись. На прощаніе Государыня протянула руку обоимъ и, кивнувъ имъ, съ доброй улыбкой пошла во внутренніе покои.

Къ своему аресту Государыня отнеслась какъ къ вполнѣ естественному и ожидавшемуся Ею послѣдствію отреченія Императора отъ Престола. Она сразу вспомнила предупрежденіе Царя въ Его запискѣ изъ Пскова и поняла, что именно къ этому надо было приготовиться и принять покорно, какъ и все то, что еще можетъ послѣдовать въ дальнѣйшемъ. Она поняла, что и эти люди, которые во все царствованіе Мужа боролись съ Нимъ за власть и нынѣ заставили Его отдать имъ ее, *сами оказались безъ власти,* безъ возможности противостать какому-то давленію, которое можетъ заставить ихъ предпринять относительно Царской Семьи еще и другія мѣры, помимо ихъ воли, помимо ихъ силъ. Она почувствовала во всемъ этомъ, и въ минувшей Ихъ борьбѣ, и въ отреченіи Царя, и въ Ея арестѣ и во всемъ, что еще предстояло Имъ перенести, Промыселъ Божій, а не злую волю людей, и поняла, что такъ должно было быть по волѣ Его, Ея Бога, Всезнающаго и Мудраго.

Это чувство, глубоко проникшее во все Ея существо, значительно облегчило Ей страданія всѣхъ предыдущихъ дней и наполнило Ея душу исключительной по религіозности ясностью и свѣтлымъ спокойствіемъ. Это отразилось сейчасъ же на Ея отношеніяхъ ко всѣмъ окружающимъ, которые и почувствовали какой-то величественный покой и миръ, какъ бы исходившіе отъ Нея.

Она, видимо, была рада, что для тяжелаго дѣла Ея ареста былъ назначенъ именно генералъ Корниловъ, а не кто-нибудь Ей неизвѣстный. Государь и Государыня были очень высокаго мнѣнія о Корниловѣ, считали его хорошимъ и честнымъ человѣкомъ, *исключительнымъ патріотомъ и героемъ* и доблестнымъ генераломъ русской арміи. Въ данномъ случаѣ въ Корниловѣ Она видѣла какъ бы лицо Временнаго Правительства и была благодарна ему за честность признанія своего безсилія, выраженнаго въ мотивѣ Ея ареста. Эту благодарность, создавшуюся въ Ея душѣ, Она не смогла не выразить въ словахъ, обращенныхъ къ Жильяру, сейчасъ же по уходѣ отъ Нея Корнилова:

„Далъ бы Богъ имъ (членамъ Временнаго Правительства) справиться съ тяжелой задачей. *Народъ добрый и хорошій*, но его подняли сейчасъ злые люди, пользуясь его простотой и утомленіемъ отъ войны“.

Но болѣе всего Она была обрадована сообщеніемъ Корнилова о скоромъ возвращеніи Императора—значитъ Его не разлучатъ съ Ней, съ Семьей. Она считала, что теперь настало время сообщить обо всемъ происшедшемъ Дѣтямъ и предупредить Ихъ о скоромъ возвращеніи Отца. Самое трудное для Нея въ этой задачѣ было говорить о всемъ Наслѣднику Цесаревичу; Онъ былъ еще ребенкомъ, былъ такъ привязанъ къ Отцу, что невольно могъ вывести Ее изъ необходимаго спокойствія и Она, потерявъ сдерживающую силу воли, могла разрыдаться какъ женщина, какъ мать, а это сильно взволновало бы больного и могло ухудшить Его состояніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ Государыня понимала, что Императоръ вернется въ тяжеломъ душевномъ состояніи, а потому Ей хотѣлось подготовить Ему въ средѣ Дѣтей тотъ семейный уютъ, покой и ласку, которые облегчили бы Государю перебороть страданія пережитыхъ дней и ужасъ отреченія отъ Престола. Поэтому тотчасъ по уходѣ Корнилова Она позвала къ себѣ Жильяра и, сообщивъ ему объ Ея арестѣ, добавила:

„Императоръ пріѣзжаетъ завтра, нужно предупредить Алексѣя, нужно сказать Ему все... Не возьметесь ли Вы сообщить Ему, а Я пойду къ Дочерямъ“.

Вотъ какъ разсказываетъ самъ Жильяръ о своей бесѣдѣ съ Алексѣемъ Николаевичемъ.

„Поздоровавшись съ Цесаревичемъ, я сказалъ Ему, что Императоръ завтра возвращается изъ Могилева и больше не поѣдетъ туда.

„Почему?“ спросилъ удивленно Алексѣй Николаевичъ.

„Потому, что Вашъ Отецъ не хочетъ больше командовать арміей“, отвѣтилъ я. Это извѣстіе сильно взволновало Его Высочество, такъ какъ Онъ любилъ ѣздить съ Отцомъ въ Ставку и проводить время тамъ среди собиравшихся къ Нему мальчиковъ Его возраста. Выждавъ нѣкоторое время и давъ Ему нѣсколько освоиться съ первымъ извѣстіемъ, я продолжалъ:

„Знаете, Алексѣй Николаевичъ, Вашъ Отецъ не хочетъ быть больше Императоромъ“.

„Онъ посмотрѣлъ на меня удивленно, желая прочесть на моемъ лицѣ, что могло случиться. Тогда я, поясняя, добавилъ Ему, что Императоръ очень усталъ и послѣднее время у Него было слишкомъ много всякаго рода непріятностей и затрудненій.

„Ахъ да! Мама говорила“, отвѣтилъ Цесаревичъ, „что Его поѣздъ былъ арестованъ, когда Онъ ѣхалъ сюда. Но послѣ Папа будетъ опять царствовать?“

„Я объяснилъ Ему, что Государь отказался отъ Престола въ пользу Великаго Князя Михаила Александровича, который также отказался въ свою очередь. Я пояснилъ, что въ Петроградѣ образовалось Временное Правительство, которое будетъ временно управлять страною до созыва Учредительнаго Собранія, которое выскажетъ мнѣніе народа, и тогда, быть можетъ, Великій Князь Михаилъ Александровичъ будетъ избранъ Царемъ и вступитъ на Престолъ.

„Онъ слушалъ меня чрезвычайно внимательно, видимо, хорошо понимая происшедшую перемѣну, сильно волновался и весь раскраснѣлся, но ни слова о Себѣ не спросилъ.

„Я еще разъ убѣдился въ скромности этого мальчика, никогда въ тяжелыя минуты Семьи не думавшаго о Себѣ.“

Нельзя не отмѣтить здѣсь словъ изъ показаній г-жи Битнеръ о Наслѣдникѣ Цесаревичѣ:

„Я не знаю, думалъ ли Онъ о власти. У меня былъ съ Нимъ разговоръ объ этомъ. Я Ему сказала:

„А если Вы будете царствовать“. Онъ мнѣ отвѣтилъ:

„Нѣтъ, это кончено навсегда“.

Очевидно, что это убѣжденіе Алексѣя Николаевича было внушено Ему Родителями и служитъ яснымъ показателемъ

глубокой честности Отца и Матери, доведшихъ принятое на себя обязательство до конца, даже въ воспитаніи Сына.

Генералъ Корниловъ, выйдя отъ Императрицы, прошелъ въ пріемную комнату, гдѣ были собраны всѣ наличные чины Свиты, проживавшіе во дворцѣ и, поклонившись всѣмъ общимъ поклономъ, сказалъ:

„Господа, вотъ новый комендантъ. Съ этого момента Государыня, по постановленію Совѣта Министровъ Временнаго Правительства, считается арестованной. Кто хочетъ остаться и раздѣлить участь Арестованной, пусть остается. Но рѣшайте это сейчасъ же. Потомъ во дворецъ уже не впущу“.

Здѣсь присутствовали: статсъ-дама Нарышкина, фрейлины графиня Гендрикова и баронесса Буксгевденъ, гофълектриса Шнейдеръ, оберъ-гофмаршалъ графъ Бенкендорфъ, завѣдывавшій благотворительными дѣлами Государыни графъ Апраксинъ, командиръ Своднаго Его Величества полка Свиты генералъ-маіоръ Ресинъ, лейбъ-медикъ Ихъ Величествъ докторъ Боткинъ, врачъ Наслѣдника Цесаревича докторъ Деревенько и наставникъ Наслѣдника Цесаревича Петръ Жильяръ.

На слова, обращенныя генераломъ Корниловымъ къ свитскимъ, генералъ Ресинъ тотчасъ же заявилъ, что онъ уходитъ. Всѣ остальные пожелали остаться и раздѣлить участь Арестованной.

Генералъ Корниловъ объявилъ, что въ 4 часа дня ворота дворца закроются и произойдетъ смѣна частей личной охраны *революціонными войсками*. Послѣ 4-хъ часовъ дня всѣ оставшіеся во дворцѣ чины Свиты будутъ считаться арестованными и будутъ подвергнуты тому же режиму, который будетъ установленъ его инструкціей для Августѣйшей Семьи.

Когда свѣдѣнія о предстоящей смѣнѣ достигли Своднаго полка, полковникъ этого полка Лазаревъ не выдержалъ и разрыдался передъ полкомъ. Онъ выпросилъ у генерала Корнилова разрѣшеніе пойти проститься съ Государыней, а затѣмъ, не переставая рыдать, вынесъ знамя Своднаго полка изъ пріемной комнаты дворца въ казармы. Большинство офицеровъ и солдатъ этого полка плакало и заявило, что готовы по первому слову Государыни защитить Ее. Такъ какъ настроеніе этихъ доблестныхъ охранниковъ приняло нѣ-

сколько повышенное состояніе, то сочли нужнымъ доложить объ этомъ Государынѣ, которая по телефону передала полку, что онъ долженъ безропотно подчиниться распоряженіямъ Временнаго Правительства и честно служить до конца на благо Родины.

Инструкція, утвержденная въ этотъ день генераломъ Корниловымъ и устанавливавшая режимъ для заключенныхъ, ограничивала свободу сношеній Августѣйшей Семьи съ внѣшнимъ міромъ. Корреспонденція должна была проходить черезъ руки коменданта дворца. Дворецъ и паркъ, къ которому примыкалъ дворецъ, оцѣплялись полевыми караулами. Изъ дворца Члены Августѣйшей Семьи могли выходить только въ паркъ; гулять въ паркѣ разрѣшалось съ утра до наступленія темноты. Никакихъ другихъ ограниченій инструкціей генерала Корнилова не устанавливалось. Вмѣшательство чиновъ новой комендатуры и охраны во внутренній распорядокъ жизни Семьи, кромѣ вышеуказаннаго ограниченія времени выхода изъ дворца, инструкція генерала Корнилова не допускала.

Въ 4 часа дня, послѣ смѣны частей охраны, генералъ Корниловъ уѣхалъ изъ дворца и закрывшіяся за нимъ дворцовыя ворота замкнули на вѣки-вѣчные свободу Августѣйшей Семьи Государя Императора Николая Александровича Романова.

Драма духа. Отреченіе. Арестъ.

Отъѣздъ Государя изъ Могилева 27-го февраля задержался первоначально сношеніями съ Петроградомъ и необходимыми бесѣдами съ генералами Алексѣевымъ и Ивановымъ, а когда, наконецъ, около 9 часовъ вечера Императоръ потребовалъ, чтобы поѣздъ Его былъ отправленъ не позже 11 часовъ вечера того же дня, Ставка заявила, что по техническимъ причинамъ поѣздъ можно отправить не раньше 6 часовъ утра 28-го февраля.

Въ Петроградѣ вечеромъ 27-го и ночью на 28-е февраля шли переговоры между Думскимъ Временнымъ Исполнительнымъ Комитетомъ и совѣтомъ рабочихъ депутатовъ объ условіяхъ, на которыхъ *совѣтъ соглашался уступить прерогативы власти Думскому Комитету,* дабы устранить опасность двоевластія. Хотя окончательное соглашеніе было

достигнуто только къ утру 2-го марта, но уже на первомъ совѣщаніи выяснилась необходимость устраненія Императора Николая II-го.

Дѣйствительно, поѣздъ Государя былъ отправленъ изъ Ставки въ 6 часовъ утра 28-го февраля. Въ это время комиссаромъ и распорядителемъ движенія на желѣзныхъ дорогахъ уже былъ назначенъ Временнымъ Комитетомъ членъ Государственной Думы А. А. Бубликовъ, которому подчинились всѣ желѣзнодорожные служащіе линій Петроградскаго раіона и указанія котораго въ точности исполнялись съ утра 28-го февраля. Вслѣдствіе этого и движеніе поѣзда Императора оказалось во власти распорядителей Временнаго Комитета.

Столкнувшись съ революціоннымъ творчествомъ соціалистовъ, почувствовавъ, что распропагандированныя пролетарскія массы столицы по импульсу низменныхъ инстинктовъ не только не пригодны, но даже опасны для проведенія мало-мальски организованной революціи въ масштабѣ ограниченія ея въ рамкахъ измѣненія самодержавнаго строя въ конституціонно-монархическій, къ чему только и стремились руководители „цензовыхъ" партій прогрессивнаго блока, конституціоналисты всѣхъ оттѣнковъ Государственной Думы, какъ было указано, отказались отъ дальнѣйшаго проведенія своихъ цѣлей *революціоннымъ* порядкомъ. Но отъ достиженія своихъ цѣлей они не отказались, а наоборотъ, представившаяся имъ опасность возможности развитія революціи въ крайнемъ соціалистическомъ и даже просто въ анархическомъ направленіи заставила ихъ придти къ убѣжденію, что ихъ долгъ *спасти теперь революцію отъ этихъ крайностей*, которыя слишкомъ очевидно угрожали способности Россіи продолжать внѣшнюю войну, и остановить анархическій ходъ революціи сохраненіемъ за собой во что бы то ни стало руководительства событіями. Нельзя не признать, что положеніе, въ которомъ оказались возставшіе противъ Помазанника земли русской бояре-западники, было ужасно, а потому нельзя не повѣрить искренности Милюкова, который говорилъ, что „власть берется нами въ эти дни *не изъ слабости къ власти*". Но нельзя и не признать, что основаніемъ этого положенія являлось *отступничество русскихъ европейцевъ-язычниковъ отъ своего Бога, отъ „Бога земли русской"*; за рѣшеніе остаться отступниками до конца, за этотъ свой грѣхъ они и понесли заслуженную кару.

Хотя необходимость устраненія Императора Николая II-го была принята какъ будто всѣми конституціоналистами, но, какъ говоритъ Шингаревъ, „только исполненіе этого рѣшенія затягивалось“. Затягивалось во-первыхъ потому, что, оказавшись передъ дѣйствительнымъ лицомъ „народной революціи“, значительная часть бояръ-западниковъ боялась этой мѣры, которая могла не остановить революціи въ желательныхъ для нихъ предѣлахъ, а углубить ее въ пользу соціалистовъ, и во-вторыхъ по причинѣ того, что, вернувшись къ эволюціонному порядку достиженія своихъ цѣлей, конституціоналистамъ надо было добиваться добровольнаго отреченія Императора отъ Престола и добровольнаго измѣненія Имъ самодержавнаго строя государства. А такъ какъ попытка ихъ добиться этого письменными представленіями въ теченіи 26-го и 27-го февраля не только не имѣла желательнаго для нихъ результата, а, напротивъ, могла привести къ возможности созданія для Царя почвы для новаго сліянія Его съ народомъ, то передъ ними сталъ вопросъ о необходимости добиваться своихъ вожделѣній путемъ личныхъ переговоровъ съ Государемъ, которыхъ бояре-западники также боялись, зная по опыту 1916 года силу исключительнаго вліянія чистоты и благости, исходившихъ отъ облика Монарха, *какъ Помазанника Божія*. Затѣмъ въ третьихъ, опасаясь личнаго вліянія Царя, конституціоналисты не довѣряли другъ другу и не могли остановиться на разрѣшеніи вопроса на кого именно возложить миссію личныхъ переговоровъ съ Государемъ. Родзянко обѣщалъ самъ выѣхать на свиданіе съ Царемъ, но конституціоналисты не довѣряли прочности Родзянко въ конституціонныхъ принципахъ. Кромѣ того большинство руководителей просто уклонялось отъ этой миссіи, опасаясь принять на себя отвѣтственность въ исторіи Россіи въ случаѣ, если отреченіе Царя поведетъ не къ усмиренію революціи, а къ ея углубленію, къ вовлеченію Россіи въ анархію и къ утвержденію въ потомствѣ опредѣленнаго заключенія, что идеи конституціоналистовъ шли въ разрѣзъ съ идеями народа *„всея земли“*, вслѣдствіе чего цѣли ихъ приводили не къ благу Родины, а къ опредѣленному вреду ей. Нежеланіе выставить въ будущей исторіи Россіи партійные политическіе лозунги скомпрометированными, руководители партій уклонялись отъ сознававшагося ими рискованнаго шага. Многіе можетъ быть въ глубинѣ своей совѣсти, еще не

вполнѣ ослѣпленной партійностью, сознавали роковое заблужденіе, чувствовали преступность увлеченія и сожалѣли о слишкомъ поспѣшномъ революціонномъ выступленіи въ утро 27-го февраля, что и сдерживало ихъ внутренней силой отъ активнаго участія въ вынужденіи отреченія Царя отъ Престола. Наконецъ въ четвертыхъ, конституціоналисты не могли придти къ соглашенію, *кѣмъ замѣнить Николая II-го.* Избравъ окончательно эволюціонные пути для своей дѣятельности, они не хотѣли уклоняться слишкомъ отъ законной преемственности власти, дабы самимъ не давать поводовъ къ зарожденію въ недостаточно объединенномъ революціонномъ интеллигентномъ обществѣ Петрограда тенденцій къ расколу личнаго начала и выдвиженію различныхъ претендентовъ по симпатіямъ разныхъ круговъ и салоновъ. Законнымъ преемникомъ являлся Алексѣй Николаевичъ и на немъ сходилось мнѣніе большинства конституціоналистовъ, подходившихъ къ вопросу съ политической точки зрѣнія. Но съ этимъ именемъ была связана необходимость разрѣшенія вопроса, а кто будетъ временно регентомъ. Кромѣ того, всѣмъ была извѣстна безнадежная болѣзненность Наслѣдника Цесаревича и всѣ отлично понимали невозможность полнаго удаленія вліянія Родителей на Сына. Были партіи, выдвигавшія регентомъ Великаго Князя Николая Николаевича, другія были за регентство Великаго Князя Михаила Александровича. Военные элементы революціоннаго общества тогда же стали выдвигать преемникомъ Николая II-го или Великаго Князя Михаила Александровича, или Великаго Князя Дмитрія Павловича. Наконецъ, съ перваго же дня революціи самъ себя началъ выдвигать Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ, пытаясь популяризироваться демократичностью своихъ убѣжденій и поступковъ. Словомъ, единой мысли и рѣшенія по этому вопросу въ средѣ бояръ-западниковъ не было, и надо было выиграть время, чтобы договориться и остановиться на чемъ-нибудь одномъ; нежелательное же для конституціоналистовъ „углубленіе революціи“ шло настолько быстро, что пока они успѣвали договориться по одному вопросу, давленіе, исходившее изъ совѣта депутатовъ, вынуждало ихъ сдавать свои позиціи и перерѣшать вопросъ снова. Наконецъ въ пятыхъ, выбитые послѣ своего единственнаго „революціоннаго творчества“ съ позиціи дѣйствительныхъ „народныхъ представителей“ революціонной Россіи, они нуждались при

создавшейся обстановкѣ въ нѣкоторомъ времени, чтобы путемъ условнаго соглашательства съ совѣтомъ рабочихъ депутатовъ закрѣпиться хотя бы внѣшне въ положенiи руководителей „народной революцiи“ и показать Государю солидарность съ ними *„народной революцiонной массы“*.

Вотъ какими обстоятельствами объяснялась „затяжка“ въ исполненiи рѣшенiя Временнаго Исполнительнаго Комитета вынудить Императора Николая II-го отречься отъ Престола.

Изслѣдованiе не располагало данными, позволяющими придти къ опредѣленному заключенiю—было ли достигнуто во Временномъ Исполнительномъ Комитетѣ въ цѣломъ какое-либо формулированное рѣшенiе по вопросу о преемственности власти, въ чемъ заключалось это рѣшенiе и явилась ли поѣздка Гучкова и Шульгина въ Псковъ оффицiальнымъ актомъ, исходившимъ отъ Временнаго Комитета съ его полномочiями, или самочиннымъ рѣшенiемъ, шагомъ, соотвѣтствовавшимъ мнѣнiямъ, вообще тогда обсуждавшимся, но еще не вылившимся въ конкретныя формы опредѣленнаго постановленiя распорядительнаго органа Государственной Думы. Судя по словамъ Шульгина: „А. И. Гучковъ и я рѣшили отправиться въ Псковъ“, можно предположить, что поѣздка была предпринята этими двумя революцiонными представителями по собственной инициативѣ. Слова же его: „мы выразили согласiе на отреченiе въ пользу Михаила Александровича“, казалось, должны были бы опираться на какiя-то широкiя полномочiя, данныя имъ Временнымъ Исполнительнымъ Комитетомъ или какимъ-нибудь другимъ верховнымъ революцiоннымъ органомъ. При отсутствiи же таковыхъ полномочiй, исторiи придется признать дѣйствiе Гучкова и Шульгина однимъ изъ тѣхъ своеобразныхъ революцiонныхъ явленiй, когда руководители уличной толпы присваиваютъ себѣ право говорить отъ имени всего народа.

Но если вопросъ о правомочiяхъ Гучкова и Шульгина остается пока еще открытымъ, то въ отношенiи вполнѣ опредѣленнаго влiянiя Временнаго Комитета на порядокъ движенiя Императорскаго поѣзда событiя 28-го февраля и 1-го марта не оставляютъ сомнѣнiя. Благодаря техническимъ причинамъ, вызвавшимъ задержку въ отправленiи поѣзда изъ Могилева на 9 часовъ, Временный Исполнительный Комитетъ, во-первыхъ, узналъ о намѣренiи Государя вернуться въ Царское Село къ Своей Семьѣ, и во-вторыхъ, получилъ возможность принять необходимыя мѣры къ не-

допущенію свиданія Императора съ Женой и къ инсценировкѣ Государю въ пути между Могилевымъ и Царскимъ Селомъ размѣровъ и характера „народной революціи“, направленной противъ Верховнаго Носителя Самодержавной формы правленія. Въ то же время имѣлось въ виду подъ разными предлогами задержать поѣздъ въ пути и этимъ выиграть время, необходимое какъ для закрѣпленія своего положенія, такъ и для постановки Царя передъ *якобы совершившимся по волѣ народа фактомъ.*

Коммисаръ Бубликовъ выполнилъ задачу блестяще. Императорскій поѣздъ слѣдовалъ, встрѣчаемый по обыкновенію всюду губернаторами и старшими желѣзнодорожными агентами. Но прибывъ на станцію Дно, Государю было доложено, что дальнѣйшее слѣдованіе въ этомъ направленіи невозможно вслѣдствіе порчи пути возставшимъ населеніемъ. Поѣздъ повернулъ на Бологое, намѣреваясь черезъ Тосно выйти къ Царскому Селу. На станціи Малая Вишера Государю было доложено, что Тосно занято революціонными войсками съ артиллеріей и пулеметами. Внѣшне получалось такое впечатлѣніе, что гражданская и желѣзнодорожная администрація всюду честно выполняетъ свой долгъ подданныхъ, но населеніе и войска подняли революцію и занимаютъ враждебное по отношенію къ Государю положеніе.

Государь, по свидѣтельству лицъ, Его сопровождавшихъ, сохранялъ въ дорогѣ внѣшнее спокойствіе. Принявъ въ Могилевѣ опредѣленное рѣшеніе, Онъ горячо ждалъ встрѣчи съ Родзянко и страстно стремился скорѣе быть въ кругу Своей Семьи, и съ Ней вмѣстѣ раздѣлить будущія испытанія и тревогу. Сознаніе новымъ актомъ любви отмѣтить Свое Самодержавное служеніе на благо народу рождало въ Немъ, повидимому, даже радостное настроеніе, и Онъ особенно привѣтливо относился къ лицамъ, обслуживавшимъ поѣздъ и не принадлежавшимъ къ постоянному кругу Его приближенныхъ. Во время остановокъ на станціяхъ Онъ выходилъ и почти всегда съ Долгоруковымъ ходилъ взадъ и впередъ по перрону, ласково отвѣчая на привѣтствія публики и встрѣчавшихъ Его лицъ. Онъ весь былъ полонъ предстоящимъ соединеніемъ съ Семьей и свѣтлымъ чувствомъ достиженія новаго сліянія съ горячо любимымъ Имъ Своимъ народомъ.

Свѣдѣнія, полученныя на станціи Дно, были первымъ жестокимъ ударомъ Его безконечному чувству любви къ

народу. Онъ, чистый сердцемъ Самъ, повѣрилъ этимъ свѣдѣніямъ. Да и какія основанія имѣлъ бы Онъ имъ не вѣрить. Онъ не считалъ ихъ направленными только лично противъ Него, какъ противъ Самодержавнаго Монарха. Его, видимо, угнетала мысль объ отсрочкѣ свиданія съ Родзянко и о необходимости терять время на совершеніе кружнаго пути, такъ какъ Ему доложили, что для слѣдованія поѣзда приготовленъ путь черезъ Бологое на Тосно. Его удивило только — почему не былъ избранъ путь черезъ Псковъ, Гатчино, вдвое короче перваго. Однако стѣсняясь какъ всегда обременять желѣзныя дороги, обслуживавшія фронты, своими поѣздами, Онъ покорился и поѣзда пошли на Бологое.

Когда глубокой ночью съ 28-го февраля на 1-е марта на станціи Малая Вишера Ему доложили, что Тосно занято возставшими революціонерами и слѣдовать дальше въ этомъ направленіи нельзя, Онъ понялъ... Онъ понялъ, что въ Петроградѣ боятся Его пріѣзда въ Царское Село; боятся вліянія на Него Жены... Вѣдь о всѣхъ циркулировавшихъ въ столицѣ гнусныхъ сплетняхъ Онъ зналъ очень хорошо. Онъ понялъ, что всѣ тѣ, кто писали Ему въ Могилевъ о необходимости уступокъ, находятся всецѣло подъ вліяніемъ этихъ сплетенъ и боятся Его соединенія съ Женой.

И это была правда.

Онъ понялъ, что подъ вліяніемъ этихъ сплетенъ и клеветы, движеніе, идущее сверху, направлено лично противъ Него, противъ Николая Александровича, и противъ Его Жены, Александры Федоровны. Что на почвѣ тѣхъ же сплетенъ и той же лжи смущены руководителями войска, рабочіе, населеніе Петроградскаго раіона. Онъ понялъ весь ужасъ и всю опасность распространенія и утвержденія этой клеветы въ народныхъ массамъ, въ смыслѣ деморализаціи массъ, деморализаціи утомленнаго долгой, тяжелой войной народа, тыла, армій. Онъ понялъ неминуемость разложенія фронта подъ вліяніемъ яда клеветы, потерю Россіей боеспособности для продолженія внѣшней борьбы, гибель государства, гибель Богомъ ввѣреннаго Ему народа.

И это тоже была правда.

Надо было остановить распространеніе заразы... Остановить немедленно опасность... Остановить какой бы то ни было цѣной...

Но какой?

Онъ почувствовалъ, что Промыселъ Божій требуетъ отъ Него большой жертвы, высшаго доказательства Своего исключительнаго служенія ввѣренному народу... предѣла любви къ нему.

Онъ понялъ, что какъ Помазанникъ Божій и какъ Царь русскаго государства, при обстоятельствахъ, когда руководящіе круги населенія, *отвергнувъ Божественность власти*, стали между Нимъ и народомъ „всея земли", Онъ можетъ и долженъ принести въ жертву *для будущаго блага Россіи Самого Себя...*

Въ этомъ безграничномъ порывѣ предѣльной любви къ Россіи, Государь отказался сразу отъ всякихъ личныхъ побужденій, отъ страстнаго стремленія видѣть Свою Семью и защитить Ее отъ опасности, среди которой Она находилась въ Царскомъ Селѣ. Онъ былъ въ этотъ моментъ *только русскимъ Помазанникомъ Божьимъ...* Онъ былъ только для Россіи.

Дабы приступить сейчасъ же къ выполненію послѣдней жертвы и успокоить прежде всего ослѣпленныхъ руководителей, Онъ отказался отъ всякой мысли ѣхать въ Царское Село и приказалъ передать генералу Алексѣеву Его порученіе просить Родзянко пріѣхать на станцію Дно, куда Онъ приказалъ немедленно вернуть Свой поѣздъ, и откуда, въ зависимости отъ результатовъ переговоровъ съ Предсѣдателемъ Государственной Думы, Онъ могъ направиться или въ Ставку, или въ Царское Село къ Семьѣ, или въ Псковъ, какъ ближайшій пунктъ, откуда можно было войти въ связь со всѣми по прямому проводу. Остатокъ ночи прошелъ для Него въ мучительныхъ мысляхъ за будущую судьбу Россіи.

На станціи Дно Государь не встрѣтилъ Родзянко; Ему сообщили изъ Государственной Думы, что поѣздъ еще не выходилъ изъ Петрограда и неизвѣстно когда Родзянко сможетъ выѣхать. За то Государь узналъ о низложеніи Совѣта Министровъ, о сформированіи Временнаго Исполнительнаго Комитета, о принятіи Комитетомъ въ свои руки „возстановленія государственнаго и общественнаго порядка", объ арестѣ Комитетомъ нѣкоторыхъ Министровъ и высшихъ должностныхъ лицъ, о возглавленіи этого Комитета самимъ Родзянко и о рѣшеніи военныхъ властей Петрограда прекратить вооруженную борьбу противъ Временнаго Исполнительнаго Комитета.

Стремясь какъ можно скорѣе провести свою идею и уничтожить почву для продолженія распространенія опасной агитаціи, опирающейся на элементы злостной клеветы, при отсутствіи возможности скорой личной встрѣчи съ Родзянко, порывъ Государя направился естественно къ Пскову, какъ къ ближайшему пункту, откуда можно было войти въ непосредственную связь съ Петроградомъ и Могилевомъ. Тамъ же отъ генерала Рузскаго, Главнокомандующаго сѣвернымъ фронтомъ, Онъ разсчитывалъ получить и болѣе точныя свѣдѣнія о настроеніи войскъ, о степени проникновенія въ ихъ ряды клеветы, направленной лично противъ Него, а равно и предполагалъ ознакомить его и остальныхъ Главнокомандующихъ со своимъ рѣшеніемъ идти до предѣла жертвы и любви, лишь бы удержать фронтъ отъ разложенія, а страну отъ гражданской, братоубійственной междоусобицы. Родзянкѣ Онъ приказалъ сообщить, что ѣдетъ въ Псковъ, гдѣ и будетъ ожидать его.

Время съ момента выѣзда со станціи Дно и до 3-хъ часовъ 2-го марта прошло для Императора въ исключительной по силѣ душевной борьбѣ, интенсивность коей постепенно возростала по мѣрѣ того, какъ разъяснялось граждански-политическое положеніе, создавшееся вокругъ носившагося Имъ высокаго сана Россійскаго Самодержавнаго Монарха, соотвѣтственно чему все болѣе и болѣе обострялся характеръ той жертвы, которую Онъ рѣшилъ принести для спасенія Своего народа и Своего горячо любимаго Отечества. Прочувствовать до конца сущность этой душевной борьбы, постигнуть въ полной мѣрѣ ея глубину и духовность, намъ, людямъ не отмѣченнымъ Богомъ, не дано. Мы можемъ приближаться къ ея содержанію лишь черезъ силу вѣры, очищеніе помысловъ, какъ подходимъ къ принятію таинства, не имѣя на себѣ освященія его совершать. Мы можемъ приближаться къ постиженію ея духовности, слѣдуя историческими путями, сложившими идеологію о власти русскаго народа, слѣдуя по путямъ мудрости и провидѣнія тѣхъ изъ геніальныхъ русскихъ людей, которымъ Богомъ была дарована способность духовными очами и сердцемъ постигать высшія таинства въ ихъ земной жизни. Эти пути, эти идеи геніальныхъ людей для блага русскаго народа, для смысла русской государственности, вѣчны. Сойти съ нихъ, отказаться отъ нихъ, значило бы отказаться отъ будущаго

величія Россіи, тѣсно связаннаго съ ея славой, славой отъ Бога, а не отъ человѣковъ.

Пушкину, прозрѣвшему геніемъ своего ума, что въ политическо-гражданскомъ отношеніи *„Государство безъ полномощнаго монарха — автоматъ“*, Богомъ пріоткрылось и высшее духовное значеніе Монарха на землѣ. Въ упоминавшейся уже выше одѣ, посвященной Императору Николаю I-му, геніальная духовная прозорливость Пушкина уподобила высшее значеніе Монарха древнему *Боговидцу* Моисею, но Боговидцу не во имя правосудія, каковымъ былъ Моисей, а Боговидцу во имя небесной любви, каковымъ явился на землю Христосъ. „Тотъ изъ людей“, говоритъ Гоголь, „на рамена котораго обрушилась судьба милліоновъ его собратій, кто страшною отвѣтственностью за нихъ передъ Богомъ освобожденъ уже отъ всякой отвѣтственности передъ людьми, кто болѣетъ ужасомъ этой отвѣтственности и льетъ можетъ быть незримо такія слезы и страждетъ такими страданіями, о которыхъ и помыслить не умѣетъ стоящій внизу человѣкъ, кто среди самыхъ развлеченій слышитъ вѣчный, неумолкаемо раздающійся въ ушахъ кликъ Божій, неумолкаемо къ нему вопіющій, тотъ можетъ быть уподобленъ древнему Боговидцу, можетъ подобно ему разбить листы своей скрижали, проклявши вѣтренно-кружащееся племя, которое вмѣсто того, чтобы стремиться къ тому, къ чему все должно стремиться на землѣ, суетно скачетъ около своихъ же, имъ самимъ созданныхъ кумировъ. Но Пушкина остановило еще высшее значеніе той же власти, которую вымолило у Небесъ немощное безсиліе человѣчества, вымолило ее крикомъ не о правосудіи небесномъ, передъ которымъ не устоялъ бы ни одинъ человѣкъ на землѣ, но крикомъ о небесной любви Божьей, которая бы все умѣла простить намъ—и забвеніе долга нашего, и самый ропотъ нашъ, все, чего не прощаетъ на землѣ человѣкъ“.

Развѣ Николай II-й не приближался къ образу этого Боговидца по „небесной любви“? Не слышится ли въ словахъ молитвы, найденной въ средѣ Его Семьи, эта сила всепрощающей „небесной любви“:

„И у преддверія могилы
„Вдохни въ уста Твоихъ рабовъ,
„*Нечеловѣческія* силы
„Молиться кротко за враговъ.

А въ словахъ акта объ отреченіи:

„Во имя горячо любимой родины призываемъ всѣхъ Нашихъ вѣрныхъ сыновъ отечества къ исполненію своего святого долга передъ нимъ, повиновеніемъ Царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытаній помочь Ему, вмѣстѣ съ представителями народа, вывести Государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы. Да поможетъ Господь Богъ Россіи“.

А въ словахъ Его прощальнаго приказа войскамъ:

„Въ послѣдній разъ обращаюсь къ вамъ, горячо любимыя мною войска. Послѣ отреченія Моего за Себя и за Сына Моего отъ престола Россійскаго власть передана Временному Правительству... Да поможетъ ему Богъ вести Россію по пути славы и благоденствія... Твердо вѣрю, что не угасла въ вашихъ сердцахъ безпредѣльная любовь къ Нашей Великой Родинѣ. Да благословитъ Васъ Господь Богъ и да ведетъ Васъ къ побѣдѣ Святой Великомученикъ и Побѣдоносецъ Георгій“, развѣ не сверкаетъ небесной чистотой и безпредѣльностью эта всепрощающая любовь къ своему народу, къ своей Великой Отчизнѣ. Развѣ не чувствуется въ нихъ тайна той духовной силы, той высшей мощи, которыя не даются всѣмъ „стоящимъ внизу“ и которыя, возвышая Императора Николая II-го надъ Его „собратіей“, дѣлали Его ревностнымъ и убѣжденнымъ служителемъ заповѣди о любви Того, Который Самъ есть любовь.

Да, Онъ несъ тоже въ Своихъ рукахъ скрижали, на которыхъ всей исторіей Россійскаго Государства, руководимой Промысломъ Божьимъ, были начертаны величественныя слова завѣта для русскаго народа всея земли: „Слава и Власть надъ Тобою—отъ Бога“. Онъ былъ отмѣченъ Всевышнимъ Творцомъ для этой отвѣтственной и тяжелой задачи на землѣ. Ему, Николаю Александровичу Романову, изъ многихъ милліоновъ людей русскаго народа было указано Мудрымъ Промысломъ стать на землѣ, по выраженію Пушкина, „выше всѣхъ и даже выше самого закона“. Почему именно Ему? Почему не другому... Въ этомъ тайна того чуда, которое видится вѣрующими христіанами въ руководительствѣ судьбами народовъ Высшаго Промысла. Развѣ не видится вѣрующему это чудесное руководительство хотя бы въ избраніи на Царство Михаила Федоровича? Послушайте, какъ чисто въ духѣ міровоззрѣнія русскаго Православнаго народа отмѣчаетъ это Гоголь: „Какъ явно

тоже оказывается воля Бога—избрать для этого фамилію Романовыхъ, а не другую! Какъ непостижимо это возведеніе на престолъ никому неизвѣстнаго отрока. Тутъ же рядомъ стояли древнѣйшіе родомъ, и притомъ мужи доблести, которые только что спасли свое отечество: Пожарскій, Трубецкой, наконецъ князья, по прямой линіи происходившіе отъ Рюрика. Всѣхъ ихъ мимо произошло избраніе, и ни одного голоса не было противъ, никто не посмѣлъ предъявлять правъ своихъ! И случилось это въ то смутное время, когда всякій могъ вздорить и оспаривать, и набирать шайки приверженцевъ. И кого же выбрали. Того, кто приходился по женской линіи родственникомъ Царю, отъ котораго недавній ужасъ ходилъ по всей землѣ. И при всемъ томъ всѣ единогласно, отъ бояръ до послѣдняго бобыля, положили, чтобъ онъ былъ на престолѣ. Вотъ какія у насъ дѣлаются дѣла".

Не дивнымъ ли чудомъ руководящаго Промысла отмѣчается страшное сродство натуръ послѣдняго изъ Романовыхъ Николая II-го съ послѣднимъ изъ прямыхъ потомковъ династіи Калиты—Федоромъ Іоанновичемъ, и не дивно ли сходство обстоятельствъ царствованія этихъ двухъ Помазанниковъ Божьихъ, предшественниковъ великихъ внутреннихъ смутъ и раззореній земли русской! Оба Они исключительные образы простыхъ русскихъ людей громадной религіозной силы, насыщенной страстнымъ стремленіемъ служить Своему народу въ путяхъ безконечной Евангельской любви. Оба умны и мудры, но у обоихъ страшное превышеніе духовно-нравственныхъ побужденій надъ волей и характеромъ въ гражданско-политическихъ рѣшеніяхъ, у обоихъ отсутствіе этого равновѣсія является основаніемъ трагедіи царствованія. Оба становятся жертвами боярскихъ происковъ и вожделѣній. Обоимъ опредѣляются государственныя и личныя страданія изъ-за клеветы, которой боярство окружаетъ Ихъ Женъ, и оба, погибая для царствованія, порождаютъ величайшія внутреннія смуты въ Своихъ Государствахъ, какъ справедливыя искупленія вины „за общій земскій грѣхъ"... Не дивно ли это вѣрующимъ? Не чудо ли это руководительство Высшимъ Промысломъ судьбами народа нашего? Отвергать руководительство Промысломъ русскій христіанинъ не можетъ; страницы исторіи Русскаго Государства слишкомъ явно говорятъ о волѣ Промысла.

Волею Божественнаго Промысла листы скрижали съ завѣтомъ русскому народу были вручены Николаю Александровичу Романову и со скрижалями въ рукахъ Онъ сталъ Всероссійскимъ Самодержцемъ Императоромъ Николаемъ II-мъ, *Помазанникомъ Божьимъ земли русской*. „Добрый, хорошій, честный и чистый", говорили о Немъ свидѣтели на слѣдствіи, „Онъ никому не хотѣлъ зла". Съ открытымъ сердцемъ, съ горячей любовью Онъ шелъ на встрѣчу всему, ко всему и ко всѣмъ: къ приближенному царедворцу, и къ простому крестьянину и рабочему; къ беззавѣтному служенію на благо Богомъ ввѣреннаго Ему народа, и къ огражденію святыни врученнаго Ему великаго завѣта; къ выполненію долга Самодержца и Верховнаго Правителя Государства, и къ возможности поговорить за-просто, слиться, утѣшить и помочь простому человѣку. Здѣсь, въ духовномъ побужденіи подходить ко всему по путямъ Евангельской любви, Онъ былъ силенъ, самостоятеленъ и постояненъ. Движущая сила любви въ побужденіяхъ была такъ величественна и высока, что часто окружавшіе Его приближенные, придворные, министры, общественные и политическіе дѣятели, стоявшая *„внизу собратья"*, не понимали руководившихъ Государемъ импульсовъ, не были способны постигнуть истину и чистоту Его побужденій. *Въ духовномъ свойствѣ Своихъ желаній Онъ былъ могучъ, великъ и Самодержавенъ въ полной мѣрѣ.*

„Всегда, бывало, когда обращаешься къ Нему за практическимъ разрѣшеніемъ какого-либо вопроса, обыкновенно *подумавъ*, Онъ отвѣчалъ: „какъ Жена, я Ее спрошу". Такъ отмѣчаетъ слѣдствіе свойства воли и характера Государя при практическомъ разрѣшеніи гражданскихъ и политическихъ вопросовъ жизни. Сила и широта Его духовныхъ побужденій не вмѣщались въ границахъ практическаго проявленія Имъ Своей воли и характера. Онъ сознавалъ это несоотвѣтствіе. Онъ чувствовалъ Свою слабость и искалъ опоры въ рѣшеніяхъ въ другихъ людяхъ. Императрица, раздѣлявшая съ Нимъ тайну Помазанничества, понимала Его до конца и силой Своей воли согласовала идею рѣшенія съ широтой и духовностью Его побужденій. Духъ и идея рѣшенія гармонировали и, когда исполненіе рѣшенія исходило только отъ Нихъ, гармонія, чисто звучавшая съ высоты престола, вызывала въ душѣ народа величественный трепетъ и пробуждала его духовныя силы на героиче-

скіе подвиги служенія своему государственному единенію. Такъ было, напримѣръ, въ день посѣщенія Государемъ Государственной Думы, такъ было на фронтѣ и въ деревнѣ въ день принятія Государемъ Верховнаго Главнокомандованія.

Но случаи возможности непосредственнаго проведенія Ими рѣшеній были очень рѣдки и малочисленны. Въ нихъ какъ бы проявлялись для вѣрующаго христіанина народа русскаго предупредительныя знаменія руководящаго Промысла Божія, указывавшія на единственные вѣрные пути къ источнику истины и славы Россійскаго Государства. Они затмились и забылись въ повседневной массѣ тѣхъ рѣшеній, которыя исходили отъ сотрудничества Государя съ другими людьми и приводились въ исполненіе нормальнымъ государственнымъ или общественнымъ порядкомъ. А въ этомъ сотрудничествѣ и въ этомъ исполненіи гармонія между духомъ, идеей и исполненіемъ не достигалась.

Почему?

Не ищите отвѣта человѣческаго, не ищите основаній причинъ въ безхарактерности и слабоволіи Государя, въ свойствахъ Самодержца-человѣка, не ищите ихъ въ качествахъ правительства, по опредѣленію Милюкова, „столь глупаго, столь безчестнаго, столь трусливаго и измѣнническаго“, не ищите ихъ въ мудрости или тупости, въ честности или безчестіи лидеровъ русской политической общественности или руководителей „революціоннаго творчества“ Государственной Думы, охарактеризовавшихъ себя собственными словами и своими минувшими дѣйствіями [1]).

---

[1]) „Я убѣжденъ, что Нашъ Государь Николай II будетъ безсмертенъ въ памяти народовъ и въ исторіи именно тѣмъ, что Онъ ввелъ наше государство въ семью государствъ конституціонныхъ“ (Гучковъ, 1909 г.); „Мы избраны самою передовою частью населенія Россійской Имперіи, и уже по одному этому мы должны представлять не только узкіе мѣстные и групповые интересы, но и интересы всего государства“ (Милюковъ, 1909 г.); „Имѣю честь явиться къ вашему высокопревосходительству. Я нахожусь въ вашемъ распоряженіи. Какъ и весь народъ, я желаю блага Россіи. Сегодня утромъ я обратился ко всѣмъ солдатамъ гвардейскаго экипажа, разъяснилъ имъ значеніе происходящихъ событій и теперь могу заявить, что весь гвардейскій флотскій экипажъ въ полномъ распоряженіи Государственной Думы“ (В. К. Кириллъ Владиміровичъ, 1 марта, 4 ч. 15 м. дня, 1917 г.); „Вслѣдствіе полнаго разстройства транспорта и отсутствія подвоза необходимымъ матеріаловъ остановились заводы и фабрики. Вынужденная безработица и крайнее обостреніе продовольственнаго кризиса, вызваннаго тѣмъ же разстройствомъ транспорта, довели

Основанія причинъ не въ воли и власти человѣческой... Онѣ принадлежатъ *волѣ Бога, лежатъ въ Промыслахъ Всевышняго Творца и руководятся Имъ. Это тайна Божественной Мудрости,* которая непостижима для ума человѣка и принимается имъ вѣрою въ начало всего отъ Единаго Бога.

И этой Высшей Мудростью было опредѣлено нести скрижали Божественнаго завѣта русскаго народа Николаю Александровичу Романову, именно таковому по свойствамъ, качествамъ и натурѣ, каковымъ Онъ былъ въ своей жизни и въ своемъ государственномъ служеніи народу „всея

народныя массы до полнаго отчаянія. Это чувство еще обострилось той ненавистью къ правительству и тѣми тяжкими подозрѣніями противъ власти, которыя глубоко запали въ народную душу. Все это вылилось въ народную смуту стихійной силы, а къ этому движенію присоединяются теперь и войска" (группа выборныхъ членовъ Государственнаго Совѣта, 27-го февраля 1917 г.); „Основнымъ лозунгомъ момента является упраздненіе старой власти и замѣна ея новой. Въ дѣлѣ осуществленія этого Государственная Дума приметъ живѣйшее участіе" (Родзянко, 27 февраля, 1 ч. дня, 1917 г.); „Весь народъ сейчасъ заключилъ одинъ прочный союзъ противъ самаго страшнаго нашего врага, болѣе страшнаго, чѣмъ врагъ внѣшній, противъ стараго режима" (Керенскій, 28 февраля 1917 г.); „Прежде всего, православные воины, позвольте мнѣ, какъ старому военному, поздороваться съ вами: Здравствуйте молодцы!" (Родзянко, 28 февраля 1917 г.); „Да будетъ памятенъ этотъ день во вѣки вѣковъ" (сказалъ священникъ Поповъ 2-й, благословляя крестомъ революціонныя войска 28 февраля); „Въ послѣднее время въ столицѣ и другихъ большихъ центрахъ обнаружилось ослабленіе подвоза продовольствія по желѣзнымъ дорогамъ. Это ослабленіе было въ значительной мѣрѣ временнымъ и вызывалось неблагопріятными условіями погоды и переутомленіемъ служебнаго персонала... За послѣдніе дни однихъ хлѣбныхъ грузовъ ежедневно грузится свыше двухъ милліоновъ пудовъ... За 26-е февраля одной муки прибыло 123 тысячи пудовъ... Такимъ образомъ теперь уже нѣтъ никакихъ основаній тревожиться за обезпеченность столицы продовольствіемъ" (изъ воззванія комиссара Бубликова 28-го февраля); „Признать власть Исполнительнаго Комитета Государственной Думы впредь до созыва учредительнаго собранія" (Предсѣдатель собранія офицеровъ Петрограда полковникъ Защукъ, 1 марта 1917 г.); „Азъ есмь съ вами до скончанія вѣка. Аминь. Настало время, когда православное всероссійское духовенство должно подать свой голосъ въ великомъ народномъ движеніи на пути къ свѣту, правдѣ, братской любви и свободѣ. Православное духовенство Петрограда и всей России призывается къ единенію съ народомъ. Промедленіе угрожаетъ православію гнѣвомъ народа" (Воззваніе пастырей, подписанное братствомъ оо. дьяконовъ города Петрограда); „Я слышу, меня спрашиваютъ—Кто васъ выбралъ?

земли". Созданный по человѣческой природѣ для семейной жизни, Государь, какъ человѣкъ, желалъ только одного— жить въ Своей Семьѣ покойной жизнью семьянина, и принялъ тяжелый крестъ, назначенный Ему Богомъ, съ полной покорностью и съ твердой вѣрой въ силу и руководительство всѣмъ Божьяго Промысла; сознавая Свою человѣческую слабость и немощность, Онъ по Своей духовной силѣ и вѣрѣ ни разу не возроптaлъ:

„О Боже! зачѣмъ поставилъ Ты меня Царемъ!"

Въ несоотвѣтствіи величественныхъ духовныхъ побужденій „Боговидца по небесной любви" съ слабостями и не-

---

Насъ никто не выбиралъ, ибо если бы мы стали дожидаться народнаго избранія, мы не могли бы вырвать власть изъ рукъ врага. Пока мы спорили бы о томъ, кого выбирать, врагъ успѣлъ бы организоваться и побѣдить и васъ, и насъ. Насъ выбрала русская революція. Такъ посчастливилось, что въ минуту, когда ждать было нельзя, нашлась такая кучка людей, которая была достаточно извѣстна народу своимъ политическимъ прошлымъ и противъ которой не могло быть и тѣни тѣхъ возраженій, подъ ударами которыхъ пала старая власть" (изъ рѣчи Милюкова о новомъ правительствѣ, 2-го марта, 3 ч. дня, 1917 г.); „Тяжелое переходное время кончилось. Временное Правительство образовано. Народъ совершилъ свой гражданскій подвигъ и передъ лицомъ грозящей родинѣ опасности свергнулъ старую власть. Новая власть, сознавая свой отвѣтственный долгъ, приметъ всѣ мѣры къ обезпеченію порядка, основаннаго на свободѣ, и къ спасенію страны отъ разрухи внѣшней и внутренней. Неизбѣжное замѣшательство, къ счастью весьма кратковременное, приходитъ къ концу. Граждане страны! Въ первую очередь граждане взволнованной событіями столицы должны вернуться къ спокойной трудовой жизни. Къ нормальной жизни должны вернуться и войска. Бдительная охрана ими новаго порядка возможна и особенно цѣнна, когда войска будутъ готовы по первому зову правительства явиться, куда надобность укажетъ... 4-го марта назначить парадъ войскамъ Петроградскаго гарнизона, который приметъ Временное Правительство" (Приказъ Временнаго Комитета Государственной Думы, 2 марта 1917 г.); „Товарищи! довѣряете ли вы мнѣ? Я говорю, товарищи, отъ всей глубины моего сердца, я готовъ умереть, если это будетъ нужно. Товарищи, въ виду организаціи новаго правительства, я долженъ былъ немедленно, не дожидаясь вашей формальной санкціи, дать отвѣтъ на сдѣланное мнѣ предложеніе занять постъ министра юстиціи. Товарищи, въ моихъ рукахъ находились представители старой власти, и я не рѣшился выпустить ихъ изъ своихъ рукъ... Товарищи, время не ждетъ, дорога каждая минута, и я призываю васъ къ организаціи, къ дисциплинѣ, къ оказанію поддержки намъ, вашимъ представителямъ, готовымъ умереть для народа и отдавшимъ всю свою жизнь народу" (изъ заявленія Керенскаго въ совѣтѣ рабочихъ депутатовъ, 3 марта 1917 г.).

совершенствами человѣческой натуры крылись основанія той страшной душевной борьбы, которую пережилъ Государь въ часы, предшествовавшіе отреченію. Обстановка послѣднихъ двухъ сутокъ, поставившая Его въ положеніе полнаго душевнаго и физическаго одиночества, оторвавшая и изолировавшая Его не только отъ непосредственнаго соприкосновенія, но и отъ возможности сношенія съ близкими и дорогими Ему людьми, постепенно лишала Его надежды справиться со своей внутренней неуравновѣшенностью, которую Онъ такъ хорошо чувствовалъ и сознавалъ въ Себѣ и которой мучился и страдалъ всю Свою жизнь. Это не было страданіе за Себя, за судьбу и участь Своихъ близкихъ, безконечно и горячо любимыхъ Жены, Дѣтей; нѣтъ, надъ всѣми Его чувствами къ Своей Семьѣ, къ Своему Сыну, преобладало одно, сильнѣйшее и всеобъемлющее чувство, чувство любви къ Россіи, къ ввѣренному Ему Богомъ народу. Онъ страдалъ за страданія всѣхъ Своихъ подданныхъ, за страданія, которыя, по сознанію слабости своей воли, могли быть созданы Россіи, народу Имъ самимъ; Онъ смертельно болѣлъ въ этомъ сознаніи ужасомъ отвѣтственности за нихъ передъ Богомъ, ужасомъ Своего безсилія избавить, облегчить ихъ страданія, всецѣло перелить ихъ на Себя. Онъ страдалъ какъ человѣкъ, но по Его духовному совершенству страданія были сверхъ-человѣческими, „о которыхъ и помыслить не умѣетъ стоящій внизу человѣкъ", какъ говоритъ Гоголь.

Созданная вокругъ Него искусственная обстановка „всенародной революціи" противъ Него, кровавыя свѣдѣнія о будто бы кошмарныхъ событіяхъ, развивавшихся въ столицѣ, ея окрестностяхъ и въ другихъ городахъ государства, распускавшіяся по линіямъ желѣзныхъ дорогъ тревожныя, паническія донесенія и доклады Ему представителей революціонизировавшихся придворныхъ, приближенныхъ, общественныхъ и политическихъ дѣятелей, представленія соблазнившагося „общественнымъ увлеченіемъ" высшаго командного состава, все и всё, со всѣхъ сторонъ, создавали въ Его воображеніи развертывающуюся картину анархіи, охватывавшую горячо любимый Имъ народъ и постепенно все больше и больше разроставшуюся, углублявшуюся, грозившую залить весь тылъ страны, перекинуться на фронтъ и лишить государство всякой возможности продолжать внѣшнюю борьбу. И по мѣрѣ того, какъ въ представленіи Го-

сударя разросталась картина охватывавшей страну анархіи, въ Немъ безпредѣльно разросталось пламя „небесной“ любви къ Своему народу, могучей волной расширяя духовныя побужденія и желанія спасти Его, остановить анархію, направить его снова по руслу мира, благоденствія и славы къ тому Свѣту, изъ источниковъ Котораго питалась Его собственная великая любовь къ Своему народу. Чтобы излить народу Свою любовь, Государь былъ готовъ на все, готовъ пожертвовать Собой, пожертвовать самымъ дорогимъ для Себя—Своей Семьей, Своимъ Сыномъ, пожертвовать жизнью Своей и жизнью Своей любимой, дорогой Семьи. Не было въ Немъ житейскихъ предѣловъ, человѣческихъ рамокъ, которые могли бы вмѣстить въ себѣ силу, чистоту и широту той нечеловѣческой любви къ ближнему, которая въ эти часы начала Его агоніи исходила и излучивалась изъ величественности духовныхъ побужденій Его Самодержавія и Его Помазанничества отъ Бога.

И сознавая Свою человѣческую слабость, Свою немощность найти соотвѣтственное рѣшеніе, Онъ смертельно томился и непостижимо мучился въ душевной борьбѣ и безнадежномъ одиночествѣ этихъ ужасныхъ часовъ...

На то была Господня Воля.

Рѣшеніе, не соотвѣтствовавшее ни Его духовнымъ стремленіямъ, ни стремленіямъ Богомъ даннаго Ему народа, создали люди: Рузскій, Родзянко, Алексѣевъ, Гучковъ, Милюковъ, Керенскій, Голицынъ, Великіе Князья и сотни, тысячи другихъ „собратій“ интеллигентнаго круга, которые не въ состояніи были понять Его, но кои въ созданіи рѣшенія были руководимы волею Промысла Всевышняго. Тѣ же люди были причиною и тѣхъ колебаній въ рѣшеніи, которыя предшествовали акту отреченія и которыя наблюдались въ первые часы за нимъ, когда Государь хотѣлъ измѣнить преемственность власти и снова склонялся на передачу престола Сыну. Все это не измѣняетъ основного положенія—*диктуемыя формы не соотвѣтствовали духу Помазанника.*

2-го марта въ 3 часа 3 минуты дня, еще до пріѣзда въ Псковъ комиссаровъ Гучкова и Шульгина, Государь подписалъ актъ объ отреченіи, въ которомъ рѣжущей яркостью сверкаетъ несоотвѣтствіе отразившихся въ немъ величественныхъ духовныхъ побужденій съ вынужденной отъ Него идеей и формой рѣшенія:

„Въ дни великой борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать Россіи новое тяжкое испытаніе. Начавшіяся внутреннія народныя волненія грозятъ бѣдственно отразиться на дальнѣйшемъ веденіи упорной войны. Судьба Россіи, честь геройской Нашей арміи, благо народа, все будущее дорогого Нашего отечества требуетъ доведенія войны во что бы то ни стало до побѣднаго конца. Жестокій врагъ напрягаетъ послѣднія силы, и уже близокъ часъ, когда доблестная армія Наша, совмѣстно со славными нашими союзниками, сможетъ окончательно сломить врага. Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи почли Мы долгомъ совѣсти облегчить народу Нашему тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды и, въ согласіи съ Государственной Думой, признали Мы за благо отречься отъ престола Государства Россійскаго и сложить съ себя Верховную власть. Не желая разстаться съ любимымъ сыномъ Нашимъ, Мы передаемъ наслѣдіе Наше Брату Нашему Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляемъ его на вступленіе на престолъ Государства Россійскаго. Заповѣдуемъ Брату Нашему править дѣлами Государственными въ полномъ и ненарушимомъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ на тѣхъ началахъ, кои будутъ ими установлены (принеся въ томъ ненарушимую присягу [1]). Во имя горячо любимой родины призываемъ всѣхъ Нашихъ вѣрныхъ сыновъ отечества къ исполненію своего святого долга передъ нимъ, повиновеніемъ Царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытаній помочь Ему, вмѣстѣ съ представителями народа, вывести Государство Рос-

---

[1]) Слова въ скобкахъ вписаны послѣ бесѣды съ комиссарами.

сійское на путь побѣды, благоденствія и славы. Да поможетъ Господь Богъ Россіи".

Но еще ярче блеснуло указанное несоотвѣтствіе въ послѣднемъ приказѣ Императора 8-го марта къ Своимъ войскамъ:

„Въ послѣдній разъ обращаюсь къ вамъ, горячо любимыя мною войска.

Послѣ отреченія Моего за Себя и за Сына Моего отъ престола Россійскаго, власть передана Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможетъ ему Богъ вести Россію по пути славы и благоденствія. Да поможетъ Богъ и вамъ, доблестныя войска, отстоять нашу Родину отъ злого врага. Въ продолженіи двухъ съ половиной лѣтъ вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролито крови, много сдѣлано усилій, и близокъ часъ, когда Россія, связанная со своими доблестными союзниками однимъ общимъ стремленіемъ къ побѣдѣ, сломитъ послѣднее усиліе противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной побѣды.

Кто думаетъ теперь о мирѣ, кто желаетъ его—тотъ измѣнникъ Отечества, его предатель. Знаю, что каждый честный воинъ такъ мыслитъ. Исполняйте же вашъ долгъ, защищайте доблестно нашу Великую Родину, повинуйтесь Временному Правительству, слушайтесь вашихъ начальниковъ, помните, что всякое ослабленіе порядка службы только на руку врагамъ.

Твердо вѣрю, что не угасла въ вашихъ сердцахъ безпредѣльная любовь къ нашей Великой Родинѣ. Да благословитъ васъ Господь Богъ и да ведетъ васъ къ побѣдѣ Святой Великомученикъ и Побѣдоносецъ Георгій".

Любовью, любовью, безконечною любовью къ Родинѣ и Своему народу дышатъ эти оба историческіе акта и больно дѣлается за широкую, всепрощающую и умиротворяющую любовь, втиснутую въ рамки жалкой, потрепанной, европейской, человѣческой формишки. Какъ-то читая изъ сердца выходящія слова Царя, чувствуется уже по однимъ этимъ документамъ, что великая любовь не могла удержаться въ узенькихъ рамочкахъ человѣческаго измышленія и избытокъ ея долженъ былъ вырваться изъ загражденій, созданныхъ людьми для Россійскаго Государства, и могучимъ потокомъ докатиться до дальнихъ, глухихъ селъ и деревень страны, до сердецъ простого крестьянина и простого русскаго че-

ловѣка, и вызвать въ нихъ бурный и гнѣвный протестъ противъ тѣхъ временныхъ вершителей, которые своими „образцовыми“ рамками хотѣли лишить народъ русскій благости, святости и чистоты этой великой, „небесной“ любви своего Помазанника и Боговидца.

Всей слабостью и немощностью своего человѣческаго существа Царь чувствовалъ несоотвѣтственность рѣшенія и Свой великій, но Промысломъ положенный Ему нести, грѣхъ. Онъ чувствовалъ, что въ совершившемся рѣшеніи только начало отверженія Себя во имя будущаго спасенія народа, начало того рѣшенія, которое въ конечной послѣдовательности вмѣститъ въ себѣ полностью всю силу и широту духовнаго побужденія отдать всего Себя и всѣхъ Своихъ на благо и славу Великой Родины. Онъ чувствовалъ и вѣрилъ, что милость Промысла Божьяго, потребовавъ отъ Него еще большихъ испытаній, дастъ Ему возможность въ Своей Голгофѣ вмѣстить наконецъ безпредѣльность любви къ народу и вернуть ему снова скрижали Божественнаго завѣта.

Съ этой вѣрою и мыслью Онъ понесъ разбитыя скрижали по тернистому, тяжелому пути Своей агоніи къ свѣтлому воскресенію Помазанника Божья русскаго народа „всея земли“, въ Свой судный земной день жизни, 17-го іюля 1918 года.

Послѣ отреченія, пославъ короткую записку Государынѣ съ извѣщеніемъ объ отреченіи и съ призывомъ покориться въ будущемъ всему, Государь, не медля, вернулся въ Ставку, въ Могилевъ. Всѣ Его мысли были полны тѣмъ, какъ примутъ войска фронта государственную перемѣну, вызванную Его отреченіемъ; Онъ хотѣлъ быть ближе къ нимъ на случай необходимости подкрѣпленія съ Его стороны принятаго рѣшенія, если бы въ войскахъ начались смуты. Въ глубинѣ души кромѣ того Онъ страстно жаждалъ, чтобы Ему позволили продолжать служеніе въ рядахъ арміи, какъ простому сыну своего Отечества, какъ первому, готовому на дѣлѣ показать вѣрность новой власти, лишь бы власть эта смогла довести Россію до побѣднаго конца. Онъ не представлялъ себѣ, конечно, въ чемъ выразится испытаніе, которое будетъ Ему ниспослано Промысломъ Божьимъ, но искалъ путей Его, и это стремленіе продолжать свое человѣче-

ское служеніе Своему народу являлось побужденіемъ развить принятое рѣшеніе, дабы найти выходъ клокотавшей въ Немъ любви къ Своей Родинѣ и идти навстрѣчу путямъ Промысла, какъ подсказывало Ему Его чистое и честное сердце. Онъ ни минуты не думалъ о томъ, чтобы покинуть предѣлы Россіи, какъ дѣлали въ Его положеніи отрекавшіеся Цари европейскихъ конституціонныхъ государствъ. Мысль эта была Ему чужда, такъ какъ Онъ долженъ былъ бы въ этомъ случаѣ порвать со Своимъ народомъ, а это въ религіозно-нравственномъ отношеніи совершенно не вмѣщалось въ существѣ Государя, какъ сына Своей Отчизны и какъ русскаго человѣка, отмѣченнаго Богомъ въ Помазанничествѣ на царство. Онъ допустилъ Себя до отреченія отъ престола, до отказа отъ Верховной власти, но не въ Его силахъ и власти было *снять Божественное отличіе,* и весь остатокъ Своей жизни, гдѣ бы Онъ ни находился, при какихъ бы условіяхъ ни протекала Его тяжелая жизнь, Онъ продолжалъ ясно чувствовать *Помазанничество,* относился къ людямъ съ чувствомъ величайшей любви, милости и прощенія, вытекавшими изъ этого высокаго значенія, и сохранилъ святость и готовность служенія Своему народу до послѣдняго момента жизни, до послѣдняго предсмертнаго вздоха.

Какъ отреченіе Государя, такъ и послѣдующая судьба Его, руководимыя Промысломъ Божьимъ, исходили не отъ воли Его, Боговидца, а отъ воли людей, исповѣдывавшихъ славу и власть отъ человѣковъ. Чудно для будущей исторіи Россіи сложилась дѣятельность и судьба этихъ людей, возомнившихъ въ гордынѣ своей, какъ въ древности Израиль, возможнымъ вступить на путь Богоборства въ задачѣ своими человѣческими законами вести народъ къ славѣ и величію. Съ ними повторилось то же, что постигало и руководителей Богоборства древняго Израиля—вмѣсто свободныхъ гражданъ они стали рабами своего „гражданства“.

Въ то время какъ Гучковъ еще не остылъ отъ тріумфальнаго привоза въ столицу конституціонной хартіи и торжествовалъ, лелѣя въ себѣ сладкія грезы о славѣ отъ человѣковъ, члены уже успѣвшаго создаться Временнаго Правительства и Исполнительнаго Комитета, въ смертельномъ трепетѣ за сохраненіе какого-либо единенія „во имя спасенія животишекъ“, уже вынуждены были отречься и отъ царствованія Михаила Александровича и отъ всякихъ

опредѣленныхъ, не только конституціонныхъ, но всякихъ иныхъ государственно-гражданскихъ положеній и принциповъ основанія власти. Милюковъ и прибывшій на совѣщаніе Гучковъ пытались протестовать, громили уступчивость своихъ коллегъ, клеймили преступностью соціалистическія увлеченія крайностями, но чувствуя, что и на этотъ разъ столь желанная власть уходитъ изъ ихъ рукъ, не отказались принять портфели министровъ въ новомъ Кабинетѣ. Временное Правительство, безъ Царя и государственности, установилось *никѣмъ не выбранное, но допущенное милостью кумира дня—совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ,* о чемъ народъ былъ поставленъ въ извѣстность тоже двумя историческими актами (въ приложеніи).

Поздно вечеромъ 2-го марта съ трибуны Екатерининскаго зала новый министръ юстиціи А. Ф. Керенскій говорилъ солдатамъ и гражданамъ: „Товарищи, свободная Россія не будетъ прибѣгать къ тѣмъ позорнымъ средствамъ борьбы, которыми пользовалась старая власть. Безъ суда никто подвергнутъ наказанію не будетъ...“

Черезъ два съ половиною дня, къ вечеру 5-го марта Совѣтъ Министровъ постановилъ: арестовать бывшаго Царя, бывшую Царицу, всѣхъ ихъ Дѣтей и придворныхъ, которые пожелаютъ остаться при Нихъ, и заключить Ихъ всѣхъ подъ революціоннымъ карауломъ въ Александровскомъ дворцѣ. Причины этого непослѣдовательнаго поступка власти вытекали *изъ отсутствія власти у власти* - поступить съ Царской Семьей болѣе по европейски, и изъ необходимости удовлетворить требованіе совѣта с. и р. депутатовъ.

Это произошло именно 5-го марта, что опредѣленно подтверждается показаніемъ свидѣтеля Кобылинскаго: „5-го марта поздно вечеромъ мнѣ позвонили по телефону и передали приказаніе явиться немедленно въ штабъ Петроградскаго военнаго округа. Въ 11 часовъ я былъ въ штабѣ и узналъ здѣсь, что я вызванъ по приказанію генерала Корнилова (знаменитаго Корнилова, командовавшаго тогда военнымъ округомъ), къ которому и долженъ явиться. Когда я былъ принятъ Корниловымъ, онъ сказалъ мнѣ: „я Васъ назначилъ на отвѣтственную должность“. Я спросилъ Корнилова—„на какую?“ Генералъ мнѣ отвѣтилъ—„завтра сообщу“. Я пытался узнать у Корнилова, почему именно я назначенъ генераломъ на отвѣтственную должность, но получилъ отвѣтъ: „это Васъ не касается. Будьте готовы“. Попрощался и ушелъ.

На слѣдующій день 6-го марта я не получилъ никакихъ приказаній. Также прошелъ весь день 7-го марта. Я сталъ уже думать, что назначеніе мое не состоялось, какъ въ 2 часа ночи мнѣ позвонили на квартиру и передали приказъ Корнилова—быть 8-го марта въ 8 часовъ утра на Царскосельскомъ вокзалѣ. Я прибылъ на вокзалъ и увидѣлъ тамъ генерала Корнилова со своимъ адъютантомъ прапорщикомъ Долинскимъ. Корниловъ мнѣ сказалъ: „когда мы сядемъ съ вами въ купэ, я вамъ скажу о вашемъ назначеніи". Мы сѣли въ купэ. Корниловъ мнѣ объявилъ: „Сейчасъ мы ѣдемъ въ Царское Село. Я ѣду объявить Государынѣ, что Она арестована. Вы назначены начальникомъ Царскосельскаго гарнизона. Комендантомъ дворца назначенъ штабсъ-ротмистръ Коцебу. Но вы будете имѣть наблюденіе и за дворцомъ, и Коцебу будетъ въ вашемъ подчиненіи".

Временное Правительство безусловно имѣло стремленіе вывезти Царскую Семью за предѣлы Россіи; оно подходило къ этому вопросу, во-первыхъ, съ гуманитарной точки зрѣнія, и во-вторыхъ, въ цѣляхъ дискредитированія Государя въ глазахъ массы населенія, въ которой, какъ они хорошо сознавали, не смотря на усиленное распространеніе клеветнической, грязной агитаціи, продолжала жить духовная преданность своему Монарху и большое *недовѣріе къ „преимуществамъ представительнаго правленія"*. Но на пути этого стремленія стояли три препятствія: нежеланіе Государя оставлять Россію, болѣзнь всѣхъ Дѣтей и отношеніе къ вопросу совѣта с. и р. депутатовъ. Послѣдній, гдѣ предсѣдателемъ былъ Чхеидзе, а его товарищемъ министръ юстиціи Керенскій, настаивалъ на заключеніи Царя и Царицы въ Петропавловскую или Шлиссельбургскую крѣпость. Стремясь оградить Царскую Семью отъ послѣдняго и учитывая первыя два препятствія, Временному Правительству удалось договориться съ совѣтомъ на арестѣ и содержаніи Царской Семьи въ заключеніи въ Александровскомъ дворцѣ, разсчитывая, что быть можетъ впослѣдствіи, при упроченіи своей власти, удастся разрѣшить судьбу Царской Семьи въ болѣе благопріятномъ отношеніи.

Арестъ Государыни и Дѣтей въ Царскомъ Селѣ и Государя въ Могилевѣ было рѣшено произвести въ одинъ день 8-го марта. Генералъ Алексѣевъ разсказывалъ, что черезъ него Государь былъ предупрежденъ, что Временное Правительство признаетъ необходимымъ Его переѣздъ въ Царское

Село и, что для обезпеченія безопасности этого переѣзда, въ Могилевъ будутъ командированы делегаты отъ Правительства для сопровожденія поѣзда до Царскаго Села, гдѣ также охрану всей Царской Семьи Временное Правительство принимаетъ на себя.

Государь понялъ, что Его лишаютъ свободы, и съ полной покорностью принялъ рѣшеніе новой власти, почувствовавъ въ немъ даже нѣкоторое удовлетвореніе своему духовному состоянію. Больно Ему было только, какъ русскому человѣку, быть лишеннымъ права продолжать служить Своей Родинѣ въ рядахъ ея арміи, но въ этомъ лишеніи Онъ видѣлъ начало искупленія, которое преднамѣчалось Ему лично Промысломъ Всевышняго Творца. Генералъ Алексѣевъ говорилъ, что онъ поражался въ эти дни тѣмъ внутреннимъ покоемъ, которымъ, видимо, было проникнуто все существо Царя, который замѣтно волновался лишь тогда, когда съ фронта получались свѣдѣнія о какихъ-либо анти-дисциплинарныхъ явленіяхъ въ войскахъ. Онъ очень хотѣлъ дождаться пріѣзда въ Могилевъ назначеннаго Имъ Верховнымъ Главнокомандующимъ Великаго Князя Николая Николаевича, но это тоже Ему не удалось.

8-го марта утромъ въ Ставку прибыли командированные Временнымъ Правительствомъ комиссары: А. А. Бубликовъ, С. Т. Грибунинъ, И. И. Калининъ и В. М. Вершининъ для выполненія постановленія объ арестѣ Государя и перевозкѣ Его въ Царское Село. Лично къ Государю они не заявлялись и Его не безпокоили и ограничились сношеніями съ генераломъ Алексѣевымъ. Непосредственная ихъ дѣятельность выразилась въ формированіи поѣзда и отборѣ тѣхъ приближенныхъ лицъ, коимъ было предоставлено сопровождать Царя до Царскаго Села. Поѣздъ, въ составѣ 10 вагоновъ, былъ составленъ такимъ же образомъ, какъ обыкновенно составлялся Императорскій поѣздъ, съ той разницей, что десятымъ вагономъ, прицѣпленнымъ въ концѣ состава, былъ включенъ вагонъ комиссаровъ. Въ пути правительственные комиссары также не безпокоили Государя своими посѣщеніями. Изъ лицъ Свиты сопровождать Царя было разрѣшено: гофмаршалу князю В. А. Долгорукову, начальнику походной канцеляріи Свиты генералъ-маіору Нарышкину, флигель-адъютанту герцогу Лейхтенбергскому и флигель-адъютанту полковнику Мордвинову. Съ поѣздомъ ѣхалъ, кажется, и командиръ желѣзнодорожнаго батальона генералъ-маіоръ

Цабель. Фредериксу, Воейкову и Нилову сопровождать Государя комиссары не разрѣшили.

Передъ Своимъ отъѣздомъ изъ Ставки Государь пожелалъ проститься съ чинами Своего бывшаго штаба. По распоряженію генерала Алексѣева, весь офицерскій и классный составъ Ставки былъ собранъ и выстроенъ въ одной большой залѣ. Общее настроеніе всѣхъ уже было подавленнымъ. Государь вошелъ, сдѣлалъ общій поклонъ и обратился къ собраннымъ съ прощальнымъ словомъ. Къ сожалѣнію, повидимому, никто изъ присутствовавшихъ не записалъ тотчасъ же подлинныхъ словъ Государя и изслѣдованіе принуждено ограничиться выпиской изъ воспоминаній генерала Лукомскаго, вполнѣ впрочемъ въ этой части совпадающихъ съ разсказомъ объ этомъ эпизодѣ генерала Алексѣева.

„Государь вошелъ и, сдѣлавъ общій поклонъ, обратился къ намъ съ короткой рѣчью, въ которой сказалъ, что благо Родины, необходимость предотвратить ужасы междоусобицы и гражданской войны, а также создать возможность напрячь всѣ силы для продолженія борьбы на фронтѣ заставили Его рѣшиться отречься отъ престола въ пользу Своего Брата Великаго Князя Михаила Александровича; но что Великій Князь, въ свою очередь, отрекся отъ престола.

Государь обратился къ намъ съ призывомъ повиноваться Временному Правительству и приложить всѣ усилія къ тому, чтобы война съ Германіей и Австро-Венгріей продолжалась до побѣднаго конца.

Затѣмъ, пожелавъ всѣмъ всего лучшаго и поцѣловавъ генерала Алексѣева, Государь сталъ всѣхъ обходить, останавливаясь и разговаривая съ нѣкоторыми.

Напряженіе было очень большое; нѣкоторые не могли сдержаться и громко рыдали. У двухъ произошелъ истерическій припадокъ. Нѣсколько человѣкъ во весь ростъ рухнули въ обморокъ.

Между прочимъ одинъ старикъ конвоецъ, стоявшій близко отъ меня, сначала какъ-то странно застоналъ, затѣмъ у него начали капать изъ глазъ крупныя слезы, а затѣмъ, вскрикнувъ, онъ, не сгибаясь въ колѣняхъ, во весь свой большой ростъ, упалъ навзничь на полъ.

Государь не выдержалъ; оборвавъ Свой обходъ, поклонился и, вытирая глаза, быстро вышелъ изъ зала“.

Въ этотъ же день Государь издалъ Свой прощальный приказъ войскамъ фронта, упоминавшійся уже выше, и

простился съ пріѣзжавшей къ Нему въ Могилевъ Матерью, вдовствующей Императрицей Маріей Федоровной.

При отходѣ поѣзда изъ Могилева на вокзалъ собралось почти все офицерство и масса мѣстнаго населенія. Царила общая тишина; чувствовалось въ настроеніи собравшихся большое сочувствіе къ отъѣзжавшему Императору. Когда поѣздъ двинулся, почти всѣ сняли шляпы, а офицеры взяли подъ козырекъ. У многихъ видны были слезы; многіе крестили отходящій поѣздъ.

Государь стоялъ у окна Своего вагона и спокойно, но грустно кивалъ на прощаніе головой.

Поѣздъ отошелъ изъ Могилева въ 4 часа 53 минуты дня 8-го марта, всего на 53 минуты позже, чѣмъ въ Царскомъ Селѣ закрылись ворота за выѣхавшимъ изъ дворца генераломъ Корниловымъ, арестовавшимъ по Постановленію Временнаго Правительства Государыню и Царскихъ Дѣтей.

Трагедія Дома Романовыхъ закончилась и началась агонія Царской Семьи Императора Николая II-го.

Поѣздъ съ арестованнымъ Царемъ слѣдовалъ черезъ Витебскъ, Гатчино, Александровскую и по Царской вѣткѣ прибылъ въ павильонъ Царскаго Села 9-го марта въ 11 часовъ 30 минутъ утра.

Въ пути Государь выходилъ изъ Своего отдѣленія только въ столовую въ часы ѣды. Остальное время Онъ проводилъ въ думахъ у Себя, изрѣдка бесѣдуя съ однимъ княземъ Долгоруковымъ. Съ послѣднимъ Государя связывали, повидимому, болѣе глубокія и серьезныя чувства, чѣмъ простая приближенность по служебной дѣятельности и вѣрноподданническому отношенію князя къ Императору. Это сказалось особенно какъ въ послѣдовавшей жизни Царя и Долгорукова въ состояніи арестованныхъ, такъ и въ одинаковой со всей Царской Семьей участи, постигшей Долгорукова. Во всякомъ случаѣ преданность Долгорукова была столь исключительной, что можетъ быть поставлена въ примѣръ остальнымъ приближеннымъ, сопровождавшимъ Царя въ Его переѣздъ изъ Могилева въ Царское Село.

Утромъ 9-го марта, передъ подходомъ поѣзда къ Царскому Селу, Государь собралъ всѣхъ сопровождавшихъ Его придворныхъ и обратился къ нимъ съ прощальнымъ словомъ. Онъ благодарилъ ихъ за вѣрную прошлую службу,

указалъ на необходимость безпрекословно подчиниться и повиноваться новому Временному Правительству и, пожелавъ каждому добра въ дальнѣйшей жизни, закончилъ словами: „До свиданія... Прощайте!“

Въ послѣднемъ словѣ Царь какъ бы открывалъ имъ правду Своихъ мыслей и Своего предчувствія. Онъ не захотѣлъ въ послѣднюю минуту обманывать ни Себя, ни Своихъ приближенныхъ. Онъ чувствовалъ, что „прощайте“ будетъ болѣе соотвѣтствовать истинѣ, почему сейчасъ же слѣдомъ обнялъ и поцѣловалъ каждаго, и не только Своихъ приближенныхъ, но и каждаго изъ прислуги, обслуживавшей Его поѣздъ въ пути.

Почти сейчасъ же поѣздъ подошелъ къ дебаркадеру Царскосельскаго павильона. Государь позвалъ Долгорукова и направился къ выходу. Онъ былъ одѣтъ въ этотъ день въ черкеску 6 Кубанскаго казачьяго пластунскаго батальона, въ черной папахѣ и пурпурномъ башлыкѣ на плечахъ. На поясѣ висѣлъ кавказскій кинжалъ, а на груди—орденъ Св. Георгія.

Для встрѣчи поѣзда прибылъ на вокзалъ новый начальникъ гарнизона полковникъ Кобылинскій. По его свидѣтельству на встрѣчѣ больше никого не было. По разсказамъ же комиссаровъ, сопровождавшихъ поѣздъ, на перронѣ присутствовалъ еще прапорщикъ Вачнадзе отъ мѣстнаго совѣта с. и р. депутатовъ. По поводу этой встрѣчи полковникъ Кобылинскій между прочимъ отмѣчаетъ:

„Я не могу забыть одного явленія, которое я наблюдалъ въ то время; въ поѣздѣ съ Государемъ ѣхало много лицъ Свиты. Когда Государь вышелъ изъ вагона, эти лица посыпались на перронъ и стали быстро-быстро разбѣгаться въ разныя стороны, озираясь по сторонамъ, видимо, проникнутыя чувствомъ страха, что ихъ узнаютъ. Прекрасно помню, что такъ удиралъ тогда начальникъ походной канцеляріи Императора генералъ-маіоръ Нарышкинъ и, кажется, командиръ желѣзнодорожнаго батальона генералъ-маіоръ Цабель. Сцена эта была весьма некрасива“. А камердинеръ Ея Величества Волковъ, встрѣтившій Государя уже во дворцѣ, добавляетъ: „По званію и по должности наиболѣе близкими къ Государю лицами были: гофмаршалъ Долгоруковъ, оберъ-гофмаршалъ Бенкендорфъ, флигель адъютанты Нарышкинъ, Мордвиновъ, Саблинъ и герцогъ Лейхтенбергскій.

„Нарышкинъ, Мордвиновъ и Лейхтенбергскій были въ поѣздѣ Государя, когда Его Величество пріѣхалъ въ Царское Село послѣ отреченія отъ престола. Пріѣхавъ во дворецъ, Государь спросилъ меня про Мордвинова и Лейхтенбергскаго: „пріѣхали ли они?“ Я побѣжалъ и спросилъ объ этомъ Бенкендорфа. Бенкендорфъ мнѣ сказалъ: „не пріѣхали и не пріѣдутъ“. Я передалъ его слова Государю. Онъ не подалъ никакого вида и только сказалъ: „хорошо“. А Мордвиновъ былъ однимъ изъ любимыхъ Государемъ флигель-адъютантовъ.

„Такимъ же любимымъ флигель-адъютантомъ былъ Саблинъ. Когда въ дни переворота ко дворцу стали стягивать войска и пришелъ гвардейскій экипажъ, въ составѣ котораго находился и Саблинъ, я видѣлъ почти всѣхъ офицеровъ экипажа. Но Саблинъ не явился и больше Царской Семьѣ не показался“.

Грустно и стыдно отмѣчать подобныя явленія, но они слишкомъ общи для того больного времени. Для историческаго изслѣдованія они характерны въ томъ отношеніи, что ни разу, никто изъ остававшихся при Царской Семьѣ во время Ея ареста и заключенія приближенныхъ не слыхалъ ни отъ Государя, ни отъ Государыни, ни отъ кого-либо изъ Дѣтей, слова упрека, порицанія или осужденія этимъ людямъ за ихъ отношеніе къ Государю съ момента Его отреченія отъ власти. Это же явленіе характерно и при оцѣнкѣ того страшнаго одиночества духа и мысли, въ которомъ находился Государь въ Своемъ *идейномъ и духовномъ служеніи* Самодержавной русской власти и благу русскаго народа, несмотря на сонмъ окружавшихъ тронъ блестящихъ „вѣрноподданныхъ“ царедворцевъ. И нѣтъ никакихъ основаній полагать, что какія-либо другіе люди изъ тогдашнихъ интеллигентныхъ слоевъ были бы иными, лучшими, болѣе духовными, сознательными и искренними. Нѣтъ основаній относить это явленіе къ неумѣлому выбору Государемъ своихъ приближенныхъ; изъ массы иными оказались бы можетъ быть только единицы, которыя могли бы честно умереть вмѣстѣ съ Царемъ, какъ и погибли Боткинъ, Долгоруковъ и Татищевъ, а остальные были бы не лучше бывшихъ на лицо. Дни переворота говорятъ объ этомъ сами за себя.

На перронѣ къ полковнику Кобылинскому подошли два представителя Временнаго Правительства, изъ числа сопровождавшихъ Государя, изъ коихъ одинъ былъ членъ Государственной Думы Вершининъ, и объявили ему, что ихъ миссія кончена и что они передаютъ Государя ему, Кобылинскому. Императоръ вышелъ изъ вагона и очень быстро, не смотря ни на кого, прошелъ по перрону и сѣлъ въ ожидавшій Его придворный автомобиль. Съ Нимъ рядомъ помѣстился гофмаршалъ князь Долгоруковъ, причислившій себя добровольно къ арестованнымъ. Вслѣдъ за Государемъ, на другомъ автомобилѣ, поѣхалъ полковникъ Кобылинскій.

Въ это время у воротъ Александровскаго дворца собрались офицеры новой революціонной охраны и взводъ отъ несшаго въ этотъ день охрану 1-го стрѣлковаго гвардейскаго запаснаго полка во главѣ съ выборнымъ командиромъ полка капитаномъ Аксютой. Всѣ были съ красными бантами, а нѣкоторые имѣли и красныя ленты черезъ плечо.

Автомобиль съ Государемъ и Долгоруковымъ подошелъ къ закрытымъ и окарауливаемымъ воротамъ. Изъ группы офицеровъ выдвинулся впередъ дежурный офицеръ прапорщикъ Вѣринъ и громко скомандовалъ часовымъ у воротъ:

„Открыть ворота бывшему Царю“.

Ворота открылись и, пропустивъ автомобиль, закрылись.

Безволіемъ и безсиліемъ руководителей государственнаго переворота добровольно отрекшійся отъ престола Императоръ сталъ *государственнымъ преступникомъ и узникомъ,* и благодаря тому же безволію и безсилію новой революціонной Всероссійской власти открылся неизбѣжный и логическій путь для всей Царской Семьи *къ конечному его предѣлу—кровавому злодѣянію въ Ипатьевскомъ домѣ.*

Государь вышелъ изъ автомобиля и, проходя мимо капитана Аксюты, поздоровался:

„Здравствуйте“.

„Здравствуйте, господинъ полковникъ“, отвѣтилъ командиръ революціоннаго полка.

Русскій сознательный революціонеръ не признавалъ Императора, но признавалъ отрекшагося Императора членомъ арміи, полковникомъ. Это яркій образецъ безграмотности сознательныхъ исполнителей революціи изъ тогдашняго, такъ называемаго, интеллигентнаго класса. Государь до Своего отреченія былъ такимъ же полковникомъ арміи,

какъ и подпоручикомъ, какъ и фельдмаршаломъ. Онъ былъ Верховнымъ вождемъ арміи, а полковничьи погоны носилъ только потому, что не хотѣлъ разставаться со званіемъ флигель-адъютанта Своего Отца. Послѣ же Своего отреченія отъ престола и сложенія съ Себя Верховной власти Онъ могъ стать только русскимъ гражданиномъ, безъ всякаго чина въ „гражданскомъ" и человѣческомъ понятіи, и во всякомъ случаѣ *не полковникомъ революціонной арміи*, къ каковой принадлежалъ капитанъ Аксюта.

Только посмотрѣвъ внимательно на Аксюту, Государь, не останавливаясь, поднялся на крыльцо и прошелъ на Дѣтскую половину. Здѣсь, въ первой же комнатѣ, Его встрѣтила Государыня.

Мужъ и Жена обнялись, поцѣловались и на минуту застыли. Ни слова между Ними, пока Они стояли обнявшись въ этой комнатѣ, сказано не было. Въ эти первыя мгновенія встрѣчи, послѣ столько пережитого, Они были только счастливы Своимъ соединеніемъ, радостью найти другъ друга живыми, и тихая, благодарная Богу улыбка озарила свѣтомъ Ихъ измученныя, истрадавшіяся лица.

Обнявшись, также молча, Они прошли въ комнату Дѣтей.

ГЛАВА IV.

Въ заключеніи. Низложенный Царь и революціонный народъ.

Съ пріѣздомъ Государя Императора въ Царское Село, въ заключеніи въ Александровскомъ дворцѣ оказались слѣдующія лица:

Государь Императоръ Николай Александровичъ,
Государыня Императрица Александра Федоровна,
Наслѣдникъ Цесаревичъ Алексѣй Николаевичъ,
Великая Княжна Ольга Николаевна,
Великая Княжна Татьяна Николаевна,
Великая Княжна Марія Николаевна,
Великая Княжна Анастасія Николаевна,
Оберъ-гофмейстерина Елизавета Алексѣевна Нарышкина,
Фрейлина графиня Анастасія Васильевна Гендрикова,
Фрейлина баронесса Софія Карловна Буксгевденъ,

Гофъ-лектриса Екатерина Адольфовна Шнейдеръ,

Гофмаршалъ князь Василій Александровичъ Долгоруковъ,

Оберъ гофмаршалъ графъ Бенкендорфъ,

Завѣдывающій дѣлами Императрицы графъ Апраксинъ,

Лейбъ-медикъ Евгеній Сергѣевичъ Боткинъ,

Докторъ при Наслѣдникѣ Владиміръ Николаевичъ Деревенько и

Наставникъ при Наслѣдникѣ Цесаревичѣ Петръ Андреевичъ Жильяръ.

Кромѣ того въ одномъ изъ боковыхъ флигелей дворца добровольно проживала Анна Александровна Вырубова и при ней жена Дэна.

Самоотверженія графа Апраксина хватило всего дня на три, не больше. Онъ очень скоро подалъ заявленіе и просилъ его выпустить, заявивъ, что всѣ дѣла здѣсь во дворцѣ онъ закончилъ, а семья у него осталась въ Петроградѣ. По распоряженію министра юстиціи Керенскаго, онъ былъ выпущенъ и уѣхалъ немедленно изъ Царскаго Села.

Затѣмъ впослѣдствіи, изъ перечисленныхъ выше лицъ, окружавшихъ Царскую Семью въ періодъ Ея заключенія въ Александровскомъ дворцѣ, выбыли по разнымъ причинамъ слѣдующія лица:

Въ концѣ марта или началѣ апрѣля, въ одинъ изъ пріѣздовъ во дворецъ Керенскаго, была арестована Вырубова, которая только что оправилась отъ воспаленія легкихъ. Основною причиною ея ареста было то исключительное общественное возбужденіе, которое создалось въ общественномъ мнѣніи противъ этой злополучной и несчастной женщины еще въ до-революціонное время. Она явилась тоже своего рода жертвой безволія и безсилія новой революціонной власти передъ давленіемъ голословной клеветы и совѣта с. и р. депутатовъ. Послѣднимъ толчкомъ для ареста и заключенія Вырубовой въ Петропавловскую крѣпость послужила исторія съ комендантомъ дворца Коцебу, который, будучи знакомъ съ Вырубовой еще раньше, изрѣдка навѣщалъ ее и теперь. Объ этихъ посѣщеніяхъ Коцебу узнали солдаты охраны и въ мѣстномъ совдепѣ поднялся невѣроятный шумъ по адресу вообще всей Царской Семьи. Полковникъ Кобылинскій былъ вынужденъ донести объ инцидентѣ генералу Корнилову, который немедленно отозвалъ Коцебу, а министръ юстиціи Керенскій, особенно доискивавшійся „темныхъ силъ“, счелъ необходимымъ аре-

стовать Вырубову. Вмѣстѣ съ ней увезли въ Петропавловскую крѣпость и госпожу Дэнъ.

Затѣмъ 14-го мая увезли въ госпиталь старушку Нарышкину, заболѣвшую сильнымъ крупознымъ воспаленіемъ легкихъ. Она была искренно огорчена предстоящей разлукой съ Государыней, къ которой проявляла горячую привязанность, тѣмъ болѣе, что ей заявили, что разрѣшенія вернуться назадъ она не получитъ. Нельзя не отмѣтить, что старушка простудилась у себя въ комнатѣ дворца, гдѣ вообще было очень холодно, такъ какъ для отопленія дворца распоряженіемъ Правительства отпускалось слишкомъ мало дровъ.

Значительно позже, почти передъ выѣздомъ Царской Семьи въ Тобольскъ, былъ принужденъ покинуть дворецъ вѣрный и старый слуга Императора графъ Бенкендорфъ, у котораго сильно заболѣла жена, проживавшая въ Петроградѣ. Вмѣсто него въ кругъ приближенныхъ поступилъ генералъ Илья Леонидовичъ Татищевъ, не принадлежавшій по своему положенію къ разряду свитскихъ, но оставшійся глубоко преданнымъ и честнымъ слугою „Своего Государя“.

Всѣ остальныя лица изъ перечисленныхъ выше, добровольно подвергнувшіе себя аресту вмѣстѣ съ Царской Семьей, оставались при Ней вплоть до перевода Семьи уже совѣтской властью въ Екатеринбургъ.

Какъ уже упоминалось выше, начальникомъ гарнизона и наблюдающимъ за арестованной Царской Семьей былъ назначенъ полковникъ Кобылинскій, которому непосредственно подчинялись коменданты дворца. Полковникъ Кобылинскій былъ старымъ офицеромъ дѣйствительной службы, и передъ войной командовалъ ротой въ лейбъ-гвардіи Петроградскомъ полку. Съ ротой онъ и выступилъ въ походъ. 8-го ноября 1914 года въ бою подъ Лодзью Кобылинскій былъ раненъ пулей въ ногу, причемъ раненіе осложнилось пораженіемъ нерва. Эвакуированный для леченія, онъ вернулся въ строй въ мартѣ 1915 года и вступилъ въ командованіе батальономъ въ томъ же полку. Въ іюлѣ 1915 года въ бою подъ Гутой Старой Кобылинскій былъ сильно контуженъ, подъ вліяніемъ контузіи у него развился нефритъ въ очень тяжкой формѣ. Признанный вслѣдствіе этого негоднымъ къ строевой службѣ, онъ былъ назначенъ въ запасный батальонъ того же полка, гдѣ его и застала революція и откуда онъ былъ вызванъ генераломъ Корнило-

вымъ на отвѣтственную должность при арестованной Августѣйшей Семьѣ.

Выборъ генерала Корнилова былъ очень удаченъ. Кобылинскій обладалъ достаточнымъ тактомъ, находчивостью и твердостью, чтобы, не подвергая Царскую Семью излишнимъ стѣсненіямъ и унизительнымъ ограниченіямъ, обезпечивать Ее, насколько только было возможно, отъ злобныхъ и мелочныхъ придирокъ различныхъ распущенныхъ революціонныхъ людишекъ, стремившихся порой проявить свою власть надъ Августѣйшими узниками. Кобылинскій былъ постояннымъ буферомъ между Царской Семьей и наглыми, низкими и рѣзкими выступленіями нѣкоторыхъ особо усердныхъ революціонныхъ комиссаровъ и товарищей и, принимая многое на себя, до максимума смягчалъ своеволіе и глумленіе этихъ типовъ надъ беззащитными, безсильными Арестованными. Вся Царская Семья и всѣ остававшіеся при Ней приближенные искренно полюбили этого достойнаго ставленника генерала Корнилова и вполнѣ оцѣнили его временами невѣроятно тяжелое и трудное служеніе Семьѣ, въ единственномъ стремленіи всегда и во всемъ оградить Ее отъ напрасныхъ оскорбленій и сохранить Ея интересы.

Первымъ комендантомъ дворца, назначеннымъ генераломъ Корниловымъ, былъ штабсъ-ротмистръ Коцебу, пробывшій въ этой должности всего недѣли двѣ и ознаменовавшій себя только упомянутой исторіей съ Вырубовой. Его смѣнилъ ставленникъ министра юстиціи Керенскаго, полковникъ Коровиченко, пробывшій въ этой должности до самаго отъѣзда Августѣйшей Семьи въ Тобольскъ, т.-е. до 31-го іюля по старому стилю.

Коровиченко кончилъ Военно-Юридическую академію, прослужилъ послѣ нея опредѣленное время на военной службѣ и, выйдя въ отставку, занялся адвокатурой. При мобилизаціи онъ былъ призванъ на военную службу. Его связывали съ Керенскимъ и Переверзевымъ личныя дружественныя отношенія и соціалистическіе взгляды. Между прочимъ они втроемъ выступали въ извѣстномъ процессѣ Бейлиса въ качествѣ защитниковъ.

Это былъ человѣкъ въ общемъ умный и образованный, но крайне не тактичный и просто хамоватый. Узнавъ Царскую Семью ближе, онъ, видимо, принужденъ былъ отказаться отъ предвзятыхъ мнѣній, сложившихся въ дореволюціонное время, и желалъ относиться къ Ней хорошо, особенно во

вторую половину своего пребыванія въ должности. Однако все выходило у него такъ неудачно, что невольно онъ самъ закрывалъ себѣ доступъ къ Ея расположенію. Такъ напримѣръ, на его обязанности лежалъ установленный Керенскимъ просмотръ корреспонденціи, адресуемой Членамъ Августѣйшей Семьи. Желая выказать свое дружественное и благорасположенное отношеніе, онъ позволялъ себѣ такія неумѣстныя шутки: передаетъ которой нибудь изъ Великихъ Княженъ адресованное Ей письмо и, мило улыбаясь, заявляетъ: „а Вамъ пишетъ такая-то, или такой-то"; или вычитаетъ изъ письма какое нибудь употребленное въ немъ выраженіе, и затѣмъ, въ разговорѣ съ адресатомъ, употребляетъ это выраженіе въ шутливо-игривомъ тонѣ. Выходило глупо и не тактично.

Однако онъ всячески старался съ своей стороны оградить Августѣйшихъ Арестованныхъ, особенно узнавъ Ихъ ближе, отъ попытокъ нѣкоторыхъ хулиганствовавшихъ солдатъ и членовъ мѣстнаго совдепа задѣть Царскую Семью какимъ либо оскорбительнымъ отношеніемъ или унизительнымъ мѣропріятіемъ или поступкомъ. Всегда въ этихъ случаяхъ онъ всецѣло помогалъ Кобылинскому, становясь на его сторону и пользуясь, какъ близкій къ министру юстиціи человѣкъ, своимъ большимъ авторитетомъ. Впослѣдствіи Коровиченко былъ назначенъ командующимъ войсками Туркестанскаго военнаго округа, гдѣ во время большевистскаго переворота былъ звѣрски замученъ новыми товарищами и разорванъ на куски.

Охрана арестованной Царской Семьи была возложена генераломъ Корниловымъ на 1-й, 2-й и 4-й стрѣлковые полки, бывшіе запасные батальоны 1-го, 2-го и 4-го гвардейскихъ стрѣлковыхъ полковъ.

Внутренней охраны во дворцѣ не было. Посты располагались лишь снаружи, охраняя весь раіонъ, занятый дворцомъ и паркомъ, не допуская въ него никого безъ разрѣшенія начальника гарнизона и не выпуская никого изъ арестованныхъ, кромѣ докторовъ Боткина и Деревенько, которымъ иногда по особымъ разрѣшеніямъ позволялось навѣщать больныхъ въ городѣ. Такимъ образомъ охрана, установленная генераломъ Корниловымъ, ограничивала свободу арестованныхъ предѣлами раіона дворца, но не стѣсняла Семьи въ Ея внутренней, домашней жизни.

Историческое изслѣдованіе, путемъ допроса разныхъ свидѣтелей, старалось насколько возможно полнѣе выяснить характеръ отношенія охранниковъ къ Царской Семьѣ послѣ Ея ареста, и вотъ какіе матеріалы удалось собрать и къ какимъ заключеніямъ представилось возможнымъ придти въ этомъ чрезвычайно существенномъ вопросѣ. Вѣдь именно здѣсь, въ предѣлахъ раіона Александровскаго дворца, впервые непосредственно соприкоснулись отрекшійся отъ престола, грязью и клеветой опороченный бывшій Царь и столичный, развращенный, усиленно распропагандированный, революціонный солдатъ-товарищъ, бывшій сынъ Самодержавной Россіи. Только низложеннымъ, Государь получилъ возможность увидѣть непосредственно того самаго ужаснаго, столичнаго, революціоннаго, простого русскаго человѣка, „творившаго революцію“, и требовавшаго сверженія своего Помазанника, котораго до сихъ поръ Ему предоставляли видѣть только черезъ призму донесеній, докладовъ и представленій, исходившихъ отъ приближенныхъ, общественныхъ и политическихъ руководителей революціи. Съ своей стороны и этому „творцу революціи“ изъ народа „всея земли“ пришлось увидѣть своего Самодержца и Боговидца уже въ арестованномъ состояніи; тутъ только удалось ему подойти къ Нему непосредственно, а не черезъ хмѣльной угаръ революціонной агитаціи и заманчиваго понятія о „свободѣ“, которымъ руководители одурманили въ немъ образъ его Царя, за котораго до тѣхъ поръ онъ молился въ своей Православной вѣрѣ, въ своихъ храмахъ и церквахъ.

Въ первые дни ареста, примѣрно въ теченіи первыхъ двухъ-трехъ недѣль, солдаты охраны угрюмо, насупившись, изподлобья присматривались къ Арестованнымъ, къ Ихъ жизни, поведенію, занятіямъ въ саду и на прогулкахъ, къ Ихъ взаимоотношеніямъ между Собою и съ приближенными. Можно сказать, что солдаты слѣдили за каждымъ Ихъ шагомъ, каждымъ движеніемъ, каждымъ дѣйствіемъ, собираясь поотдаль въ кучки и группы, не приближаясь къ Нимъ и стараясь не отдѣляться другъ отъ друга, а сливаясь въ сѣрыхъ общихъ пятнахъ небрежно одѣтыхъ и кое-какъ накинутыхъ шинелей, съ нелѣпо торчащими углами воротниковъ, и въ надвинутыхъ до самыхъ бровей сѣрыхъ растрепанныхъ папахахъ. Располагаясь такими кучками по разнымъ угламъ парка, между деревьями и вдоль ограды, держась внѣ обычныхъ для гулянья Членовъ Царской

Семьи дорожекъ, они старались повернуться къ гулявшимъ бокомъ и, нѣсколько пригнувъ головы, въ полъ-оборота, неотступно слѣдили за Ними, обмѣниваясь между собою отрывочными замѣчаніями, не опредѣлявшими внутреннихъ ихъ мыслей, заключеній, или выводовъ, а лишь констатировавшими то или другое дѣйствіе, жестъ, поступокъ наблюдаемаго: „Пошла къ Наслѣднику“; „вонъ сѣла“; „куритъ“; „французъ идетъ“; „на прудъ пошли“; „Она вышла“; „здоровается...“

Такъ смотрѣла и держала себя общая сѣрая масса солдатъ охраны.

Но на фонѣ этого угрюмо-настойчиваго созерцанія, въ этотъ первый періодъ соприкосновенія бывшаго Царя и революціонизированнаго простолюдина, было не мало случаевъ не просто некорректныхъ и нетактичныхъ поступковъ солдатъ, а грубыхъ и неосмысленныхъ поползновеній задѣть Членовъ Царской Семьи своеобразно воспринятой революціонностью, оскорбить особо подчеркиваемой „демократичностью“; въ большинствѣ случаевъ подобные поступки являлись результатомъ разнуздавшейся до хулиганства натуры и порой имѣли цѣлью использовать положеніе, чтобы безнаказанно пограбить.

Такова общая характеристика отношеній солдатской среды къ Арестованнымъ въ этотъ начальный, остро-революціонный, дурманный періодъ государственнаго переворота.

Отношеніе офицерской среды охраны въ тотъ же первый періодъ ихъ соприкосновенія съ Августѣйшей Семьей, говоря объ общей массѣ, носило иной, если такъ можно выразиться, болѣе специфическій революціонный оттѣнокъ. Подавляющее большинство этого офицерства было изъ среды „временныхъ джентльменовъ“, и только по формѣ, одѣтой на нихъ, могло причисляться къ рядамъ офицерства, совершенно не соотвѣтствуя высокому и отвѣтственному значенію офицера арміи, какъ руководителя и носителя духовныхъ и техническихъ принциповъ военнаго искусства, военной полезной доблести и правильной военно-боевой организаціи. Это отнюдь не обозначаетъ, что масса ихъ принадлежала къ категоріи людей безправственныхъ, безпринципныхъ вообще, безъ національныхъ чувствъ, глупыхъ, тупыхъ, некультурныхъ. Совсѣмъ нѣтъ. А просто тотъ элементъ населенія, изъ котораго на третій годъ войны наспѣхъ „стряпали“ младшаго офицера (а вѣдь именно таковыми и были

заполнены не боевыя, запасныя части, „творившія революцію“) частью органически, частью по предшествовавшему состоянію въ большинствѣ случаевъ или вовсе не могъ служить матеріаломъ для выработки изъ него офицера, или нуждался въ болѣе продолжительномъ воспитательно-образовательномъ подготовительномъ періодѣ, чѣмъ это было на дѣлѣ. Ну какой, напримѣръ, офицеръ въ воспитательно-техническомъ военномъ отношеніи могъ получиться изъ почтеннаго, уважаемаго, честнѣйшаго прапорщика Николая Александровича Мунделя, прожившаго до призыва въ армію на бѣломъ свѣтѣ 46 лѣтъ и добросовѣстнѣйшимъ образомъ несшаго до войны въ теченіи почти всей своей жизни службу въ одномъ изъ отдѣленій Главнаго Управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей. А вѣдь въ изучаемый періодъ онъ занималъ должность старшаго адъютанта штаба той самой 4-ой гвардейской резервной бригады, въ составъ которой входили полки, назначенные нести охрану при Царской Семьѣ.

Конечно, среди этого офицерства были и нравственно-испорченные элементы, и просто дурные, и злые, и вредные для арміи люди, и выгнанные изъ ея рядовъ по несоотвѣтствію еще въ мирное время, но общій характеръ отношеній офицерства охраны къ Царской Семьѣ, въ разсматриваемый первый періодъ заключенія, создавали не они. Общій характеръ отношеній вытекалъ изъ общей же необразованности этой, такъ называемой, интеллигентной или полуинтеллигентной среды, изъ которой черпался матеріалъ для пополненія колоссальной убыли младшаго кадроваго состава офицерства, и который явился командньмъ элементомъ въ рядахъ воинскихъ частей—исполнителей революціи. Сознательные революціонеры, честные партійно-идейные дѣятели насчитывались среди нихъ единицами, главная же ихъ масса, какъ и масса солдатская, была только увлечена тѣмъ же угаромъ революціи, къ которой прибавлялась еще и „мода“ на революцію, являвшаяся достояніемъ интеллигентнаго класса населенія. При отсутствіи въ нихъ полезныхъ свойствъ офицерства, ихъ „командное“ положеніе въ рядахъ охраны побуждало ихъ принимать на себя „коноводство“ въ показномъ проявленіи революціонности и демократичности новыхъ революціонныхъ войскъ по отношенію къ бывшему Царю и Его Семьѣ. Искусственная непринужденность поведенія въ присутствіи членовъ Авгу-

стѣйшей Семьи, разгуливаніе среди Нихъ во время Ихъ работъ въ саду, умышленно громкіе разговоры между собою и хохотъ, разваливаніе на скамейкахъ, выступленія съ унизительными требованіями якобы отъ имени солдатъ, подзуживаніе часовыхъ не отвѣчать на привѣтствія Царя—вотъ чѣмъ наружно проявлялся въ этотъ періодъ характеръ отношенія охраннаго офицерства къ Арестованнымъ—явной искусственностью, напускнымъ фальшивымъ демократизмомъ и неприличной, глупой и грубой позировкой. Подъ этой внѣшней, показной оболочкой трудно опредѣлить каковъ былъ внутренній общій характеръ отношенія офицерства, трудно обобщить словомъ, не вдаваясь въ крайности сужденія, но было совершенно ясно, что ничего опредѣленнаго, серьезнаго и продуманнаго въ отношеніи какъ къ бывшему Царю, такъ и вообще къ происшедшимъ событіямъ, во внутреннемъ міровоззрѣніи охраннаго офицерства еще не установилось.

Однако при детальномъ допросѣ свидѣтелей и тщательномъ изученіи этого существеннаго для исторіи переворота вопроса, изслѣдованіе приходитъ къ заключенію, что даже въ первоначальный періодъ соприкосновенія охранниковъ съ Августѣйшей Семьей приведенныя выше характеристики солдатскихъ и офицерскихъ отношеній должны приниматься обобщенными лишь условно, съ внѣшней стороны. Приходится отмѣтить, что дѣйствительная непріязнь и явная враждебность проявлялись лишь единичными представителями офицерства охраны и абсолютно меньшей частью солдатства. Не останавливаясь на свидѣтельскихъ показаніяхъ общаго характера, а подбирая факты, конкретныя показанія, является возможнымъ отмѣтить и еще одну особенность, любопытное и знаменательное явленіе, заключающееся въ томъ, что случаи нагло-революціонныхъ или грабительско-хулиганскихъ выходокъ выпадаютъ почти исключительно на долю офицеровъ и солдатъ 2-го полка, въ которомъ къ тому времени не оставалось ни одного кадроваго офицера и заботливаго о части хозяина, благодаря чему люди находились въ отвратительныхъ хозяйственныхъ условіяхъ жизни, быта и питанія.

Конкретные эпизоды, собранные слѣдователемъ отъ свидѣтелей и очевидцевъ, такъ характерны для истинной оцѣнки отношеній и такъ, въ сущности, не многочисленны, что изслѣдованіе считало необходимымъ для полноты впе-

чатлѣнія привести ихъ полностью, какъ бы наглядно иллюстрируя ими свои выводы и обобщенія.

Со стороны офицеровъ случаи злостной некорректности отмѣчаются свидѣтелями только въ отношеніи тѣхъ изъ нихъ, которые получили это званіе уже въ теченіи войны и которые принадлежали преимущественно къ той категоріи офицеровъ, которые на фронтѣ не побывали, а отбывали свою службу въ тылу.

Такъ однажды, разсказываютъ свидѣтели, офицеръ 2-го полка прапорщикъ Ерыничъ явился къ коменданту дворца и заявилъ якобы отъ имени солдатъ, что „мы Ихъ должны сами видѣть. А то Они арестованы, а мы Ихъ не видимъ“. Это было на второй или третій день по пріѣздѣ Государя, когда Дѣти еще всѣ болѣли, почему ни Государыня, ни Дѣти не выходили изъ дворца въ паркъ и охрана не имѣла возможности Ихъ видѣть.

Опредѣленно чувствовалось, что въ требованіи Ерынича, основанномъ на уставномъ положеніи для караула при арестованныхъ вообще, заключалось стремленіе причинить Августѣйшимъ Узникамъ умышленное униженіе и моральное оскорбленіе, а быть можетъ даже только стремленіе къ удовлетворенію своего „мѣщанскаго любопытства“ видѣть Августѣйшую Семью въ Ея домашней жизни. Никакіе доводы разсудка на Ерынича не дѣйствовали. Онъ назойливо и нагло добивался своего, выставляя мотивомъ, что члены Семьи безъ ихъ повѣрки могутъ бѣжать изъ-подъ ареста такъ, что охрана узнаетъ только потомъ, быть можетъ много времени спустя. Указаніе на то, что Дѣти больны, никуда выѣхать не могутъ, а Родители не бросятъ Дѣтей на произволъ судьбы и, слѣдовательно, нѣтъ основаній опасаться побѣга кого-либо, Ерыничемъ упрямо не принималось. Комендантъ, уже въ то время опасаясь, что въ концѣ концовъ все можетъ случиться помимо его, путемъ безнаказаннаго и наглаго насилія черезъ мѣстный совдепъ, обратился за разъясненіемъ въ Петроградъ, откуда и послѣдовали соотвѣтственныя, срединнаго характера указанія.

Было рѣшено установить такой порядокъ: когда будетъ приходить новый караульный офицеръ для смѣны кончавшаго дежурство, оба вмѣстѣ будутъ посѣщать Государя въ присутствіи Государыни, причемъ смѣняемый офицеръ будетъ прощаться съ Царемъ, а новый здороваться. Но чтобы этотъ новый порядокъ былъ наименѣе тягостенъ для

Государя и Государыни, было рѣшено всю эту вынужденную процедуру продѣлывать передъ завтракомъ, когда здоровые Узники обыкновенно сходились въ столовой.

И вотъ въ тотъ день, когда охрана 2-го полка смѣняла охрану 1-го, и очередь быть караульнымъ офицеромъ дошла до Ерынича, послѣднiй, при выполненiи указанной процедуры, обнаружилъ дѣйствительную цѣль, руководившую имъ въ домогательствѣ видѣть бывшаго Царя. Когда въ этотъ день передъ завтракомъ по уже установившемуся новому порядку оба офицера явились къ Государю, то бывшiй Царь, по примѣрамъ предыдущихъ смѣнъ, прощаясь съ уходившимъ съ караула офицеромъ 1-го полка, подалъ ему руку. Когда же, здороваясь, Онъ протянулъ руку прапорщику Ерыничу, тотъ сдѣлалъ шагъ назадъ и не принялъ руки Государя, которая повисла въ воздухѣ.

Чрезвычайно страдая отъ этого впервые проявленнаго по отношенiю къ Нему поступка офицера, Государь подошелъ къ Ерыничу, взялъ его за плечи обѣими руками и со слезами на глазахъ грустно и тихо спросилъ его:

„Голубчикъ, за что же?"

Снова сдѣлавъ шагъ назадъ, приготовленной заранѣе фразой, почти скороговоркой, Ерыничъ отвѣтилъ:

„Я изъ народа. Когда народъ Вамъ протянулъ руку, Вы не приняли ее. Теперь я не подамъ Вамъ руки". Повернулся и быстро вышелъ.

Если бы Государь спросилъ Ерынича—о какой протянутой народомъ рукѣ онъ говоритъ, то Ерыничъ, конечно, не смогъ бы пояснить значенiя своего заявленiя. Его цѣль была, пользуясь своимъ безнаказаннымъ положенiемъ революцiоннаго начальника, просто оскорбить, морально ударить безсильнаго лежачаго человѣка. Кромѣ того офицерамъ типа Ерынича въ то время кружило голову стремленiе отличиться на поприщѣ проявленiя своей „демократичности и революцiонности", выдающiйся примѣръ чему далъ самъ Верховный Главнокомандующiй генералъ Брусиловъ и, что особо цѣнилось представителями центральной власти въ Петроградѣ и служило самымъ дѣйствительнымъ способомъ къ быстрому выдвиженiю по революцiонной iерархической лѣстницѣ. И конечно, „демократическiй" поступокъ прапорщика Ерынича былъ особо почтенъ въ мѣстномъ совдепѣ и его примѣръ послужилъ образцомъ для нѣкоторыхъ солдатъ охраны, мечтавшихъ, такъ же какъ и

„товарищи начальники“, отличиться на безопасномъ, тыловомъ революціонномъ поприщѣ.

Выходка Ерынича нашла себѣ полную поддержку въ лицѣ офицера того же типа прапорщика Домодзянца, котораго мѣстный совдепъ опредѣлилъ въ качествѣ своего соглядатая при комендантѣ дворца, прикрывъ дѣйствительную цѣль будто бы проявившейся необходимостью коменданту имѣть помощника. Этотъ Домодзянцъ, совмѣстно съ Ерыничемъ, подучили нѣкоторыхъ солдатъ 2-го полка не отвѣчать на привѣтствіе Государя, который продолжалъ здороваться со стрѣлками при встрѣчѣ съ ними во время своихъ прогулокъ въ паркѣ. Какъ-то одинъ изъ такихъ подученныхъ солдатъ не отвѣтилъ на привѣтствіе Царя. Государь, полагая, что стрѣлокъ не разслышалъ, вторично повторилъ: „здорово стрѣлокъ“. Солдатъ вторично ничего не отвѣтилъ. Такъ какъ начальство изъ комендатуры дворца уже ничего не могло подѣлать съ солдатами, то коменданту, во избѣжаніе дальнѣйшихъ инцидентовъ, пришлось просить Государя не здороваться, и Царь пересталъ съ тѣхъ поръ привѣтствовать солдатъ, пока съ теченіемъ времени не ознакомился съ массой и не пріобрѣлъ опыта различать ихъ другъ отъ друга по „сознательности“.

Вотъ этими двумя конкретными эпизодами исчерпываются яркіе случаи проявленія офицерами поступковъ революціонной тенденціи. Очевидно, что другіе эпизоды того же типа, если и имѣли мѣсто, то не носили такого рѣзкотенденціознаго характера, такъ какъ свидѣтели ничего опредѣленно-фактическаго не могли больше вспомнить и ограничивались замѣчаніями общаго свойства, указывавшими лишь на то, что отношеніе и поведеніе офицеровъ новой категоріи вообще значительно отличалось отъ того, которое существовало въ до-революціонное время. Конечно, разница была громадная. Но проявленіе разницы въ отношеніяхъ приходится констатировать въ то время вообще во всей арміи, такъ что впечатлѣнія свидѣтелей общаго свойства не даютъ прочнаго матеріала для сужденія о спеціальномъ отношеніи къ Царю, а изъ конкретныхъ случаевъ свидѣтели больше ничего вспомнить не смогли.

Со стороны солдатъ свидѣтели вспоминаютъ нѣсколько больше опредѣленныхъ случаевъ, но своимъ разсказамъ предпосылаютъ указаніе на то, что если бы солдаты не подвергались постоянно постороннему вліянію со стороны

такъ называемыхъ „ревнителей углубленія революціи“, появлявшихся время отъ времени въ Царскомъ Селѣ изъ Петрограда, то можно сказать, что большинству изъ охранниковъ не приходило бы въ голову подвергать членовъ арестованной Августѣйшей Семьи какимъ-либо „революціоннымъ“ издѣвательствамъ. Но эти „ревнители“ являлись какими-то особо озлобленными и мстительными по отношенію къ несчастнымъ заключеннымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ необычайно трусливыми при выполненіи своихъ миссій, возлагавшихся на нихъ Петроградомъ.

Такъ, еще въ самомъ началѣ ареста, къ коменданту дворца явился какой-то неизвѣстный господинъ въ полковничьей формѣ, назвавшійся Масловскимъ, и предъявилъ письменное требованіе Петроградскаго исполнительнаго комитета совѣта с. и р. депутатовъ. Требованіе было подписано членомъ Государственной Думы Чхеидзе и имѣло надлежащую печать. Въ немъ указывалось, что комендантъ долженъ оказать всяческое содѣйствіе предъявителю требованія для выполненія послѣднимъ возложеннаго на него исполнительнымъ комитетомъ порученія. Называвшій себя Масловскимъ заявилъ, что, по порученію исполнительнаго комитета, онъ долженъ сейчасъ же взять Государя и доставить Его въ Петропавловскую крѣпость. Полковникъ Кобылинскій категорически заявилъ Масловскому, что допустить этого онъ не можетъ. Тогда Масловскій сказалъ:

„Ну, полковникъ, знайте, что кровь, которая сейчасъ прольется, падетъ на Вашу голову“.

„Ну, что же дѣлать! Падетъ, такъ падетъ, но исполнить не могу“, отвѣтилъ Кобылинскій.

Масловскій озлобленный вышелъ, но не уѣхалъ, а отправился всетаки во дворецъ. Тамъ его встрѣтилъ командиръ 1-го полка капитанъ Аксюта, которому онъ предъявилъ свои бумаги исполнительнаго комитета. Однако замѣтивъ, что Аксюта встрѣтилъ его не особенно дружелюбно, а къ бумагамъ его отнесся съ подозрѣніемъ, онъ не рѣшился уже повторить ему о цѣли своей командировки, которую указалъ Кобылинскому, а заявилъ, что онъ желаетъ лишь увидѣть своими глазами здѣсь ли Государь. Тогда капитанъ Аксюта обыскалъ карманы полковника Масловскаго и, убѣдившись, что при немъ нѣтъ никакого оружія, показалъ ему Государя, проходившаго въ это время въ концѣ корридора, такъ, что Масловскій Государя видѣлъ, но Государь показа не замѣтилъ.

Послѣ этого осмотра Масловскій отправился въ мѣстный совдепъ и тамъ пытался агитировать среди представителей охраны, но, къ счастью, въ этотъ разъ наткнулся на болѣе разсудительныхъ солдатъ 4-го полка, которые охладили его заявленіемъ, что охрана исполняетъ приказанія только Временнаго Правительства.

Были попытки подобныхъ озлобленныхъ углубителей революціи дѣйствовать и извнѣ, подстрекая къ эксцесамъ противъ Царской Семьи вообще солдатъ гарнизона и мѣстный пролетаріатъ. Обыкновенно во время прогулокъ или работъ Государя и Дѣтей въ паркѣ вокругъ ограды собирался разный любопытный, праздный людъ, чтобы поглазѣть издали на Августѣйшихъ Узниковъ. Нормально толпа смотрѣла, дѣлала свои замѣчанія, дѣлилась между собою мыслями и впечатлѣніями, совершенно не повышая голоса, не хулиганничая и не стремясь, чтобы ея слова долетали до Арестованныхъ. Къ этому черезъ нѣкоторое время всѣ привыкли и присутствіе толпы не вызывало ни у кого безпокойства. Но однажды, когда Государь рубилъ на прудкѣ ледъ, толпа за рѣшеткой какъ-то сильно возросла и изъ ея среды стали раздаваться отдѣльные выкрики, въ видѣ угрозъ по адресу продолжавшаго работать Царя. Въ толпѣ появились шныряющіе типы, старавшіеся незамѣтно перебѣгать отъ одной группы собравшихся „товарищей" къ другой и подстрекавшіе ихъ на производство насилія надъ Государемъ. Постепенно шумъ въ толпѣ разростался и отдѣльные элементы наиболѣе хулиганскаго вида стали лѣзть на ограду, пытаясь проникнуть въ паркъ. Хотя большая часть толпы, повидимому, не примыкала къ демонстрантамъ и агитаторамъ, тѣмъ не менѣе охрана, всегда сопровождавшая Арестованныхъ на прогулкѣ, всполошилась и поспѣшила къ оградѣ, гдѣ, угрожая штыками и прикладами, стала сгонять чрезмѣрно разгорячившихся „товарищей" съ ограды. Возбужденныхъ агитаторами лицъ было однако такое значительное количество, что комендантъ, изъ опасенія осложненій и не вполнѣ увѣренный за стойкость и повиновеніе ему охраны, просилъ Государя уйти съ прудка, расположеннаго слишкомъ близко къ оградѣ. Тогда только Государь повернулся къ толпѣ и, окинувъ ее спокойнымъ взоромъ, отвѣтилъ:

„Я не боюсь ихъ. Эти честные люди Меня совсѣмъ не стѣсняютъ".

Но комендантъ настаивалъ и тогда Государь, не желая причинять лишней заботы Его охранѣ, покорился и ушелъ.

По свидѣтельству присутствовавшаго при этомъ инцидентѣ прапорщика Мунделя, „товарищи" изъ толпы ругались главнымъ образомъ за чечевицу, которую тогда, за недостаткомъ другихъ крупъ, выдавали войскамъ и къ которой солдаты еще не привыкли. Другихъ особо выдѣлявшихся настойчивостью крика заявленій какъ будто и не было, а если и были угрозы другого характера, то изъ-за перваго главнаго требованія они рѣзко не выдѣлялись, почему онъ, Мундель, ихъ и не разобралъ.

Послѣдствіемъ этого эпизода было то, что раіонъ прогулокъ Царской Семьи въ паркѣ былъ ограниченъ, дабы Ихъ не было видно съ улицы.

Что же касается до хулиганскихъ и грабительскихъ эпизодовъ внутренняго характера, т.-е. производившихся солдатами охраны, то свидѣтели отмѣчаютъ слѣдующіе характерные поступки, сохранившіеся въ ихъ памяти.

Группа солдатъ 2-го полка, подзуживаемая прапорщиками Ерыничемъ и Домодзянцемъ, не зная къ чему придраться, изыскивала подъ разными серьезными якобы предлогами случая причинить какую-либо непріятность членамъ Царской Семьи. Такъ однажды они увидѣли въ рукахъ Наслѣдника Цесаревича маленькое, игрушечное ружье. Это была уменьшенная винтовка—модель, сдѣланная специально для Алексѣя Николаевича Тульскимъ ружейнымъ заводомъ, какъ игрушка. Она была совершенно безопасна, такъ какъ чтобы стрѣлять изъ нея, надо было бы изготовить совершенно особые патроны, которыхъ не было. Солдаты потребовали отобранія у Цесаревича винтовки подъ предлогомъ воспрещенія Арестованнымъ имѣть при себѣ оружіе. Тщетно дежурный офицеръ доказывалъ имъ нелѣпость ихъ требованія, однако, чтобы избѣжать насилія, къ которому видимо эти типы были вполнѣ подготовлены, онъ взялъ у Алексѣя Николаевича ружье и передалъ его полковнику Кобылинскому, а послѣдній потомъ по частямъ постепенно возвратилъ ее обратно Наслѣднику.

Былъ случай, что одинъ солдатъ того же 2-го полка проникъ въ корридоръ, гдѣ стоялъ сундукъ съ нѣкоторыми вещами, принадлежавшими Государынѣ. Такъ какъ это было въ ранніе часы и никто еще не вставалъ, то солдату удалось взломать штыкомъ замокъ и похитить изъ сундука

нѣсколько пледовъ. Хотѣлъ онъ похитить еще и сапоги Ея Величества, но не справился съ колодками и сапоги оставилъ.

Другой солдатъ, стоя въ паркѣ на часахъ, увидѣлъ пасшихся въ саду прирученныхъ дикихъ козъ, принадлежавшихъ Дѣтямъ Царской Семьи. Желая ли причинить Имъ непріятность, или желая просто поживиться, онъ пристрѣлилъ одну козу, и когда смѣнился, унесъ ее съ собой. Объ этомъ случаѣ начальство производило дознаніе, однако таковое не помѣшало на слѣдующій же день другому часовому пристрѣлить вторую козу и тоже унести ее съ собой.

Былъ случай, что цѣлая группа солдатъ забралась на половину Наслѣдника Цесаревича и стала взламывать комнатный ледникъ. Бывало просто кто-нибудь изъ солдатъ, случайно проходя корридорами дворца, тащилъ какую нибудь вещь, попадавшуюся ему на глаза.

Словомъ такихъ мелкихъ, чисто хулиганскихъ или грабительскихъ случаевъ было достаточно, и всѣ они оставались безнаказанными, такъ какъ солдатскіе комитеты уже тогда прикрывали такіе проступки солдатъ „демократическими“ понятіями, что вещи во дворцѣ „ихъ достояніе“, и начальство ничего не могло подѣлать съ разнузданностью людей, не сдерживавшейся больше ни формами, ни авторитетомъ власти. Тѣмъ не менѣе перечисленными случаями исчерпываются всѣ тѣ болѣе выдающіеся эпизоды, запечатлѣвшіеся въ памяти свидѣтелей, которые позволяютъ вывести заключеніе объ отсутствіи со стороны солдатъ охраны какой-либо особой враждебности къ Царской Семьѣ, какъ къ таковой, общая же распущенность массъ, въ особенности въ первое время революціи, являлась нормальнымъ явленіемъ повсемѣстно. Грязный, немытый, не причесанный видъ, небрежно одѣтая одежда, шныряніе безъ толку изъ конца въ конецъ, безконечное лущеніе подсолнуха, валяніе кучами по угламъ, подъ заборами и подъ деревьями, конечно, по сравненію съ предыдущимъ временемъ, казалось чудовищнымъ, но этимъ выражалось вообще „сознательное“ отношеніе къ переживавшимся событіямъ, а не спеціально къ Августѣйшимъ Узникамъ.

Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того какъ офицеры и солдаты охраны, присматриваясь къ Царской Семьѣ, получили возможность вынести свое впечатлѣніе о простомъ образѣ жизни Семьи, о доброжелательномъ и сердечномъ

отношеніи къ нимъ же, къ охранникамъ, настроеніе массы лично къ Арестованнымъ начало постепенно измѣняться и отдѣльныя революціонныя выходки и хулиганскіе поступки стали проявляться все рѣже и рѣже. Офицеры и солдаты съ любопытствомъ, перешедшимъ затѣмъ постепенно въ интересъ, присматривались къ этимъ людямъ, такъ далеко и недосягаемо стоявшимъ отъ нихъ раньше. Постепенно исчезала групповая обособленность солдатъ, угрюмость ихъ тупого созерцанія; подтянулись постепенно и офицеры, какъ-то сразу перестали бродить среди гуляющихъ, отошли въ сторонку и голоса въ бесѣдахъ приняли нормальную силу и тембръ. Царь и Его Семья предстали передъ ними совершенно въ иномъ освѣщеніи, чѣмъ представлялись Они имъ раньше, чѣмъ разсказывалось на улицѣ, въ городѣ, на митингахъ и собраніяхъ, чѣмъ вообще обрисовывались Они внѣ дворца, внѣ парка, внѣ Ихъ собственной жизни.

Прежде всего они не могли не замѣтить той исключительной любви и дружбы, которыя существовали между всѣми членами этой Семьи; они видѣли съ какой нѣжной бережливостью Отецъ, или кто-нибудь изъ Дочерей выносили на рукахъ на прогулку больного Сына и Брата; они видѣли съ какой заботливостью, поддерживая подъ руки, Мужъ сводилъ съ крыльца слабую здоровьемъ Жену, какъ Дѣти разстилали Ей коврикъ и какъ дружно всѣ группировались вокругъ, стараясь другъ передъ другомъ чѣмъ-нибудь помочь, подсобить Отцу, Матери, Брату. Они были поражены простотой обращенія Государя съ приближенными, съ прислугой, а затѣмъ съ офицерами и солдатами охраны; они ясно почувствовали искренность и непринужденность такого обращенія Государя съ людьми, и имъ самимъ стало легко подходить къ Нему, приближаться къ Нимъ.

Первоначально Арестованные могли выходить въ паркъ въ теченіи дня когда хотѣли; такъ устанавливала инструкція, составленная генераломъ Корниловымъ. Но вскорѣ, подъ давленіемъ озлобленныхъ и наглыхъ требованій представителей Петроградскаго и мѣстнаго совдеповъ, не безъ участія солдатъ второго полка, не желавшихъ нести службу охраны въ паркѣ въ теченіи всего дня, свобода выхода Царской Семьи въ паркъ была ограничена установленіемъ прогулокъ только въ опредѣленные часы и при опредѣленной, совершенно излишней процедурѣ унизительнаго характера. Желавшіе гулять въ установленные часы члены Царской

Семьи и приближенные должны были предварительно собираться всѣ вмѣстѣ въ кругломъ залѣ. Сюда также приходилъ дежурный офицеръ и караулъ, назначенный для сопровожденія Арестованныхъ на прогулкѣ. Дверь открывалась дежурнымъ офицеромъ и Августѣйшіе Узники выходили въ паркъ, сопровождаемые сзади карауломъ. Если Семья гуляла или работала, то караулъ оцѣплялъ часовыми все мѣсто прогулки или работъ на все время, опредѣленное для гулянія, и никто изъ Арестованныхъ не могъ выйти изъ этого кольца, или вернуться во дворецъ раньше окончанія времени, положеннаго для прогулки.

Такъ оно въ точности и выполнялось, когда въ караулъ заступалъ 2-й полкъ. Когда же служба неслась 1-мъ, и особенно 4-мъ полкомъ, то офицеры и солдаты этихъ частей, очень скоро присмотрѣвшись къ Царской Семьѣ, отказались отъ буквальнаго слѣдованія новымъ порядкамъ, и зачастую стали сами принимать участіе въ тѣхъ или другихъ работахъ Царской Семьи въ паркѣ. На этой почвѣ сближеніе солдатъ съ бывшимъ Царемъ и Его Семьей пошло очень интенсивно; сначала нашлись отдѣльные солдаты—часовые, которые заговаривали или отвѣчали на вопросы того или другого изъ членовъ Семьи, потомъ стали присоединяться другіе, просто бродившіе въ паркѣ и наблюдавшіе за гулявшими, постепенно стали стекаться къ Нимъ кучки, группы солдатъ, разговоры дѣлались все продолжительнѣе и продолжительнѣе, становились интересными и начали принимать общій характеръ. Бесѣдовали съ ними чаще всего Государь и Государыня, особенной любительницей поболтать съ солдатами была Великая Княжна Марія Николаевна, которая въ концѣ концовъ изучила семейную хронику почти всѣхъ солдатъ. Сами же солдаты видимо интересовались больше всего разговорами съ Царемъ. Русскій солдатъ невѣроятно цѣнитъ, когда старшій собесѣдникъ, начальникъ, интересуется его интересами, его условіями жизни; охранники не могли не оцѣнить въ этомъ отношеніи заботливости и вниманія къ себѣ бывшаго Царя, который въ разговорахъ постоянно распрашивалъ ихъ про домашнее житье-бытье, про деревенскую ихъ жизнь, про нужды и домашнія горести. Они стали любить эти бесѣды и много было такихъ, которые заранѣе собирались въ паркѣ въ ожиданіи выхода Семьи и, какъ только тѣ появлялись, старались такъ или иначе завязать разговоръ. Чаще всего иниціатива исходила отъ

Государя, потомъ вступала Марія Николаевна и бесѣда быстро развивалась и оживлялась. Постепенно къ первымъ начавшимъ разговоръ солдатамъ подходили другіе, сначала молчали, а затѣмъ вступали въ бесѣду, затягивавшуюся нерѣдко вплоть до окончанія часа прогулки. Когда стало теплѣе, Государыня тоже выходила гулять. Ей приносили коврикъ, Она садилась гдѣ нибудь, съ постоянной рукодѣльной работой, подъ деревомъ, а солдаты собирались вокругъ, ложились на траву и бесѣда тихо текла, сопровождаемая нѣжной улыбкой, озарявшей лицо Государыни. Камердинеръ Волковъ, разсказывая о подобныхъ бесѣдахъ арестованныхъ членовъ Царской Семьи съ солдатами охраны, характеризуя отношенія къ нимъ солдатъ, говоритъ:

„Я не знаю, что это хулиганство или нѣтъ. Думаю, что нѣтъ, и я не слышалъ, чтобы кто-либо изъ нихъ осмѣлился бы обидѣть Ихъ Величество во время такихъ разговоровъ. Про солдатъ въ общемъ я могу сказать, что первоначально въ Царскомъ они были хуже настроены. А потомъ, когда они сами поглядѣли поближе на Августѣйшую Семью, то стали относиться къ Ней лучше".

Такъ падала завѣса между Царемъ и Его бывшимъ народомъ. Большинство солдатъ увидѣло въ бывшемъ Государѣ своего „русскаго человѣка, простого, добраго, обходительнаго, умѣлаго и интереснаго въ разсказахъ, вѣрнаго въ вѣрѣ", и очень, очень многіе начинали понимать *несправедливость „начальниковъ"* къ бывшему Императору. Особенно сильное впечатлѣніе на охранниковъ производила замѣченная ими высокая религіозность Царя и всей вообще Семьи: „за столъ не сядутъ, не помолившись", говорили они, чувствовали искренность и чистоту вѣры этой Семьи, понимали эту вѣру и въ душѣ раздѣляли ее. Среди офицеровъ появились теперь такіе, которые черезъ прислугу испрашивали себѣ на память фотографіи Государя, Государыни и Дѣтей, и Они имъ не отказывали, давали и снабжали Своими автографами. Появились группы солдатъ, которые, въ періоды болѣзней Наслѣдника Цесаревича, стали стремиться видѣть Его, не изъ-за „мѣщанскаго любопытства", а по внутреннему, хорошему чувству, воскресавшему въ нихъ подъ вліяніемъ непосредственнаго соприкосновенія со своими Поднадзорными и постепеннаго познанія Ихъ душъ, Ихъ моральнаго и нравственнаго совершенства.

Конечно, среди массы оставались экземпляры, которые сохраняли тупую враждебность и слѣпую злобу. Но ихъ было меньше, можетъ быть даже единицы, которыя, не находя себѣ сочувствія среди массы, перестали проявлять себя отдѣльными выступленіями. Остальные же, если и не потеряли своего общаго „товарищескаго вида“ и своихъ „товарищескихъ“ свойствъ и наклонностей, то въ общемъ стали проявлять достаточно старанія, чтобы быть корректными и добросовѣстными по отношенію къ членамъ Царской Семьи, и въ достаточной степени дисциплинированно несли свои служебныя обязанности по охранѣ безопасности Августѣйшихъ Узниковъ. Это эволюціонированіе настроенія солдатской массы въ лучшую сторону продолжалось за все время пребыванія Семьи въ Царскомъ Селѣ и затѣмъ въ первый періодъ жизни Ея въ Тобольскѣ. Росло пониманіе и знаніе массой простого русскаго солдата-крестьянина своего бывшаго Царя и Его Семьи, росла и преданность ея къ Нимъ. Если за время ихъ взаимнаго тѣснаго соприкосновенія не проявилось еще сознательной сильной любви и сознательнаго пониманія самаго взаимоотношенія между ними, то инстинктомъ масса уже близко подходила къ истинѣ, что и сдѣлало ее, эту массу, въ Тобольскѣ причиной неудачи совѣтской власти, дважды покушавшейся тамъ привести свой злой умыселъ въ исполненіе. Наконецъ, нельзя не отмѣтить и того факта, что въ концѣ концовъ въ Тобольскѣ солдаты 4-го полка предложили Государю воспользоваться днемъ ихъ дежурства по охранѣ, чтобы бѣжать изъ подъ власти большевиковъ, но Царь отказался отъ этого предложенія, пояснивъ имъ, что предпочтетъ умереть въ Россіи, чѣмъ добровольно покинуть свою Родину и народъ.

Вотъ матеріалы, которые изслѣдованію удалось собрать по вопросу характеристики взаимоотношенія отрекшагося отъ престола Государя съ первыми исполнителями революціи, носившей названіе *„народной революціи противъ ненавистной династіи и ненавистнаго государственнаго строя“*. Выводъ слишкомъ ясенъ и опредѣлененъ и особаго поясненія не требуетъ. Чувствовали его и руководители революціи изъ числа болѣе крайнихъ и озлобленныхъ, и изъ Петрограда постоянно были поползновенія ухудшить условія ареста Царской Семьи, контролировать Ея содержаніе и охрану, повѣрять настроеніе самой охраны и принять болѣе дѣйствительныя мѣры, дабы помѣшать сближенію

Царской Семьи съ окружавшимъ Ее революціоннымъ народомъ. Справедливость требуетъ отмѣтить, что члены Временнаго Правительства, какъ Гучковъ и Керенскій, интересовались этимъ вопросомъ лишь въ первый періодъ ареста, пока для нихъ не выяснилось—для перваго, что онъ жертва собственной маніи военнаго величія, а для второго, что онъ жертва собственной клеветнической на Царскую Семью агитаціи. Но тѣмъ не менѣе давленіе на нихъ дѣйствительно „темныхъ силъ" революціи въ отношеніи тѣхъ или другихъ утѣсненій бывшаго Царя продолжалось до конца ихъ „царствованія", и любопытный эпизодъ съ арестомъ Маргариты Хитрово въ Тобольскѣ, упоминавшійся въ 1-й части настоящаго труда, характерно иллюстрируетъ законность и демократичность новой власти.

Изъ случаевъ посѣщенія дворца лицали оффиціальной власти историческое изслѣдованіе считаетъ необходимымъ отмѣтить слѣдующіе.

Вскорѣ послѣ возвращенія въ Царское Село Государя, во дворецъ пріѣхалъ генералъ Корниловъ въ сопровожденіи Великаго Князя Павла Александровича и Военнаго Министра Гучкова. Никто изъ нихъ Арестованныхъ не посѣтилъ. Генералъ Корниловъ произвелъ повѣрку порядка несенія охранной службы, повѣрилъ знаніе охранниками своихъ обязанностей и обошелъ помѣщенія, занимавшіяся дежурной частью. При этомъ посѣщеніи Великій Князь Павелъ Александровичъ интересовался вопросомъ надежности офицеровъ и солдатъ охраны въ смыслѣ возможно наибольшаго обезпеченія покоя арестованной Царской Семьи, а Военный Министръ Гучковъ сопровождалъ генерала Корнилова и ничего не говорилъ.

Только послѣ этого, черезъ день или два, Гучковъ неожиданно опять пріѣхалъ во дворецъ одинъ. Его сопровождали, повидимому, только адъютанты. Пріѣхалъ онъ безъ приглашенія и предупрежденія съ цѣлью видѣть Императрицу. Государь и Государыня чувствовали къ Гучкову антипатію, что не могло не быть извѣстнымъ и ему, а потому принятіе Гучковымъ на себя еще какой-то миссіи къ Августѣйшимъ арестованнымъ при настоящемъ Ихъ положеніи было учтено приближенными не въ пользу тактичности и благовоспитанности этого революціоннаго Военнаго Министра. Тѣмъ не менѣе никто изъ нихъ не услышалъ, ни отъ Государя, ни отъ Государыни ни слова

порицанія по адресу Гучкова послѣ непріятнаго для Нихъ свиданія съ нимъ. Когда Гучковъ шелъ назадъ, спускаясь съ лѣстницы, одинъ изъ офицеровъ его свиты, будучи сильно выпивши, увидавъ стоявшихъ на лѣстницѣ трехъ придворныхъ лакеевъ и, видимо, не разобравъ ихъ формы, злобно имъ крикнулъ: „Вы наши враги. Мы ваши враги. Вы здѣсь всѣ продажные“. Онъ кричалъ во всю глотку съ неприличнымъ размахиваніемъ руками, какъ пьяный. Одинъ изъ стоявшихъ лакеевъ отвѣтилъ ему: „Вы, милостивый государь, въ нашемъ благородствѣ ошибаетесь“. Гучковъ шелъ впереди въ разстояніи всего нѣсколькихъ шаговъ отъ этого пьянаго офицера, но даже головы не повернулъ на шумъ, произведенный его свитскимъ спутникомъ, и, сдѣлавъ видъ, что ничего не слышитъ, быстро вышелъ изъ дворца.

Министръ юстиціи, а позже Предсѣдатель Совѣта Министровъ Керенскій пріѣзжалъ во дворецъ нѣсколько разъ. Весьма характернымъ явленіемъ его посѣщеній явилось то обстоятельство, что въ его отношеніяхъ къ арестованнымъ членамъ Августѣйшей Семьи замѣчаются два періода, рѣзко отличающихся одинъ отъ другого: первоначальный— до выемки личной корреспонденціи и бумагъ Государя Императора, и послѣдующій—послѣ ознакомленія съ содержаніемъ этой отобранной переписки.

Въ первый періодъ Керенскій держалъ себя по отношенію ко всѣмъ заключеннымъ, какъ судья или прокуроръ къ подсудимымъ, преступность коихъ не подлежитъ сомнѣнію. Знавшій Россію и русскій народъ постолько, посколько это необходимо, чтобы быть товарищемъ присяжнаго повѣреннаго, онъ и о Царѣ и Его Семьѣ располагалъ свѣдѣніями постолько, посколько Они изображались и освѣщались спеціальной соціалистическо-германофильской провокаціонной и агитаціонной литературой, почему и смотрѣлъ на бывшихъ Царя и Царицу, какъ на измѣнниковъ родинѣ, эгоистическихъ деспотовъ личнаго начала, покровителей и создателей насилія, произвола и тираніи надъ русскимъ народомъ. Трудно сказать, какой искренности въ этомъ убѣжденіи было у него больше—искренности соціалистическаго вождя или безграмотнаго слѣпца. Но убѣжденъ онъ былъ, пожалуй, искренно.

Въ первый разъ онъ пріѣхалъ во дворецъ 21-го марта, явившись демонстративно въ какой то грязной, засаленной тужуркѣ, одѣтой поверхъ черной рубашки на-выпускъ,

безъ воротничковъ, но съ большой развязностью въ манерахъ, словахъ и жестахъ. Съ видомъ строгаго судьи, Керенскій обошелъ всѣ комнаты, провѣрилъ наличіе всѣхъ содержавшихся подъ арестомъ, провѣрилъ посты, охрану, порядокъ несенія охранной службы въ смыслѣ надежности охраненія отъ побѣга или похищенія и затѣмъ имѣлъ довольно долгую бесѣду наединѣ съ Государемъ, въ кабинетѣ послѣдняго.

Послѣ этого свиданія Государь разсказывалъ, смѣясь, Императрицѣ, что Керенскій чувствовалъ себя какъ-то неловко и былъ сильно смущенъ. Онъ не зналъ, какъ себя держать съ Государемъ, и то называлъ Его „Николай Николаевичемъ", то срывался на „Ваше Величество". Старые служащіе лакеи дворца, видѣвшіе на своемъ вѣку много людей, посѣщавшихъ Царскую Семью, тогда же вполнѣ точно опредѣлили дѣйствительное состояніе Керенскаго въ этотъ первый его пріѣздъ во дворецъ:

„То была не гордыня, а была одна конфузливость и робость".

Въ слѣдующій разъ Керенскій пріѣхалъ 26-го марта. На этотъ разъ онъ былъ уже въ френчѣ и въ гетрахъ; на шеѣ виднѣлся воротничекъ, а на рукахъ манжеты. Но онъ попрежнему пытался сохранить видъ строгаго судьи.

Керенскій, пріѣхавъ во дворецъ, потребовалъ къ себѣ Кобылинскаго и Коровиченко. Затѣмъ онъ велѣлъ доложить Государю, что проситъ Его принять его вмѣстѣ съ названными лицами. Государь пригласилъ ихъ всѣхъ къ себѣ въ кабинетъ. Здѣсь Керенскій, сохраняя оффиціальный тонъ, не садясь, заявилъ Императору, что онъ долженъ произвести выемку въ Его личныхъ бумагахъ и дѣлахъ и уполномочиваетъ на этотъ слѣдственный актъ полковника Коровиченко въ присутствіи полковника Кобылинскаго.

Государь, не возражая ни слова, подошелъ къ стоявшему въ кабинетѣ особому ящику большого размѣра, и открылъ его. Бумагъ было очень много; всѣ онѣ были разложены по отдѣльнымъ группамъ въ большомъ порядкѣ. Указывая на бумаги и объясняя распредѣленіе ихъ по группамъ, по которымъ онѣ были собраны и уложены въ ящикѣ, Государь взялъ одно письмо, лежавшее, какъ было ясно видно, не на мѣстѣ и сказалъ:

„Это письмо частнаго характера".

Онъ вовсе не хотѣлъ изъять это письмо отъ выемки, а просто взялъ его, какъ отдѣльно лежавшее не на своемъ

мѣстѣ и, кажется, хотѣлъ переложить его въ ящикѣ на соотвѣтственное мѣсто. Но Коровиченко, увидѣвъ письмо въ рукахъ Царя, порывисто ухватился за свободный его конецъ, и не обращая вниманія на попытку Государя объяснить, со словами: „нѣтъ, позвольте", сталъ вырывать письмо. Получилась некрасивая картина: Государь тянетъ письмо къ себѣ и что-то силится сказать, а Коровиченко—къ себѣ и только твердитъ, не переставая: „нѣтъ, позвольте".

Наконецъ, Государь, какъ это замѣтно было, внутренно возмутился, махнулъ рукой и со словами:

„Ну, въ такомъ случаѣ Я не нуженъ. Я иду гулять", вышелъ изъ кабинета.

Коровиченко долго рылся въ ящикѣ и тщательно отбиралъ бумаги, которыя представлялись ему нужными. Въ концѣ концовъ онъ забралъ почти всѣ бумаги и доставилъ ихъ въ Петроградъ Керенскому. Впослѣдствіи Коровиченко разсказывалъ, что Керенскій и Переверзевъ полагали найти въ личной перепискѣ Императора и въ письмахъ Императрицы необходимые для нихъ документы, которые могли бы скомпрометировать Царя и Царицу интимностью сношеній съ Вильгельмомъ и обличить Ихъ въ измѣнѣ Родинѣ въ пользу нѣмцевъ, о чемъ тогда кричали всѣ газеты и въ чемъ были искренно убѣждены оба министра. Однако ихъ ознакомленіе съ конфискованнымъ личнымъ архивомъ Императора совершенно разсѣивало эту гнусную клевету и, наоборотъ, обрисовывало Государя и Государыню, какъ людей, лично враждебно настроенныхъ къ Вильгельму и Германіи, и твердо отстаивавшихъ національную честь и интересы Россіи.

При ознакомленіи министровъ съ личной перепиской Государя не обошлось и безъ курьеза: Переверзеву и Керенскому въ числѣ телеграммъ Государя къ Государынѣ попалась одна съ частью зашифрованнаго въ ней текста Долго бились надъ секретомъ шифра; были собраны всѣ самые искусные въ Петроградѣ спеціалисты и наконецъ, послѣ большихъ усилій, дешифрировали — Государь зашифровалъ слѣдующія слова: „цѣлую крѣпко, здоровъ".

Однако вся эта наглая и злостная клевета выяснилась для Керенскаго лишь черезъ два—три дня. Въ день же выемки бумагъ онъ былъ убѣжденъ въ преступности Императора, а потому, пока Коровиченко разбирался въ бумагахъ, онъ нашелъ Государя и объявилъ Ему, что, какъ министръ юстиціи, онъ считаетъ необходимымъ принять нѣ-

которыя мѣры пресѣченія, и рѣшилъ отдѣлить Царя отъ остальной Семьи, и главное отъ Государыни Императрицы. Императоръ долженъ былъ жить на Своей половинѣ, совершенно отдѣльно отъ остальной Семьи; видѣться съ Женой и Дѣтьми Ему разрѣшалось только во время общаго обѣда и за вечернимъ чаемъ, причемъ разговаривать между собою Они должны были исключительно на русскомъ языкѣ. Наблюденіе за точнымъ исполненіемъ сего рѣшенія Керенскій возлагалъ на дежурнаго офицера, который обязанъ былъ присутствовать при каждомъ свиданіи Отца со Своей Семьей.

Керенскій въ сущности хотѣлъ изолировать на такихъ основаніяхъ не Государя, а Императрицу, и только настоянія болѣе уравновѣшенныхъ членовъ кабинета, указывавшихъ на безчеловѣчность отдѣленія Матери отъ болѣвшихъ Дѣтей, понудили Керенскаго отказаться отъ своего первоначальнаго предположенія и принять эту мѣру относительно Отца.

Такъ послѣдователенъ былъ этотъ министръ Временнаго Правительства, на словахъ проповѣдывавшій о законности, о неприкосновенности личности, а на дѣлѣ отличавшійся своими незаконно-безнравственными дѣйствіями.

Это отдѣленіе Императора отъ Семьи глубоко возмутило Государыню своей абсолютной несправедливостью.

„Такъ низко поступать съ Государемъ“, сказала Она Жильяру, „послѣ того, какъ Онъ пожертвовалъ Собою и отказался отъ Престола, чтобы избѣжать гражданской войны... Какъ это скверно, какъ это мелочно! Императоръ не хотѣлъ, чтобы изъ-за Него пролилась кровь хотя бы одного русскаго. Онъ всегда былъ готовъ отъ всего отказаться, если бы былъ увѣренъ, что это будетъ ко благу Россіи... Да, надо перенести и эту горькую обиду!“

Хотя Керенскій уже черезъ три дня, ознакомившись съ личными бумагами Государя, и отмѣнилъ свое распоряженіе объ изоляціи Царя, и Семья снова соединилась въ своемъ дружномъ и духовномъ кругу, но всѣ эти эпизоды явились лишь тѣми послѣдовательными этапами по пути Царской Семьи къ Своей Голгофѣ, которые логически и неизбѣжно вытекали изъ всей предыдущей фальшивой, искусственной и непослѣдовательной работы руководителей Государственной Думы и общественности по созданію „народной революціи“ и переворота „государственнаго порядка“.

Послѣ этого Керенскій пріѣхалъ во дворецъ 12-го апрѣля. Онъ держалъ себя какъ ни въ чемъ ни бывало; былъ чрез-

вычайно жизнерадостенъ и представился совершенно другимъ человѣкомъ. Видъ суровой Немезиды исчезъ съ него совершенно; онъ былъ веселъ, любезенъ со всѣми придворными и прислугой и непринужденъ въ обращеніи...

„Доложите, пожалуйста, Государынѣ“, сказалъ онъ дежурному камердинеру, „что я Ее приму въ кабинетѣ Государя; вотъ здѣсь“, указалъ онъ рукой на кабинетъ.

Камердинеръ пошелъ и въ точности доложилъ Ея Величеству слова Керенскаго. Государыня улыбнулась и сказала:

„Я не пойду. Пусть придетъ въ Мою комнату“.

Камердинеръ вернулся въ кабинетъ, гдѣ ждалъ Керенскій, и передалъ ему отвѣтъ Императрицы. Керенскій съ полной готовностью, вскочивъ съ кресла, на которое было уже усѣлся, и сказавъ: „хорошо, хорошо“, быстро пошелъ наверхъ въ комнату Императрицы. Говорилъ онъ Императрицѣ что-то очень громко, оживленно и весело; было слышно, что въ бесѣдѣ онъ много и раскатисто хохоталъ. Государыня потомъ разсказывала, что Керенскій, балагуря, передавалъ Ей о дебатахъ, происходившихъ въ Петроградскихъ совдепскихъ кругахъ по поводу необходимости перевести Царскую Семью въ Петропавловскую крѣпость.

Съ этого пріѣзда Керенскій рѣзко измѣнилъ свое отношеніе къ Государю и ко всей арестованной Семьѣ. Когда угаръ клеветы съ него спалъ и онъ присмотрѣлся къ этимъ чуждымъ до того ему людямъ, совѣсть какъ будто въ немъ заговорила и онъ сталъ пытаться смягчать условія Ихъ жизни, какъ арестованныхъ, и стараться оградить Ихъ отъ назойливости и наглости нѣкоторыхъ особо злобныхъ представителей новой революціонной власти. Но уже было поздно; онъ ничего не могъ сдѣлать, такъ какъ самъ не имѣлъ въ сущности никакой власти и могъ держаться на колесницѣ власти, только послушно слѣдуя за тѣми „темными силами“ революціи, въ рядахъ которыхъ онъ самъ занималъ почетное званіе Товарища Предсѣдателя.

Какъ на характерный эпизодъ этого *безвластія власти* нельзя не указать на одинъ маленькій случай, когда Керенскій въ искреннемъ стремленіи услужить Царской Семьѣ долженъ былъ почувствовать полное свое безсиліе. Когда мѣстный Царскосельскій совдепъ пересталъ довѣрять Кобылинскому, что случилось очень скоро, то, дабы имѣть своего постояннаго соглядатая во дворцѣ, онъ назначилъ, какъ уже упоминалось выше, въ помощь Кобылинскому выбраннаго

изъ своей среды прапорщика Домодзянца, армянина по происхожденію. Это былъ глупый, грубый и нахальный человѣкъ. Онъ всячески домогался втиснуться какъ-нибудь во дворецъ, куда Кобылинскій его упорно не допускалъ. Тогда онъ сталъ постоянно торчать въ паркѣ въ то именно время, когда Семья выходила на прогулку. Однажды, когда Государь, проходя мимо него, по обыкновенію встрѣчи съ офицеромъ, протянулъ ему руку, чтобы поздороваться, Домодзянцъ не принялъ руки Государя и заявилъ Ему, что онъ не можетъ по должности помощника коменданта подавать руку Арестованному.

Кобылинскій объ этомъ поступкѣ Домодзянца сообщилъ Керенскому. Послѣдній, пріѣхавъ въ Царское Село, посѣтилъ мѣстный совдепъ и имѣлъ разговоръ съ предсѣдателемъ. Во время этого разговора предсѣдатель доложилъ Керенскому:

„Позвольте Вамъ доложить, Господинъ Министръ, что мы выбрали въ помощники коменданта прапорщика Домодзянца“.

На это Керенскій отвѣтилъ ему рѣзкимъ голосомъ:

„Да, я знаю. Но неужели вы не могли выбрать другое лицо, не такого хама, идіота и дурака?“

Не смотря на столь лестный отзывъ господина министра, мѣстный совдепъ не счелъ нужнымъ измѣнять своего выбора и прапорщикъ Домодзянцъ остался на своемъ мѣстѣ, нахально стараясь попадаться на глаза Керенскаго, когда тотъ посѣщалъ дворецъ.

Назначеніе этого прапорщика Домодзянца было вызвано вовсе не служебной потребностью коменданта, а явилось результатомъ той глухой и непримиримой борьбы между членами Временнаго Правительства и совѣтомъ с. и р. депутатовъ, которая, не смотря ни на какія внѣшнія, условныя соглашенія, внутренно ни на минуту не прекращалась, начиная съ 27 февраля, и которая всегда оканчивалась побѣдой совѣта, *фактическаго распорядителя властью* за все время существованія Временнаго Правительства. Когда совѣтъ узналъ, что его противникъ замышляетъ вывезти Царскую Семью въ Англію и затѣялъ по этому поводу какіе-то переговоры съ представителями Британскаго посольства, то, не считаясь съ оффиціальнымъ признаніемъ власти Временнаго Правительства, онъ самостоятельно и независимо установилъ какъ въ Царскомъ Селѣ, такъ и на желѣзныхъ до-

рогахъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ воспрепятствованію попыткѣ Правительства исполнить свое намѣреніе. Къ числу этихъ мѣръ относилось и предложеніе Петроградскаго совдепа мѣстному Царскосельскому совдепу назначить въ качествѣ постояннаго соглядатая прапорщика Домодзянца. Хотя всѣ эти мѣропріятія шли совершенно въ разрѣзъ съ волей „законной“ власти, но, въ силу своего *безволія и безсилія,* Временное Правительство вынуждено было „санкціонировать“, по выраженію извѣстнаго присяжнаго повѣреннаго и товарища предсѣдателя исполкома совдепа Соколова, незаконныя распоряженія совѣта с. и р. депутатовъ.

Если охранники и представители революціонной „законной“ власти за время ареста Царской Семьи въ Александровскомъ дворцѣ получили возможность присмотрѣться къ личности, характеру, нравственно-религіозному облику бывшаго Самодержца и Помазанника Россійской Державы, то въ свою очередь и Государь получилъ возможность подойти къ значительной массѣ простого русскаго человѣка непосредственно, непосредственно быть въ его средѣ, непосредственно говорить съ нимъ, проникать въ его интересы, въ его душу, въ его міровоззрѣніе. До этой поры между обѣими сторонами была стѣна, стѣна глухая, трудно преодолимая. Для одной стороны эту стѣну создало отступничество отъ вѣры въ свое русское, историческое, идеологическое міровоззрѣніе, а для другой—бюрократизмъ исполнительной власти и властолюбіе боярщины. Теперь верхняя часть стѣны, созданная исполнительной властью и боярщиной, обвалилась, и стоявшіе по обѣ стороны стѣны русскіе люди увидѣли другъ друга. И что же?..

Одни, утратившіе вѣру, взглянувъ угрюмо и злобно, взглянувъ, какъ судьи и обвинители, на представшаго передъ ними развѣнчаннаго Царя, постепенно, по мѣрѣ знакомства съ Нимъ, стали измѣняться, стали прозрѣвать, стали дѣлаться лучше, сердечнѣе, стали интересоваться Имъ, стали заботиться о Немъ, стремились спасти Его. Въ нихъ вѣра была помрачена; потомъ какъ будто въ нихъ начали возрождаться признаки пробужденія вѣры, элементы морали, нравственности, духа. Они могли вернуться въ массѣ и къ вѣрѣ.

Съ другой стороны стѣны стоялъ Царь, вѣрившій въ идею, вѣрившій заочно и въ народъ. Онъ пошелъ къ нему спокойно, довѣрчиво, съ протянутой рукой. Одинъ не при-

нялъ, другой не принялъ, третій отвернулся, четвертый смутился, но вѣра Царя была слишкомъ сильна—Онъ не опускалъ руки. И вотъ нашелся одинъ, принявшій руку, за нимъ—другой, потомъ—нѣсколько, потомъ—много, потомъ... могла быть вся Россія. На тронѣ, отдѣленный стѣной, Онъ не ошибался въ Своей вѣрѣ: „народъ добрый, хорошій; его смутили злые люди и жиды...“

Въ своемъ кругу.

„Обнявшись, съ просвѣтлѣвшими лицами, не обмолвившись еще ни однимъ словомъ другъ съ другомъ, Они пошли въ комнату Дѣтей“.

Такъ отмѣчаетъ свидѣтель встрѣчу Государя съ Государыней въ первыя минуты Ихъ соединенія въ Александровскомъ дворцѣ, 9-го марта 1917 года, послѣ хотя и не продолжительной, но тяжелой безызвѣстностью и пережитыми Обоими событіями, разлуки. Разсказы приближенныхъ и прислуги, окружавшихъ Царскую Семью въ періодъ Ея ареста, показанія свидѣтелей охраны и комендатуры въ различные періоды заключенія Семьи въ Царскомъ Селѣ, Тобольскѣ и Екатеринбургѣ, позволяютъ обрисовать общія, основныя, характерныя черты, присущія, какъ всей Семьѣ въ цѣломъ, такъ и отдѣльнымъ Ея членамъ, въ достаточной степени точности, своеобразности и опредѣленности. Возвращеніе Отца живымъ и объединеніе всей Семьи вмѣстѣ подъ одной кровлей было громаднымъ нравственнымъ и духовнымъ утѣшеніемъ для всѣхъ Ея членовъ въ эти исключительно трагическіе дни Ихъ жизни, и не могло не вызвать прежде всего радостнаго чувства, что Ихъ не разлучатъ и предоставятъ Имъ, во взаимной поддержкѣ другъ друга, проявить любовь и силы, чтобы смягчить горячо любимому Отцу и Мужу Его тяжелыя душевныя переживанія за текущія событія и за будущность дорогой для Нихъ всѣхъ Великой Родины. Въ этомъ отношеніи примѣромъ самоотверженія, преданности и заботы о Государѣ являлась Жена и Мать, Она съумѣла передать и воспитать въ Дѣтяхъ тѣ же высокія чувства, сосредоточивавшія вниманіе и почитаніе Семьи на Отцѣ, не смотря на то, что по силѣ воли и характера внутренней руководительницей жизни и быта семейнаго очага оставалась Мать.

Весь внѣшній и духовный укладъ домашней жизни Царской Семьи представлялъ собою типичный образецъ чистой, патріархальной жизни простой русской, религіозной семьи. Вставая утромъ отъ сна, или ложась вечеромъ передъ сномъ, каждый изъ членовъ Семьи совершалъ Свою молитву, послѣ чего утромъ, собравшись по возможности вмѣстѣ, Мать или Отецъ громко прочитывали прочимъ членамъ положенныя на данный день Евангелія и Посланія. Равнымъ образомъ, садясь за столъ или вставая изъ за стола послѣ ѣды, каждый совершалъ положенную молитву и только тогда принимался за пищу, или шелъ къ себѣ. Никогда не садились за столъ, если Отецъ чѣмъ-нибудь задерживался; ждали Его. Когда кто-нибудь изъ Дѣтей обращался къ Матери по вопросамъ, касавшимся воспитанія, образованія или отношеній внѣшняго свойства, Мать всегда отвѣчала: „я поговорю съ Отцомъ". Когда къ Отцу обращались съ вопросомъ того или другого внутренняго или хозяйственнаго распорядка, или съ вопросомъ, касавшимся всей Семьи, Онъ неизмѣнно отвѣчалъ: „какъ Жена, Я поговорю съ Ней". Оба поддерживали авторитетъ другъ друга и Оба по вѣрѣ сознательно проводили идею: „единой плоти и единаго духа".

Нормально день Ихъ ареста въ Царскомъ Селѣ складывался такъ: вставали въ 8 часовъ утра; молитва, утренній чай всѣхъ вмѣстѣ, кромѣ, конечно, больныхъ, еще не выходившихъ изъ Своихъ комнатъ. Гулять разрѣшалось Имъ два раза въ день: отъ 11 до 12 часовъ утра и отъ двухъ съ половиною до пяти часовъ дня. Въ свободное отъ учебныхъ занятій время дня, дома, Государыня и Дочери шили что-нибудь, вышивали или вязали, но никогда не оставались безъ какого-либо дѣла. Государь въ это время читалъ у Себя въ кабинетѣ и приводилъ въ порядокъ Свои бумаги. Вечеромъ послѣ чая Отецъ приходилъ въ комнату Дочерей; Ему ставили кресло, столикъ и Онъ читалъ вслухъ произведенія русскихъ классиковъ, а Жена и Дочери, слушая, рукодѣльничали или рисовали. Государь съ дѣтства былъ пріученъ къ физической работѣ и пріучалъ къ ней и Своихъ Дѣтей. Часъ утренней прогулки Императоръ обыкновенно употреблялъ на моціонъ хожденія, причемъ Его сопровождалъ большей частью Долгоруковъ; они бесѣдовали на современныя, переживавшіяся Россіей темы. Иногда вмѣсто Долгорукова Его сопровождала которая-нибудь изъ Дочерей, когда Онѣ поправились отъ своей болѣзни. Во время днев-

ныхъ прогулокъ всѣ члены Семьи, за исключеніемъ Императрицы, занимались физической работой: или очищали дорожки парка отъ снѣга, или кололи ледъ для погреба, или обрубали сухія вѣтви и срубали старыя деревья, заготавливая дрова для будущей зимы. Съ наступленіемъ теплой погоды вся Семья занялась устройствомъ обширнаго огорода и въ этой работѣ съ Ней вмѣстѣ принимали участіе нѣкоторые офицеры и солдаты охраны, уже привыкшіе къ Царской Семьѣ и стремившіеся выказывать Ей свое вниманіе и доброжелательство.

Съ теченіемъ времени, поправившись отъ болѣзней, Дѣти возобновили свои учебныя занятія. Такъ какъ посѣщеніе преподавателями и учителями со стороны, извнѣ, было воспрещено, то Родители организовали обученіе при посредствѣ тѣхъ придворныхъ лицъ, которыя раздѣляли заключеніе съ Семьей. Такимъ образомъ Государь принялъ на Себя преподаваніе Наслѣднику Цесаревичу географіи и исторіи; Государыня проходила со всѣми Дѣтьми Законъ Божій; Великая Княжна Ольга Николаевна занималась съ младшими Сестрами и Братомъ англійскимъ языкомъ; Екатерина Адольфовна Шнейдеръ преподавала младшимъ Великимъ Княжнамъ и Наслѣднику Цесаревичу математику и русскую грамматику; графиня Гендрикова занималась съ Великой Княжной Анастасіей Николаевной исторіей; баронесса Буксгевденъ—со старшими Великими Княжнами англійскимъ языкомъ; докторъ Боткинъ—съ Алексѣемъ Николаевичемъ русской литературой; докторъ Деревенько—съ Нимъ же естествовѣдѣніемъ, а Жильяръ—со Всѣми французскимъ языкомъ.

Изъ переписки и документовъ, принадлежавшихъ князю Долгорукову и найденныхъ съ остатками его вещей въ Екатеринбургѣ въ помѣщеніи бывшаго областного совдепа, видно, что въ періодъ ареста въ Царскомъ Селѣ и въ Тобольскѣ Государь и Государыня были очень озабочены урегулированіемъ и обезпеченіемъ финансовой стороны будущей жизни Семьи и старались тщательно экономить остававшіяся въ Ихъ распоряженіи очень скромныя личныя средства, сокращая до минимума расходы на Свою жизнь. Не смотря на ограниченность средствъ, отказывая Себѣ, довольствуясь простымъ столомъ, Государь и Государыня не прекратили Своей благотворительности и старались помогать другимъ насколько могли; прошенія же отъ разныхъ частныхъ лицъ

о помощи и поддержкѣ, не смотря на оффиціальное объявленіе объ Ихъ низложеніи и арестѣ, не прекращали поступать во дворецъ, и Державная Чета удовлетворяла ихъ въ мѣрѣ Своей возможности. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ дѣлахъ Долгорукова сохранилась росписка комиссара Панкратова въ полученіи имъ отъ бывшаго Государя Императора пожертвованія на нужды фронта въ размѣрѣ 300 рублей. Между тѣмъ въ это время средства Семьи были уже настолько исчерпаны, что коменданту охраны приходилось изыскивать способы добыть деньги подъ свои векселя у частныхъ лицъ, чтобы прокормить Семью и состоявшихъ при Ней придворныхъ и прислугу. Камердинеръ Чемадуровъ показывалъ, что когда по пріѣздѣ въ Екатеринбургъ комиссаръ Дидковскій произвелъ обыскъ, то у Государя и Государыни денегъ не оказалось совершенно; у Великой Княжны Маріи Николаевны нашлось 16 рублей 33 копѣйки и у доктора Боткина—280 рублей.

Сношенія Царской Семьи съ внѣшнимъ міромъ послѣ ареста не прекратились; Семья продолжала получать не только прошенія о помощи, но и выраженія сочувствія, симпатіи отъ далекихъ людей изъ провинціи, отъ монастырей и отъ раненыхъ офицеровъ и солдатъ, бывшихъ на излѣченіи въ госпиталяхъ Царскаго Села, гдѣ работали въ качествѣ сестеръ милосердія Государыня и двѣ старшія Дочери. Великія Княжны продолжали получать письма и отъ подругъ придворнаго круга, хотя нѣкоторыя изъ этихъ корреспондентокъ писали, видимо, съ нѣкоторой осторожностью. По этому поводу характеренъ слѣдующій разсказъ полковника Кобылинскаго:

„Люди трусили обнаружить свои отношенія къ Царской Семьѣ. Ольгу Николаевну очень любила Маргарита Хитрово. Она часто приходила ко мнѣ и просила передать письма Ольгѣ Николаевнѣ. Свои письма она всегда такъ и подписывала: „Маргарита Хитрово“. Такъ же полно въ письмахъ, которыя мнѣ приносила Хитрово, подписывалась еще Ольга Колзакова. Но были и такія письма, авторы которыхъ подписывались такъ: „Лили“ (Дэнъ), „Тити“ (Вильчковская). Я какъ-то сказалъ Хитрово: вотъ Вы прямо и открыто подписываетесь своимъ именемъ. Такъ же подписывается и Ольга Колзакова. А другія скрываютъ свои имена. Представьте себѣ, какимъ-либо образомъ эта переписка попадетъ въ руки теперешней власти и меня спросятъ: отъ кого эти

письма? Вѣдь мое положеніе передатчика писемъ станетъ глупымъ. Передайте, пожалуйста, авторамъ этихъ писемъ, что я прошу ихъ придти ко мнѣ. Долженъ же я знать кто онѣ такія“.

„Послѣ этого“, добавляетъ Кобылинскій, „я совсѣмъересталъ получать письма отъ „Лили“ и „Тити“ для Ольги Николаевны“.

Но лично Государю пришлось пережить измѣну почти всѣхъ бывшихъ приближенныхъ и любимѣйшихъ чиновъ былой Свиты. Перенесъ Онъ эту измѣну стойко, мужественно, видя въ этомъ перстъ Божій, и никто не услышалъ отъ Него ни слова упрека и осужденія. Въ этомъ отношеніи сказывается поразительное величіе Его души, какъ бывшаго Царя и Помазанника Божія Великой Россіи. Такъ однажды, когда вмѣсто уходившаго Бенкендорфа Керенскій предложилъ Ему выбрать замѣстителя, то Его выборъ остановился первоначально на Нарышкинѣ, до революціи исполнявшемъ при Немъ обязанности начальника личной походной канцеляріи. Нарышкинъ, поставленный въ извѣстность о выборѣ Царя, просилъ дать ему 24 часа на размышленіе. Объ этомъ доложили Государю.

„Ахъ такъ, тогда не надо“, сказалъ Императоръ совершенно спокойнымъ, сдержаннымъ голосомъ, въ которомъ не чувствовалось ни осужденія Нарышкину, ни той боли, которую должно было вызвать въ Царѣ это слишкомъ опредѣленное колебаніе своего бывшаго приближеннаго. И Онъ тотчасъ же попросилъ дать знать генералу Татищеву, что Онъ избираетъ его, хотя Татищевъ и не принадлежалъ къ свитскимъ.

Всѣ эти факты, раскрывавшіе теперь передъ Царемъ истинное содержаніе и подлинное лицо царедворцевъ, окружавшихъ Его тронъ и долженствовавшихъ служить Ему опорой, конечно, причиняли Государю страшную внутреннюю боль, тѣмъ болѣе, что теперь Онъ видѣлъ воочію до чего даже въ кругу ближайшихъ Своихъ придворныхъ-бояръ Онъ былъ одинокъ со Своей святой идеей русскаго народа и въ борьбѣ съ „темными силами“ боярства, стремившимися дискредитировать Его въ глазахъ народной массы и вырвать изъ Его рукъ Богомъ данную Ему власть. Онъ совершенно спокойно принималъ то, что писалось про Него и про Государыню во всѣхъ русскихъ газетахъ послѣ Его отреченія и заключенія подъ арестъ. Онъ зналъ, что

эти клеветническія, грязныя обвиненія служили одной изъ главныхъ силъ подпольной агитаціи, стремившейся возстановить противъ Него и Жены общественное мнѣніе и поднять на революціонное движеніе народныя массы, а потому появленіе ихъ въ печати послѣ переворота не могло уже причинить Его чувствамъ особенно острой боли. Какъ-то однажды, значительно позже, Татищевъ, умиленный картиной Семейнаго дружнаго очага Царской Семьи и глубокой любовью, существовавшей между всѣми Ея членами, не удержался и высказалъ Государю свое восторженное удивленіе. Императоръ, конечно, не могъ не почувствовать нѣкоторой горечи отъ словъ Татищева, этого вѣрнаго, честнаго и самоотверженнаго приближеннаго, и, съ присущей Ему добротой и быть можетъ съ нѣкоторымъ легкимъ оттѣнкомъ доброй ироніи, отвѣтилъ ему:

„Если Вы, Татищевъ, который были моимъ генералъ-адъютантомъ и имѣли столько случаевъ составить себѣ вѣрное сужденіе о Насъ, такъ мало Насъ знали, какъ Вы хотите, чтобы Мы съ Государыней могли обижаться на то, что говорятъ о Насъ въ газетахъ?“

Но переживаніе прямой измѣны служенію Самодержавію и народу со стороны ближайшихъ Своихъ сподвижниковъ и родственниковъ, конечно, не могло не причинить Царю самыхъ острыхъ страданій и мученій, тѣмъ болѣе, что Онъ любилъ этихъ людей, любилъ искренно и горячо и безконечно вѣрилъ ихъ преданности и чистотѣ привязывавшихъ ихъ къ Нему чувствъ. Надо было быть дѣйствительно Боговидцемъ по небесной любви, чтобы имѣть силу и добрую волю такъ до конца прощать людямъ ихъ прегрѣшенія, ни однимъ словомъ, ни однимъ выраженіемъ не осудить этихъ людей въ разговорахъ съ другими и простить имъ всю ужасную боль разочарованія и сомнѣнія, которую не могъ не испытать Царь отъ ихъ измѣны.

И тѣмъ не менѣе эти личныя мученія и страданія были ничто въ сравненіи съ тѣми страданіями, которыя переживалъ Государь за Россію за все время Своего 17-ти мѣсячнаго ареста. Послѣ отказа Великаго Князя Михаила Александровича принять власть Онъ хотѣлъ сначала вѣрить, что вынудившая Его отреченіе Государственная Дума является дѣйствительной выразительницей воли народа въ данный моментъ упадка духовныхъ силъ страны и, что она сможетъ повести за собой народныя массы къ достиженію

побѣды во чтобы то ни стало и вольетъ въ страну притокъ тѣхъ необходимыхъ внутреннихъ національныхъ силъ, которыя вернутъ ей утраченные за предыдущій напряженный періодъ борьбы патріотическую энергію и могучій порывъ въ сознаніи спасенія въ прочномъ государственномъ единеніи. Признавая Себя слабымъ волей и характеромъ въ проведеніи въ жизнь рѣшеній, соотвѣтственныхъ Своимъ духовнымъ идеямъ и сердечнымъ побужденіямъ, Онъ мнилъ увидѣть силу въ людяхъ новой власти и новаго направленія, приложенную сообразно тѣмъ принципамъ и задачамъ государственнаго единенія, которые такъ настойчиво и убѣдительно рисовались Ему въ послѣднее время всѣми представителями общественности, политики и военнаго командованія. Онъ любилъ людей, а потому и вѣрилъ имъ. Поэтому и въ Псковѣ Онъ повѣрилъ утвержденіямъ представителей Государственной Думы, что они справятся съ положеніемъ и „не предвидятъ осложненій отъ перемѣны строя государственнаго управленія".

Въ эти первые дни надежды на волю и характеръ новой власти, Онъ продолжалъ страдать лишь страданіемъ Своей душевной борьбы, пережитой въ дни 28-го февраля, 1-го и 2-го марта и, вернувшись въ Царское Село, весь ушелъ въ Семью, въ нѣжной заботѣ и любви коей Онъ пріобрѣталъ силы бороть и терпѣть Свое внутреннее переживаніе. Въ эти первые дни Царскосельскаго заключенія Государь ни съ кѣмъ не дѣлился мнѣніями или впечатлѣніями о текущихъ политическихъ событіяхъ. Съ полной покорностью волѣ Всевышняго Промысла, Онъ безропотно подчинился всѣмъ ограничительнымъ условіямъ ареста, установленнымъ Временнымъ Правительствомъ, и только грубая выходка Коровиченки при выемкѣ Его бумагъ, видимо, единственный разъ вывела Его изъ равновѣсія, что и было замѣчено посторонними свидѣтелями, привыкшими видѣть Его всегда поразительно выдержаннымъ и умѣющимъ владѣть Собою.

Обостреніе страданій за Россію началось нѣсколько позже. Государь получалъ много газетъ и съ громаднымъ увлеченіемъ слѣдилъ по нимъ за событіями, развертывающимися въ Россіи. Эти свѣдѣнія не давали Ему, конечно, полной картины, а главное не указывали наглядно на дѣйствительный ужасъ безсилія и безволія новой власти въ борьбѣ съ растлѣвающимъ страну и народъ вліяніемъ

„темныхъ силъ“ революціи, вспыхнувшей тотчасъ же за Его отреченіемъ отъ престола. Объ этой дѣйствительности получавшіяся Имъ газеты въ первое время или умалчивали совершенно, или говорили въ такихъ туманныхъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ, что не вызывали въ читающемъ особой тревоги. Но черезъ нѣкоторое время Государь сталъ получать свѣдѣнія о фактическомъ положеніи дѣла черезъ Своихъ приближенныхъ, которые, въ свою очередь, получали эти свѣдѣнія отъ родныхъ и знакомыхъ, остававшихся въ Петроградѣ. Эти свѣдѣнія, пополняя сообщенія газетъ, начали рисовать въ сознаніи Государя картину истиннаго положенія новой власти, и въ связи съ этимъ положеніемъ постепенно характеризовали прогрессивный ходъ анархіи въ странѣ и разложенія армій на фронтѣ. Вотъ тогда внутреннее страданіе Государя за будущность Россіи стало принимать такую острую и сильную форму, что Онъ потерялъ возможность сдерживать себя, и окружающіе стали замѣчать прорывавшіеся наружу сильное волненіе и внутренній ужасъ, охватывавшіе все Его существо; сплошь да рядомъ, не будучи въ силахъ сдерживать Свои страданія, Онъ началъ дѣлиться Своими мыслями и чувствами съ окружавшими Его приближенными, чего раньше никогда не дѣлалъ.

Первымъ довѣреннымъ въ этомъ отношеніи явился князь Долгоруковъ. Прочтя полученныя утромъ газеты и свѣдѣнія, Государь уводилъ Долгорукова на утреннюю прогулку и, ходя быстрыми шагами въ отведенномъ для прогулокъ раіонѣ, дѣлился съ нимъ Своими впечатлѣніями о текущихъ событіяхъ. Изъ разсказовъ Долгорукова остальнымъ приближеннымъ можно судить, что страданіе Государя было очень глубокимъ и сложнымъ. Оно наростало постепенно, по мѣрѣ того, какъ, съ одной стороны, Императоръ утрачивалъ надежду на способность и силу новой власти справиться съ своей задачей, и съ другой—по мѣрѣ того, какъ изъ бесѣдъ и знакомства съ охранниками Его окружавшими Онъ приходилъ къ подтвержденію Своего духовнаго убѣжденія, что масса русскаго простого народа совершенно не раздѣляла политическихъ стремленій европейски-увлеченныхъ руководителей Государственной Думы и оставалась тѣмъ, чѣмъ была испоконъ вѣковъ—„вѣрующею, но легко поддающеюся смутѣ, на которую надо дѣйствовать добромъ“. Глубоко вѣрующій Самъ, Государь ни минуты не сомнѣ-

вался, что въ основѣ переживавшихся Россіей событій лежитъ воля Промысла Всевышняго Творца, но, какъ мудрый человѣкъ, Онъ не могъ понять, какъ руководители интеллигентныхъ классовъ населенія могли такъ увлекаться человѣческими идеями и побужденіями, чтобы идти въ разрѣзъ съ историческимъ, духовно-идеологическимъ воззрѣніемъ русскаго народа, пробуждая въ немъ не внутреннія хорошія и духовныя начала, а потакая и возбуждая къ жизни только низменные и животные инстинкты внѣшней натуры малокультурнаго и несознательнаго человѣка. Онъ понималъ, что этотъ путь будетъ уклонять русскаго человѣка отъ добра и Христова свѣта, которые инстинктомъ жили въ глубокихъ нѣдрахъ его простой души и инстинктивно же вызовутъ въ массахъ ужасный протестъ, который, за отсутствіемъ добраго вліянія и сдерживающихъ духовно-національныхъ принциповъ, поведетъ къ страшной внутренней распрѣ, враждѣ и деморализаціи страны. И какъ человѣкъ, воплощавшій въ Себѣ сверхъ-человѣческій запасъ любви, Государь страдалъ за будущее русскаго народа, страдалъ его страданіями или, вѣрнѣе, тѣми страданіями, которыя ему предстояло перенести на историческомъ пути государственной жизни. Онъ по человѣчески мудро оцѣнивалъ опасность и вредъ тѣхъ или другихъ шаговъ новой власти, видѣлъ ея безсиліе ввести жизнь государства въ рамки, не присущія народному духу, и въ то же время искренно радовался каждому проблеску возможности ей удержать развалъ страны и не допустить народныхъ массъ до увлеченія крайними теченіями.

И въ ряду общаго страданія за Россію Его особенно мучили опасенія за армію. Знаменитый приказъ № 1 былъ доставленъ Ему съ фронта, почему Онъ зналъ, что развращающія идеи этого приказа стали достояніемъ солдатской массы. Онъ не могъ понять, какъ власть, уважающая себя, здравая и претендовавшая быть властью національной, могла допустить распространеніе въ арміяхъ приказа, который завѣдомо долженъ былъ привести къ разложенію солдатскихъ массъ, къ подрыву авторитета какой бы то ни было власти и къ невозможности продолжать борьбу съ внѣшнимъ врагомъ. Въ одинъ изъ дней послѣ полученія этого приказа Государь, сильно взволнованный, выйдя изъ обычныхъ рамокъ Своей сдержанности, встрѣтилъ Жильяра и,

никогда раньше не дѣлясь съ нимъ Своими мыслями, горячо и нервно сказалъ ему:

„Я имѣю свѣдѣнія, что генералъ Рузскій подалъ въ отставку; онъ хотѣлъ перейти въ наступленіе, но солдатскіе комитеты были съ нимъ не согласны. Если это правда, то арміи больше не существуетъ. Какой ужасъ!.. Вѣдь это равносильно самоубійству; мы дадимъ нѣмцамъ свободу дѣйствій. Они раздавятъ союзниковъ, а потомъ очередь дойдетъ и до насъ... Я надѣюсь лишь на то, что у насъ любятъ преувеличивать. Не можетъ быть, чтобы въ два мѣсяца армія пала такъ низко“.

Тѣмъ съ большей радостью, искренностью и надеждой на возможность возрожденія національныхъ силъ, на возможность упроченія новой власти, относился Онъ къ такимъ свѣдѣніямъ, какъ первоначальныя извѣстія о благополучно начавшемся Тарнопольскомъ наступленіи. Веселый и счастливый Онъ приходилъ по вечерамъ къ постели Наслѣдника Цесаревича и съ увлеченіемъ читалъ Ему послѣднія новости съ поля сраженія, въ которыхъ сообщались данныя о трофеяхъ и плѣнныхъ, захваченныхъ нашими войсками при наступленіи. По случаю этихъ успѣховъ 21-го іюня во дворцѣ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ, и бывшій Императоръ не скрывалъ отъ окружающихъ Своей радости, что помимо военнаго значенія побѣды, „эти успѣхи укрѣпятъ власть Временнаго Правительства и ему быть можетъ удастся возстановить снова мощь и духъ арміи и довести войну до конца съ честью“. Онъ весь былъ проникнутъ однимъ чувствомъ любви къ Великой Родинѣ, и горячо молился, когда провозглашалось многолѣтіе „Временному Россійскому Правительству“. У окружавшихъ Его въ заточеніи приближенныхъ сложилось вполнѣ опредѣленное впечатлѣніе, что Онъ готовъ былъ перенести безропотно и съ полной покорностью всѣ самыя строгія и унизительныя ограниченія ареста и всѣ самыя тяжелыя послѣдствія Своего отреченія отъ власти, лишь бы новые люди и новое положеніе смогли и сумѣли спасти отъ окончательной гибели Его дорогую Россію и русскій народъ.

Государь по примѣру 1905 года понималъ, что значительное участіе въ распространеніи клеветнической и политически зловредной агитаціи принадлежитъ Германіи и прекрасно организованной ею агентурно-политической сѣти въ Россіи. Ему особенно чувствовалась рука Германіи въ

пасифистическихъ тенденціяхъ, проникшихъ въ агитацію со времени Его отреченія отъ престола и всегда пользовавшихся для политической атаки принципами самыхъ крайнихъ соціалистическихъ теченій: „миръ безъ анексій и контрибуцій“; „миръ народовъ, а не правительствъ“; „миръ во имя всеобщаго братства“ и т. п. лозунгами, выдвинутыми пропагандой въ рядахъ армій на фронтѣ. Ему ясна была и цѣль, которую преслѣдовала Германія. Это былъ подлый, низкій способъ борьбы, но для Государя онъ былъ не неожиданъ, такъ какъ еще до объявленія войны Онъ хорошо отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что Германія не остановится ни передъ какими средствами, чтобы остаться побѣдительницей въ міровой борьбѣ народовъ. Но что ужасало Его не менѣе, и что причиняло Ему глубокую боль, такъ это отношеніе къ Нему лично со стороны Англіи, газеты коей не преминули подхватить почти всѣ гнусныя сплетни, создававшіяся въ соціалистическихъ и германофильскихъ подпольяхъ до-революціоннаго времени. Онъ отказывался понимать въ этомъ отношеніи британское общественное мнѣніе, которое, слѣдовательно, не обнаруживая себя раньше, до Его отреченія, по чувству условной корректности, раздѣляло въ тайнѣ всю эту гнусность и могло даже простымъ тайнымъ сочувствіемъ поддерживать революціонныя стремленія соціалистическихъ элементовъ Россіи противъ Него и противъ существующаго государственнаго строя, слѣпо содѣйствуя такимъ образомъ стремленіямъ Германіи ослабить силы своихъ противниковъ. Государственной мудрости въ британскомъ общественномъ мнѣніи хватило лишь въ предѣлахъ узко-національнаго торгашескаго джентльменства, и представлявшаяся выгодной политическая сдѣлка подвинула его на рекламированіе въ слѣпую цѣнностей опредѣленно германскаго и подпольнаго изготовленія. При той честности и лойяльности, которыя Царь лично проявлялъ по отношенію къ союзническимъ обязательствамъ, и которыя Онъ свято проводилъ во всѣхъ Своихъ манифестахъ, указахъ и приказахъ, Онъ не могъ не ужасаться передъ этой слѣпотой и ограниченностью англійскаго общественнаго сужденія, игравшаго въ руку могущественнаго и сильнаго своей государственной національностью противника, и помогавшаго разрушительной, анархическо-пораженческой работѣ въ странѣ и въ рядахъ союзныхъ армій на фронтѣ. Государь не допускалъ мысли о возможности новой, революціонной

Россіи отказаться отъ союзническихъ обязательствъ, какъ не допускалъ ея раньше и для Себя, совершенно независимо отъ личныхъ или общественныхъ симпатій къ государственному строю того или другого изъ союзниковъ. Англійская пресса не могла не знать какъ о тѣхъ колоссальныхъ человѣческихъ жертвахъ, по сравненію съ жертвами союзниковъ, которыя были принесены русскимъ народомъ именно въ періодъ самодержавнаго правленія Императора Николая II, такъ и о томъ, что только благодаря честности и вѣрности русскаго Монарха принятымъ на Себя обязательствамъ, и только цѣною крови русскаго народа, пролитой безропотно въ преданности своему Самодержцу и Помазаннику, союзники были спасены отъ разгрома въ самомъ началѣ войны. И поэтому теперь поведеніе англійской прессы, лишенное этичности и государственной мудрости, какъ бы подчеркивало косвенно пренебреженіе къ тѣмъ кровавымъ жертвамъ, которыя были принесены русскимъ народомъ. И Царь страдалъ именно за эти жертвы, принесенныя народомъ по Его требованію и оставшіяся какъ бы неоцѣненными тѣми, кого онъ спасъ своей кровью. Онъ высказалъ Свои мысли только Долгорукову, зная его преданность Себѣ, и зная, что Долгоруковъ Его пойметъ. Косвенно Онъ далъ понять о Своемъ чувствѣ боли за поведеніе англійской прессы въ разговорѣ съ Жильяромъ, когда указалъ ему на то, что французская пресса соблюла полную корректность въ отношеніи Его, описывая событія, предшествовавшія отреченію и самое отреченіе отъ престола, чего въ англійской прессѣ Онъ не видитъ.

Его безпредѣльная любовь къ Своему русскому народу заставляла Его такимъ образомъ страдать за прошлое, за настоящее и за будущее Россіи. Онъ страдалъ, какъ человѣкъ, не могущій подать помощи опасно и остро заболѣвшему близкому другу, но чувствовавшій всѣми фибрами Своей отмѣченной и благословенной Богомъ души, что истинные пути къ выздоровленію, истинные пути къ спасенію существуютъ на землѣ, существуютъ въ глубинѣ натуры русскаго человѣка, но находятся не въ тѣхъ чуждыхъ русскому народу формахъ и принципахъ, которые навязывали ему его руководители-бояре. Онъ страдалъ за безсиліе и безволіе другихъ людей спасти положеніе, дать Россіи возможность выйти побѣдоносной и цѣлой изъ этой ужасной міровой войны. Онъ страдалъ за страданіе всего Богомъ

ввѣреннаго Ему народа, отвѣтственность за котораго передъ Всевышнимъ Творцомъ оставалась только на Немъ одномъ, и вѣрилъ, что Промыселъ Божій дастъ Ему возможность пострадать за Россію до конца, и что во Всевышней Мудрости ниспосланныхъ Ему и Родинѣ страданіяхъ откроятся истинные пути къ новой славѣ и великому служенію Христу будущей Великой возрожденной Россіи.

Это величественное страданіе наложило на Него отпечатокъ поразительной кротости и мягкости, съ которыми Онъ обращался ко всѣмъ окружавшимъ и приближавшимся къ Нему за послѣдніе 17 мѣсяцевъ Его земной жизни. Эти ярко выразившіяся въ Немъ свойства, отмѣчаемыя всѣми свидѣтелями, вплоть до Екатеринбургскаго охранника-звѣря Летемина, дали Ему страшную силу, которою Онъ побѣждалъ людскую злобу и располагалъ къ Себѣ простыхъ русскихъ людей, которыхъ судьба ставила вокругъ Него въ положеніе тюремной стражи. Впослѣдствіи создававшіяся благодаря такому положенію взаимоотношенія между Арестованнымъ и Его стражей причинили много безпокойства изувѣрскимъ представителямъ совѣтской власти и вынудили сыновъ Лжи принять исключительныя мѣры при приведеніи въ исполненіе своего гнуснаго и звѣрскаго плана уничтоженія Царской Семьи.

Напряженіе послѣднихъ дней, вызванное невѣдѣніемъ о судьбѣ Мужа, въ связи съ безпокойствомъ за состояніе здоровья Дѣтей и особенно Сына, и волненія за переживаемыя Россіей событія въ концѣ концовъ совершенно подорвали силы Императрицы, и послѣ возвращенія въ Александровскій дворецъ Государя Она слегла и почти не сходила съ постели или полулежачаго кресла. Внутреннее потрясеніе, усиливавшееся стремленіемъ скрыть отъ Дѣтей и окружающихъ силу Своихъ душевныхъ мученій, отразилось на болѣзненности сердца, и послѣ нѣсколькихъ сильныхъ припадковъ работа сердца приняла характеръ опредѣленнаго порока, не допускавшаго самыхъ незначительныхъ повышенныхъ движеній и физическихъ усилій. Она была въ состояніи самостоятельно переходить только изъ комнаты больныхъ Дочерей въ комнату Наслѣдника, и до начала апрѣля не сходила даже въ столовую. Все Свое время Государыня проводила среди любимыхъ Дѣтей и была счастлива, что могла отдаться теперь всецѣло заботамъ о Мужѣ, Семьѣ и Дѣтяхъ и отдохнуть душой отъ тѣхъ тяжелыхъ

дней, когда была потеряна связь съ Государемъ и когда она такъ тревожилась за Его участь.

Позже, когда погода стала теплѣе и силы Ея нѣсколько окрѣпли, при помощи Мужа или Своихъ приближенныхъ дамъ, Она выходила въ установленные дневные часы въ паркъ, и въ то время, когда другіе члены Семьи занимались различными физическими работами или огородными посадками, Она усаживалась гдѣ-нибудь подъ деревомъ на подстилавшемся Ей коврикѣ и, занимаясь какимъ-либо рукодѣліемъ, вела бесѣды съ окружавшими Ее офицерами и солдатами охраны. Рукодѣльничала Государыня постоянно и работала поразительно искуссно, быстро и артистически. Обреченная Своимъ болѣзненнымъ состояніемъ на неподвижную жизнь, Она почти никогда не выпускала какого-либо рукодѣлія изъ рукъ. Пока Семья содержалась въ Царскомъ Селѣ, Императрица продолжала работать различныя теплыя вещи для больныхъ и раненыхъ и посылала ихъ въ мѣстные лазареты и госпитали. Позднѣе, въ Тобольскѣ, Она работала различныя вещи для своего домашняго обихода, и въ вещахъ, оставшихся въ Екатеринбургѣ и отобранныхъ отъ различныхъ охранниковъ, оказалось большое количество собственноручныхъ издѣлій Императрицы самаго разнообразнаго характера. Видимо Она хорошо владѣла и карандашемъ, такъ какъ въ оставшихся вещицахъ нашлось нѣсколько Ея незначительныхъ карандашныхъ набросковъ, изъ коихъ каррикатура на Великую Княжну Ольгу Николаевну въ костюмѣ сестры милосердія являлась вполнѣ художественной и мѣткой по характернымъ чертамъ сходства.

Государыня въ отношеніи сохраненія вѣрности со стороны Своихъ приближенныхъ дамъ была болѣе счастлива, чѣмъ Государь; ни одна изъ окружавшихъ Ее дамъ, составлявшихъ близкій Ея кругъ, въ день ареста Императрицы генераломъ Корниловымъ не пожелала покинуть дворца и всѣ онѣ раздѣлили участь своей Августѣйшей „Узницы“, какъ шутливо подписывалась въ запискахъ къ нимъ Государыня во все время содержанія Семьи въ Царскомъ Селѣ. Старушки Бенкендорфъ и Нарышкина, вынужденныя покинуть дворецъ изъ-за дѣйствительно серьезнаго болѣзненнаго состоянія и преклоннаго возраста, оставляли Императрицу съ большимъ горемъ и искренними слезами отчаянія, ясно указывавшими на силу и степень ихъ глубокой, убѣжденной привязанности къ своей бывшей Императрицѣ. Въ

настоящее время изслѣдованіе, въ силу особыхъ условій работы, не имѣло возможности удѣлить много времени на спеціальное изученіе переписки Государыни съ Ея приближенными, могущей установить съ полной опредѣленностью тѣ духовно-нравственныя начала, которыя ложились въ основу привязанности и дружбы между Императрицей и тѣми людьми, которымъ посчастливилось при жизни Государыни познать истинную возвышенную и одухотворенную натуру этой величественной Императрицы, Жены, Матери и Женщины, такъ несправедливо и жестоко принятой и понятой въ кругахъ русскаго интеллигентнаго общества. Со временемъ быть можетъ историкамъ русской и чистой души удастся изучить довольно значительный матеріалъ по этому вопросу и освѣтить болѣе глубоко исключительность духовнаго образа Государыни Александры Федоровны, которой Россія, по волѣ Всевышняго Промысла, создала полную трагизма Державную жизнь и великій мученическій конецъ ея.

Взгляды Ея на текущія политическія событія, отношеніе Ея къ народу были совершенно таковыми же, какъ и Государя. Какъ и Онъ, Она надѣялась первоначально, что Государственная Дума сможетъ справиться съ возникшимъ движеніемъ, новыми мѣропріятіями, соотвѣтствующими общему духовному упадку, вызванному напряженіемъ тяжелой и затяжной войны, вызоветъ необходимый моральный подъемъ въ странѣ для выигрыша времени и достиженія побѣды надъ коварнымъ, внѣшнимъ врагомъ. Но какъ и Императоръ, Государыня понимала, что революція въ Россіи была во многомъ обязана Германіи и неоднократно высказывала этотъ Свой взглядъ въ бесѣдахъ съ приближенными:

„Революція въ Россіи—это не безъ вліянія Германіи. Но за это она поплатится сама тѣмъ же, что она сдѣлала и съ Россіей“.

И потому Она считала, что поведеніе Думы въ отношеніи Царя и вынужденное ею отреченіе отъ престола будутъ только на руку нѣмцамъ, которые въ своей политической работѣ не откажутся отъ дальнѣйшихъ попытокъ внести смуту въ народныя массы. Поэтому когда послѣ Тарнопольской катастрофы опредѣлилось съ полной ясностью, что новая власть въ Россіи не въ состояніи справиться съ положеніемъ и народъ отшатнулся отъ нея и пошелъ за

крайними теченіями по путямъ развала Россіи, Государыня рѣшительно сознала и высказывала, что жертва, принесенная людямъ отреченіемъ Государя отъ престола, была принесена не народу въ массѣ, не всей странѣ, не дѣйствительной волѣ „земли", а ограниченной кучкѣ увлекшихся общественныхъ и политическихъ дѣятелей, безвольныхъ и безсильныхъ для борьбы съ работавшими за кулисами нѣмецкими агитаторами и большевистскими руководителями.

„Его хотятъ заставить поступить опять не въ интересахъ Россіи, какъ заставили это сдѣлать уже однажды", опредѣленно высказалась Она, когда пріѣхавшій въ Тобольскъ комиссаръ Яковлевъ объявилъ объ увозѣ Царя.

Обстановка, созданная вокругъ Нея въ дни, предшествовавшіе революціи, захватила и Ее, какъ и Царя, и, увлеченная перспективами опасности, которая угрожала Россіи въ случаѣ потери ею способности продолжать міровую войну, и измученная личными переживаніями за участь горячо любимаго человѣка, Она первоначально какъ бы нашла Себѣ нѣкоторое удовлетвореніе и оправданіе въ отреченіи отъ престола, приведшемъ къ прекращенію борьбы за власть въ трагическія минуты государственной жизни и, главное, къ устраненію возможнаго изъ-за Нихъ кровопролитія, которое было неминуемо въ случаѣ борьбы и внутренней гражданской междоусобицы. Она больше всего опасалась такой братоубійственной войны. Но это самооправданіе продержалось очень не долго, только до тѣхъ поръ, пока еще теплилась надежда, что жертва Своей святыней, жертва, отмѣченная Божественнымъ Помазанничествомъ, принесена всему народу, всей землѣ, хотя бы и согрѣшившей противъ своихъ святыхъ завѣтовъ подъ вліяніемъ временнаго духовнаго упадка. Коль скоро эта надежда потеряла всякія основанія и бездна между народомъ и руководителями изъ общественной среды и Государственной Думы предстала передъ Государыней во всей ясности, Она, какъ сильный и мощный по натурѣ человѣкъ, ни минуты не осталась въ прежнемъ заблужденіи и въ полной покорности волѣ Всевышняго Промысла приняла тотъ тяжелый крестъ, который накладывала на Нихъ отвѣтственность за судьбу Богомъ ввѣреннаго Ея Мужу народа, того народа, который вслѣдствіе измѣненія государственнаго строя сталъ на путь страшнаго соблазна уклоненія отъ Христова свѣта, исторически озарявшаго и руководившаго судьбами Рус-

скаго Государства. Слабость временнаго духовнаго искушенія съ Нея спала совершенно и впослѣдствіи Она показала до какого колоссальнаго предѣла самоотреченія и жертвы Она способна была дойти въ задачѣ огражденія святыни Помазанничества, покоившейся на челѣ Ея безгранично любимаго Мужа.

Вся Семья жила въ большой дружбѣ между собою и находила внутри Себя любовь и твердость переживать и съ терпѣніемъ и кротостью переносить наступившія для Нея дни тяжелаго угнетенія и униженія, а порой и оскорбленія. По свидѣтельству приближенныхъ, старшія Великія Княжны поразительно сознательно и мужественно относились къ постигшей Ихъ Родителей перемѣнѣ и преданной любовью и поразительной заботливостью старались Имъ облегчить горечь обидъ и униженій, выпавшихъ на Ихъ долю во время заточенія.

Изъ Дѣтей наиболѣе сильной волею и твердостью характера отличалась Великая Княжна Татьяна Николаевна. Госпожа Битнеръ говоритъ, что „если бы Семья лишилась Александры Федоровны, то „крышей“ для Нея была бы Татьяна Николаевна. Она была самымъ близкимъ лицомъ къ Императрицѣ. Онѣ были два друга. Она и не была взята Государыней при отъѣздѣ изъ Тобольска, такъ какъ на Нее былъ оставленъ Алексѣй Николаевичъ“. А полковникъ Кобылинскій добавляетъ: „Когда Государь съ Государыней уѣхали изъ Тобольска, никто какъ-то не замѣчалъ старшинства Ольги Николаевны. Что нужно, всегда шли къ Татьянѣ: „какъ Татьяна Николаевна“. Это была дѣвушка вполнѣ сложившагося характера, прямой, честной и чистой натуры; въ Ней отмѣчалась исключительная склонность къ установленію порядка въ жизни и сильно развитое сознаніе долга. Она вѣдала, за болѣзнью Матери, распорядками въ домѣ, заботилась объ Алексѣѣ Николаевичѣ и всегда сопровождала Государя на Его прогулкахъ, если не было Долгорукова. Она была умная, развитая; любила хозяйничать и, въ частности, вышивать и гладить бѣлье“.

Великая Княжна Ольга Николаевна представляла собою типичную хорошую русскую дѣвушку съ большой душой. На окружающихъ Она производила впечатлѣніе Своей ласковостью, Своимъ „чарующимъ“, милымъ обращеніемъ со всѣми. Она со всѣми держала Себя ровно, спокойно и поразительно просто и естественно. Она не любила хо-

зяйства, но любила уединеніе и книги. Она была развитая и очень начитанная; имѣла способности къ искусствамъ: играла на роялѣ, пѣла, и въ Петроградѣ училась пѣнію, хорошо рисовала. Она была очень скромной и не любила роскоши. Битнеръ говоритъ: „мнѣ кажется, Она гораздо больше всѣхъ въ Семьѣ понимала Ихъ положеніе и сознавала опасность его. Она страшно плакала, когда уѣхали Отецъ съ Матерью изъ Тобольска". На всѣхъ окружающихъ производило впечатлѣніе, что Она унаслѣдовала больше чертъ Отца, особенно въ мягкости характера и простотѣ отношенія къ людямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Великая Княжна Ольга Николаевна оставляла въ изучавшихъ Ея натуру людяхъ впечатлѣніе человѣка, какъ будто бы пережившаго въ жизни какое-то большое горе. „Бывало Она смѣется, а чувствуется, что Ея смѣхъ – только внѣшній, а тамъ, въ глубинѣ души Ей вовсе не смѣшно, а грустно".

Великая Княжна Марія Николаевна была самая красивая, типично русская, добродушная, веселая, съ ровнымъ характеромъ, привѣтливая дѣвушка. Она любила и умѣла поговорить съ каждымъ, въ особенности съ простымъ человѣкомъ. Во время прогулокъ въ паркѣ вѣчно Она, бывало, заводила разговоры съ солдатами охраны, распрашивала ихъ и прекрасно помнила у кого какъ звать жену, сколько ребятишекъ, сколько земли и т. п. У Нея находилось всегда много общихъ темъ для бесѣдъ съ ними. За свою простоту Она получила въ Семьѣ кличку „Машка"; такъ звали Ее Сестры и Алексѣй Николаевичъ. Говорили, что наружностью и силой Она уродилась въ Императора Александра III-го. И дѣйствительно, Она была очень сильна; когда больному Алексѣю Николаевичу нужно было куда-нибудь передвинуться, Онъ зоветъ: „Машка, неси меня". Она легко Его подымала и несла. Заболѣла Она корью послѣдней изъ Семьи; вслѣдствіе простуды въ историческій вечеръ 27-го февраля болѣзнь Ея приняла особо тяжелую форму, перейдя въ крупозное воспаленіе легкихъ очень сильной степени. Только сильный организмъ Великой Княжны помогъ въ концѣ концовъ побороть тяжелую болѣзнь, но неоднократно положеніе Ея принимало критическое состояніе. Во время ареста Она съумѣла расположить къ Себѣ всѣхъ окружающихъ, не исключая и комиссаровъ Панкратова и Яковлева, а въ Екатеринбургѣ охранники-рабочіе обучали Ее готовить лепешки изъ муки безъ дрожжей.

Великая Княжна Анастасія Николаевна, не смотря на Свои 17 лѣтъ, была еще совершеннымъ ребенкомъ. Такое впечатлѣніе Она производила главнымъ образомъ Своей внѣшностью и Своимъ веселымъ характеромъ. Она была низенькая, очень полная, „кубышка", какъ дразнили Ее Сестры. Ея отличительной чертой было подмѣчать слабыя стороны людей и талантливо имитировать ихъ. Это былъ природный, даровитый комикъ. Вѣчно, бывало, Она всѣхъ смѣшила, сохраняя дѣланно-серьезный видъ. Въ Семьѣ Ее прозвали комичной кличкой—„Швибзъ".

Про всѣхъ Великихъ Княженъ вмѣстѣ полковникъ Кобылинскій говоритъ: „Всѣ Онѣ, не исключая и Татьяны Николаевны, были очень милыми, симпатичными, простыми, чистыми, невинными дѣвушками. Онѣ въ Своихъ помыслахъ были куда чище очень многихъ современныхъ дѣвицъ и гимназистокъ, даже младшихъ классовъ гимназіи".

Любимцемъ всей Семьи, какъ Родителей, такъ и Сестеръ, да и вообще всѣхъ людей, соприкасавшихся съ Царской Семьей во время ареста, былъ Наслѣдникъ Цесаревичъ Алексѣй Николаевичъ. Онъ поразительно располагалъ къ Себѣ всѣхъ Своей непосредственностью, непринужденностью обращенія, привѣтливостью, веселостью и простотой. Даже Янкель Юровскій въ Ипатьевскомъ домѣ проявлялъ къ Алексѣю Николаевичу признаки расположенія и занимался съ Нимъ бесѣдами, или игралъ съ Нимъ въ Его игрушки. Это былъ умный, способный мальчикъ, но по развитію еще совершенный ребенокъ, такъ какъ постоянное болѣзненное состояніе мѣшало Его серьезнымъ занятіямъ и не успѣло развить въ Немъ любви къ ученію и книгѣ.

Чрезвычайно интересную характеристику о Наслѣдникѣ Цесаревичѣ даетъ Клавдія Михайловна Битнеръ, приходившая заниматься съ Нимъ въ Тобольскѣ:

„Я любила больше всѣхъ Алексѣя Николаевича. Это былъ милый, хорошій мальчикъ. Онъ былъ умненькій, наблюдательный, воспріимчивый, очень ласковый, веселый и жизнерадостный, не смотря на свое частое тяжелое болѣзненное состояніе. Онъ былъ способный отъ природы, но былъ немножко съ лѣнцой. Если Онъ хотѣлъ выучить что-либо, Онъ говорилъ: „погодите, я выучу". И если дѣйствительно выучивалъ, то это уже у Него оставалось и сидѣло крѣпко.

„Онъ привыкъ быть дисциплинированнымъ, но не любилъ былого придворнаго этикета. Онъ не переносилъ лжи и не

потерпѣлъ бы ея около Себя, если бы взялъ власть когда либо.

„Въ немъ были совмѣщены черты и Отца и Матери. Отъ Отца Онъ унаслѣдовалъ Его простоту. Совсѣмъ не было въ Немъ никакого самодовольства, надменности, заносчивости. Онъ былъ простъ. Но Онъ имѣлъ большую волю и никогда бы не подчинился постороннему вліянію. Вотъ Государь, если бы Онъ взялъ опять власть, я увѣрена, забылъ бы и простилъ поступки тѣхъ солдатъ, которые Ему были извѣстны въ этомъ отношеніи. Алексѣй Николаевичъ, если бы получилъ власть, этого бы никогда имъ не забылъ и не простилъ, и сдѣлалъ бы соотвѣтствующіе выводы.

„Онъ уже многое понималъ, и понималъ людей. Но Онъ былъ замкнутъ и выдержанъ. Онъ былъ страшно терпѣливъ, очень аккуратенъ, дисциплинированъ и требователенъ къ Себѣ и другимъ. Онъ былъ добръ, какъ и Отецъ, въ смыслѣ отсутствія у Него возможности въ сердцѣ причинить напрасно зло. Въ то же время Онъ былъ бережливъ. Какъ-то однажды, когда Онъ былъ боленъ, Ему подали кушанье общее со всей Семьей, котораго Онъ не сталъ ѣсть потому, что не любилъ этого блюда. Я возмутилась—какъ это не могутъ приготовить ребенку отдѣльнаго кушанья, когда Онъ боленъ. Я что-то такое сказала. Онъ мнѣ отвѣтилъ: „ну вотъ еще. Изъ-за Меня одного не надо тратиться".

„Я не знаю, думалъ ли Онъ о власти. У меня былъ съ Нимъ разговоръ объ этомъ. Я ему сказала; „а если Вы будете царствовать". Онъ мнѣ отвѣтилъ: „нѣтъ, это кончено навсегда". Я ему сказала: „ну, а если опять будетъ, если Вы будете царствовать". Онъ отвѣтилъ мнѣ: „тогда надо устроить такъ, чтобы Я зналъ больше, что дѣлается кругомъ". Я какъ-то Его спросила, чтобы тогда Онъ сдѣлалъ со мной. Онъ мнѣ сказалъ, что Онъ построилъ бы большой госпиталь, назначилъ бы меня завѣдывать имъ, но Самъ пріѣзжалъ бы и „допрашивалъ" обо всемъ—все ли въ порядкѣ. Я увѣрена, что при Немъ былъ бы порядокъ".

Таковы матеріалы, которые изслѣдованіе могло собрать въ періодъ своихъ работъ для установленія дѣйствительной характеристики членовъ Царской Семьи за періодъ Ихъ состояніи въ заключеніи послѣ отреченія Государя отъ престола. Конечно, этими данными не исчерпывается полнота и детальность образовъ трагически погибшихъ Августѣйшихъ Мучениковъ, но онѣ были достаточны слѣдствію, чтобы

согласиться съ общимъ заключеніемъ объ этой Семьѣ, сдѣланнымъ бывшимъ при Арестованныхъ комендантомъ полковникомъ Кобылинскимъ въ своемъ слѣдственномъ показаніи:

„Про всю Августѣйшую Семью въ цѣломъ я могу сказать, что всѣ Они очень любили другъ-друга и жизнь въ Своей Семьѣ всѣхъ Ихъ духовно такъ удовлетворяла, что Они иного общенія не требовали и не искали. Такой удивительно дружной, любящей Семьи я никогда въ жизни не встрѣчалъ и, думаю, въ своей жизни уже больше никогда не увижу“.

Ссылка въ Тобольскъ.

24-го іюля по старому стилю, 6-го августа по новому, въ Царское Село пріѣхалъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ Керенскій. Онъ вызвалъ къ себѣ предсѣдателя мѣстнаго совдепа, предсѣдателя военной секціи Царскосельскаго гарнизона прапорщика Ефимова (офицеръ 2-го полка) и начальника Царскосельскаго гарнизона полковника Кобылинскаго. Керенскій имѣлъ опять очень важный, „конспиративный“ видъ. Чувствовалось, что пріѣхалъ онъ съ какой-то важной цѣлью и раньше, чѣмъ коснуться сути своего пріѣзда, счелъ нужнымъ обратиться къ собраннымъ имъ лицамъ со слѣдующимъ предупрежденіемъ:

Прежде чѣмъ говорить Вамъ что-либо, беру съ васъ слово, что все сказанное далѣе останется секретомъ“.

Присутствовавшіе дали слово.

Тогда Керенскій объявилъ, что по постановленію Совѣта Министровъ, вся Царская Семья будетъ вывезена изъ Царскаго Села; что Правительство не считаетъ это секретомъ отъ „демократическихъ организацій и учрежденій“, и что съ Царской Семьей поѣдетъ въ качествѣ коменданта и начальника охраны полковникъ Кобылинскій. О томъ куда предполагается вывезти Семью, а равно и когда, Керенскій ничего не сказалъ, и вслѣдъ за указаннымъ заявленіемъ попросилъ Кобылинскаго выйти и заперся для веденія какихъ-то „своихъ разговоровъ“ съ предсѣдателемъ совдепа и съ прапорщикомъ Ефимовымъ.

Приблизительно черезъ часъ, переговоривъ съ указанными представителями „демократическихъ организацій“, Керенскій вышелъ. Встрѣтившій его полковникъ Кобылинскій просилъ его указать когда и куда именно будетъ вы-

везена Семья, полагая, что необходимо заблаговременно предупредить Государя и Государыню, чтобы Они могли собраться и уложиться. Керенскій, ничего опять не отвѣчая на вопросъ о мѣстѣ назначенія Царской Семьи, сказалъ, что онъ самъ предупредитъ Семью и отправился во дворецъ.

Въ сущности вопросъ о томъ, какія въ дѣйствительности причины понудили тогдашній составъ Временнаго Правительства принять рѣшеніе о вывозѣ Царской Семьи въ Тобольскъ, до сихъ поръ слѣдуетъ считать открытымъ. Одно можно сказать съ достаточной степенью убѣжденія, что меньше всего въ этомъ рѣшеніи могли играть роль причины, вытекавшія изъ интересовъ самой Семьи и изъ стремленія гуманитарнаго характера, такъ какъ все послѣдующее отношеніе Временнаго Правительства къ Семьѣ, въ періодъ Ея содержанія въ Тобольскѣ, служитъ лишь подтвержденіемъ для обратныхъ выводовъ (лишеніе Семьи средствъ на содержаніе, оставленіе охраны безъ положеннаго содержанія, обыски въ Семьѣ, вызванные пріѣздомъ Маргариты Хитрово, недопущеніе баронессы Буксгевденъ къ Царской Семьѣ, отозваніе Макарова, назначеніе Панкратова и Никольскаго, и т. п.). Значительно позже, уже въ Тобольскѣ, Государыня разсказывала приближеннымъ, что, по разсказу Керенскаго во время его посѣщенія 24-го іюля, перевозка Царской Семьи изъ Царскаго Села въ Тобольскъ была вызвана будто бы опасеніемъ Правительства за безопасность Ея въ настоящемъ мѣстѣ пребыванія. Правительство, говорилъ Керенскій, рѣшило тогда взять более твердый курсъ въ управленіи страной. Но въ то же время оно опасалось, что новый курсъ можетъ повлечь за собою народныя вспышки, съ которыми ему, Правительству, придется бороться вооруженной силой. Опасаясь, что эта борьба „можетъ ударить, такъ сказать, рикошетомъ" по Царской Семьѣ, Правительство и рѣшило выбрать для Нея иное, болѣе спокойное мѣсто для жительства.

Однако даже на Государя и Государыню тогдашнія объясненія Керенскаго произвели впечатлѣніе какой-то недоговоренности и неискренности. Керенскій во время бесѣды былъ очень смущенъ, старался подчеркнуть свою личную почтительность и предупредительность, но такъ и не сказалъ тогда куда же именно Правительство рѣшило перевезти Семью, что заставило думать, что въ то время онъ и

самъ еще не зналъ куда Правительству удастся перемѣстить Арестованныхъ. У Царя и Царицы сложилось мнѣніе, что этотъ переѣздъ диктовался не столько требованіями безопасности для Семьи, сколько необходимостью „ссылки“ Ея по какимъ-то причинамъ, довлѣвшимъ можетъ быть надъ волею и властью Правительства. Нельзя не отмѣтить, что это мнѣніе Государя и Государыни находитъ себѣ подтвержденіе и въ томъ фактѣ, что когда еще въ концѣ апрѣля докторъ Боткинъ обращался къ Керенскому съ указаніемъ, что въ виду состоянія здоровья Дѣтей, Царскую Семью слѣдовало бы перевезти на югъ, въ Крымъ, Керенскій признался ему, что это невозможно сдѣлать *„по независящимъ отъ Правительства причинамъ“*. Тѣмъ болѣе теперь, въ концѣ іюля, Правительство было не свободно въ своихъ рѣшеніяхъ и желаніяхъ.

Керенскій еще нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Царское Село, но по прежнему скрывалъ отъ всѣхъ причастныхъ ко дворцу лицъ, куда предполагается сослать Царскую Семью, и только послѣ двухъ-трехъ настойчивыхъ и убѣдительныхъ приставаній полковника Кобылинскаго, указывавшаго ему, что Семьѣ необходимо это знать, дабы рѣшить какія вещи брать съ собой, наконецъ, отвѣтилъ: „передайте, что надо побольше брать теплыхъ вещей“.

Изъ этихъ словъ Царская Семья и долженствовавшіе сопровождать Ее придворные поняли, что ссылка предстоитъ въ холодные края...

Приблизительно дня за два до отъѣзда Керенскій вызвалъ полковника Кобылинскаго, уже принявшаго на себя обязанности коменданта, и приказалъ ему составить охранный отрядъ, выдѣливъ для него по одной сборной ротѣ отъ 1-го, 2-го и 4-го стрѣлковыхъ полковъ, и назначивъ офицеровъ въ роты. По поводу этого формированія отряда полковникъ Кобылинскій разсказываетъ слѣдующія характерныя подробности:

„Назначеніе нужно было понимать въ то время *въ особомъ смыслѣ*. Конечно, „мы“ назначать уже не могли, такъ какъ разложеніе арміи зашло слишкомъ далеко. Полковой командиръ не игралъ тогда никакой роли; его власть была въ рукахъ полковыхъ комитетовъ. Боясь, что въ офицерскій составъ попадетъ элементъ недостойный, я просилъ Керенскаго разрѣшить мнѣ самому выбрать на каждую роту по 5 офицеровъ, а уже два (это число офицеровъ по-

лагалось на роту) пусть выбираются солдатами. Керенскій съ этимъ согласился. Въ тотъ же день вечеромъ я позвалъ къ себѣ полковыхъ командировъ и предсѣдателей полковыхъ комитетовъ и сказалъ имъ: „предстоитъ секретная и очень важная командировка; мѣсто и цѣль ея мнѣ не извѣстны. Пусть каждый полковой командиръ выберетъ роту въ 48 рядовъ при 2-хъ офицерахъ". Приэтомъ я передалъ составленный мною списокъ офицеровъ, изъ числа коихъ надлежало сдѣлать выборъ. На эти слова командиры полковъ и предсѣдатели полковыхъ комитетовъ 1-го и 4-го полковъ отвѣтили: „слушаю-съ". Предсѣдатель же полкового комитета 2-го полка, конечно, солдатъ, сказалъ мнѣ: „мы уже выбрали. Я знаю какая предстоитъ командировка."

„Откуда же вы можете знать, когда я самъ этого не знаю?"

„Мнѣ говорили „люди". Мы уже выбрали прапорщика Деконскаго."

Этотъ самый прапорщикъ Деконскій былъ раньше въ 4-мъ полку. Когда его рота должна была идти на фронтъ, онъ отказался идти. За это онъ былъ изгнанъ офицерами изъ полка. Это рѣшеніе офицеровъ подтвердили и солдаты 4-го полка. Тогда 2-й полкъ принялъ прапорщика Деконскаго въ свою среду. Уже тогда это былъ несомнѣнный большевикъ.

Когда я услышалъ, что выбранъ именно онъ, я сказалъ предсѣдателю комитета, что Деконскій ни въ коемъ случаѣ не поѣдетъ. Онъ мнѣ отвѣтилъ: „нѣтъ, поѣдетъ". Я принужденъ былъ отправиться къ Керенскому и сказать ему категорически, что если поѣдетъ Деконскій, я не поѣду, что онъ, Керенскій, какъ Военный Министръ, можетъ предупредить эту возможность. Керенскій пріѣхалъ въ Царское, вызвалъ предсѣдателя комитета и пошли у нихъ пререканія. Керенскій стоитъ на своемъ, предсѣдатель отвѣчаетъ Военному Министру: „Деконскій поѣдетъ". Разсердившись, Керенскій прикрикнулъ: „Я вамъ приказываю". Тотъ подчинился и ушелъ. Но когда уже назначенные солдаты узнали, что Деконскій не поѣдетъ, они тоже отказались ѣхать, и благодаря этому, въ составъ попали отъ 2-го полка наиболѣе дурные элементы."

Для сопровожденія Царской Семьи въ ссылку и постояннаго пребыванія при Ней Керенскимъ, кромѣ полковника Кобылинскаго, былъ назначенъ на должность комиссара при

Царской Семьѣ помощникъ комиссара министерства двора, Павелъ Михайловичъ Макаровъ, который самъ себя выдавалъ за соціалистическаго партійнаго дѣятеля, пострадавшаго при прежнемъ режимѣ, а по заключенію генерала Татищева, былъ такимъ же соціалистомъ, какъ и онъ—Татищевъ. Кромѣ того только на время переѣзда до новаго мѣста заключенія представителемъ отъ Государственной Думы былъ назначенъ Вершининъ, а въ качествѣ желѣзнодорожнаго спеціалиста—инженеръ Эртель, который раньше ѣздилъ всегда съ Императрицей Маріей Федоровной. Эртель потомъ проѣхалъ прямо во Владивостокъ съ составомъ Императорскаго поѣзда, что послужило основаніемъ для созданія легенды о вывозѣ Царской Семьи за границу черезъ Дальній Востокъ.

Сверхъ указанныхъ лицъ, Керенскій приказалъ сопровождать Августѣйшую Семью до Тобольска предсѣдателю военной секціи прапорщику Ефимову, который, по доставленіи Семьи въ мѣсто новой ссылки, долженъ былъ вернуться назадъ и сдѣлать докладъ мѣстному совдепу, что Царская Семья дѣйствительно поселена въ мѣстѣ, избранномъ для ссылки, а не вывезена обманнымъ образомъ Правительствомъ куда-либо въ другое мѣсто. Эта командировка и ея задача служатъ характернымъ показателемъ, что въ это время правительственная власть въ Петроградѣ совершенно не пользовалась довѣріемъ низшихъ органовъ власти и массы „товарищей“, которые считали недостаточнымъ не только слово Предсѣдателя Совѣта Министровъ, но и посылку комиссара Макарова и представителя Государственной Думы, и считали необходимымъ имѣть своего соглядатая.

Въ составъ „Отряда Особаго Назначенія“, подъ начальствомъ полковника Кобылинскаго, предназначавшагося не только для сопровожденія поѣзда во время пути, но и для несенія охранной службы при Царской Семьѣ въ новомъ мѣстѣ Ея ссылки, вошли:

начальникомъ хозяйственной части отряда — капитанъ Федоръ Алексѣевичъ Аксюта,

адъютантомъ отряда—прапорщикъ Николай Александровичъ Мундель,

дѣлопроизводителемъ по хозяйственной части—Николай Грельковъ,

отряднымъ врачемъ—Владиміръ Николаевичъ Деревенько.

Офицерами отряда:

1-го полка: прапорщикъ Иванъ Трофимовичъ Зима, прапорщикъ Александръ Владиміровичъ Мѣснянкинъ, (позже Мѣснянкинъ ушелъ и вмѣсто него былъ прапорщикъ Петръ Набоковъ).

2-го полка: прапорщикъ Петръ Семеновъ, прапорщикъ Николай Пыжовъ, прапорщикъ Петръ Матвѣевъ.

4-го полка: подпоручикъ Анатолій Флегонтовичъ Каршинъ, поручикъ Александръ Васильевичъ Малышевъ.

Изъ этого состава только 2-го полка Пыжовъ и Матвѣевъ были элементами опредѣленно отрицательными. Первый былъ произведенъ въ прапорщики изъ старшихъ полковыхъ закройщиковъ „за заслуги передъ революціей", а второй являлся типичнымъ большевикомъ, произведеннымъ въ прапорщики изъ фельдфебелей уже въ Тобольскѣ приказомъ Троцкаго отъ 17-го ноября 1917 года. Всѣ остальные офицеры не внушали опасеній въ смыслѣ благонадежности, а Мундель и Малышевъ заслужили впослѣдствіи общее расположеніе всѣхъ заключенныхъ.

Возстановить полный списокъ нижнихъ чиновъ, вошедшихъ въ первоначальный составъ отряда „Особаго Назначенія", къ сожалѣнію, не удалось, такъ какъ послѣ смѣщенія комиссаромъ Хохряковымъ полковника Кобылинскаго вся канцелярія отряда попала въ руки совѣтской власти и розыскать эти документы не пришлось. Имѣются документальныя свѣдѣнія лишь на слѣдующихъ нижнихъ чиновъ, выступившихъ въ составѣ отряда изъ Царскаго Села:

1-го полка.

Фельдфебель	Платоновъ,	Стар. ун.-оф.	Храмовъ,
Стар. ун.-оф.	Любушинъ,	„ „	Щикуловъ,
„ „	Силаковъ,	„ „	Лемовцовъ,
„ „	Васякинъ,	„ „	Зарудный,
„ „	Мартынюкъ,	„ „	Ширинъ,
„ „	Тарабринъ,	„ „	Муравьевъ,
„ „	Прищенъ,	„ „	Вебендо,
„ „	Мореновъ,	„ „	Усковъ,
„ „	Сладковъ,	Млад. ун.-оф.	Ромашко,
„ „	Трефиловъ,	„ „	Гультяковъ,
„ „	Савинъ,	„ „	Астапчикъ,
„ „	Любушинъ,	„ „	Ткаченко,

Млад. ун.-оф. Гультяевъ,
" " Шацкій,
Ефрейторъ Орловъ,
" Московкинъ,
" Макаровъ,
" Огурцовъ,
" Трофимовъ,
" Кравцовъ,
" Скрынниковъ,
" Лагутинъ,
Стрѣлокъ Молевъ,
" Копанковъ,
" Коробовъ,
" Клыгинъ,
Стрѣлокъ Чащинъ,
" Кудрявцевъ,
" Половниковъ,
" Калиткинъ,
" Кулыгинъ,
" Чумаковъ,
" Полянинъ,
а Кострицынъ,
" Лавреньчукъ,
" Невзоровъ,
" Горшковъ,
" Сорокинъ,
" Поповъ,
" Бобковъ.

2-го полка.

Фельдфебель Пламоновъ,
Стар. ун.-оф. Сорокинъ,
" " Жестковъ,
" " Зацаренко,
" " Злобинъ,
Млад. ун.-оф. Бурковъ,
" " Брацевскій,
Ефрейторъ Олешинъ,
" Курочкинъ,
" Матвѣевъ,
" Плотниковъ,
Стрѣлокъ Красикъ,
" Рысевъ,
" Гартманъ,
" Соколовъ,
" Дюпинъ,
" Картинъ,
" Борисовъ,
" Кирѣевъ,
" Черезовъ,
" Грязновъ.

4-го полка.

Фельдфебель Федотьевъ,
Стар. ун.-оф. Морозовъ,
" " Калашниковъ,
" " Шалыгинъ,
" " Демьяненко,
" " Бордадыновъ,
" " Рѣзвой,
" " Шурдукъ,
" " Вятчинкинъ,
" " Головановъ,
" " Черепаха,
" " Гопанюкъ,
Стар. ун.-оф. Медвѣдевъ,
Млад. ун.-оф. Сильменевъ,
" " Бацевскій,
Ефрейторъ Ежовъ,
Стрѣлокъ Виноградовъ,
" Козаковъ,
" Поддубокъ,
" Гуляевъ,
" Рутовъ,
" Акиншинъ,
" Пиловъ,
" Проценко,

Стрѣлокъ Жуковъ,
„ Козловъ,
Стрѣлокъ Подомригора,
„ Александровъ.

Въ составѣ ротъ 1-го и 4-го полковъ было еще достаточно солдатъ кадроваго состава изъ числа бывшихъ на фронтѣ, въ бояхъ, и признанныхъ по раненіямъ негодными для полевой службы, но представлявшихъ остатки былыхъ, хорошихъ людей, дисциплинированныхъ и преданныхъ Царю. Къ сожалѣнію, въ мартѣ 1918 года послѣдовало распоряженіе совѣтской власти объ увольненіи со службы людей всѣхъ старшихъ возрастовъ, вслѣдствіе чего большинство этихъ хорошихъ элементовъ, являвшихся надежными унтеръ-офицерами въ ротахъ, было уволено въ запасъ, а на смѣну ихъ пришли молодые солдаты, безъ воинскаго духа и дисциплины, изъ распущенныхъ и развращенныхъ запасныхъ батальоновъ Петроградскаго округа.

Къ маю 1918 года Отрядъ Особаго Назначенія насчитывалъ 208 человѣкъ. Въ бумагахъ комиссара Хохрякова была найдена требовательная вѣдомость на отпускъ содержанія „Гвардейскому Отряду Особаго Назначенія“, датированная 12 маемъ. Вѣдомость эта адресована „Председателю Тобольского Совета Р. С. и Кр. Депутатов и Комиссару по перевозке оставшейся семьи бывшего царя т. Хохрякову“. Изъ содержанія ея видно, что въ отрядѣ въ указанное время состояли слѣдующіе люди:

Рота Гвардіи 1-го Стрѣлковаго Резервнаго полка.

Чумакъ, Антонъ,
Лебедевъ, Іосифъ,
Макушинъ, Иванъ,
Бѣлоусовъ, Несторъ,
Макаровъ, Алексѣй,
Шеповаловъ, Гавріилъ,
Жигай, Федоръ,
Мусихинъ, Максимъ,
Мосинъ, Василій,
Овсянниковъ, Никифоръ,
Голотенко, Николай,
Апрошко, Михаилъ,
Логвинчукъ, Владиміръ,
Рюмикъ, Болеславъ,
Іевлевъ, Дмитрій,
Ведешовъ, Фролъ,
Тарасовъ, Алексѣй,
Павловъ, Максимъ,
Константиновъ, Василій,
Бороденко, Григорій,
Бестужевъ, Павлинъ,
Ющенко, Феодосій,
Корытько, Сергѣй,
Мироновичъ, Максимъ,
Халезовъ, Иванъ,
Клыгинъ, Андрей,
Конопковъ, Георгій,
Ивановъ, Павелъ,
Сенкевичъ, Болеславъ,
Новиковъ, Василій,

Салопаевъ, Алексѣй,
Кодоренко, Николай,
Гринкинъ, Михаилъ,
Кобелевъ, Андрей,
Овсюковъ, Василій,
Сухановъ, Николай,
Шумковъ, Игнатій,
Екимовъ, Семенъ,
Куимовъ, Филиппъ,
Гуляевъ, Иванъ,
Борвенко, Карпъ,
Кохинъ, Иванъ,
Бобковъ, Иванъ,
Поповъ, Василій,
Есинъ, Филиппъ,
Зорькинъ, Алексѣй,
Малыхинъ, Егоръ,
Орловъ, Кузьма,
Полянинъ, Иванъ,
Филипповъ, Константинъ,
Будрикъ, Викторъ,
Горшковъ, Герасимъ,
Михайловъ, Григорій,
Кравченко, Ефимъ,
Ивановъ, Егоръ,
Киреевъ, Илья,
Тарасовъ, Варфоломей,
Щеголевъ, Павелъ,
Медвѣдевъ, Никита,
Кочановъ, Илья,
Аникинъ, Иванъ,
Русскихъ, Михаилъ,
Евдокимовъ, Григорій,
Богомятковъ, Иванъ,
Садыринъ, Иванъ,
Якимовъ, Иванъ,
Лозаковъ, Иванъ,
Набоковъ, Петръ.

Рота Гвардіи 2-го Стрѣлковаго Резервнаго полка.

Матвѣевъ, Петръ,
Ткаченко, Никифоръ,
Карпенко, Павелъ,
Гладиковъ, Василій,
Казинъ, Семенъ,
Бацевскій, Іосифъ,
Пономаревъ, Иванъ,
Бучневъ, Иванъ,
Федосеевъ, Гавріилъ,
Злобинъ, Григорій,
Щербининъ, Илья,
Глуховъ, Иванъ,
Поддубикъ, Василій,
Локтюшинъ, Никифоръ,
Егоровъ, Павелъ,
Саблинъ, Степанъ,
Шахворостовъ, Евгеній,
Половниковъ, Иванъ,
Кучукъ, Андрей,
Борисовъ, Яковъ,
Саукровъ, Иванъ,
Липатниковъ, Андрей,
Сорокинъ, Андрей,
Тумовскій, Андрей,
Осиповъ, Алексѣй,
Дураковъ, Василій,
Гусевъ, Александръ,
Холомцевъ, Николай,
Сорокинъ, Степанъ,
Остапчикъ, Максимъ,
Процей, Павелъ,
Красавинъ, Михаилъ,
Морозовъ, Александръ,
Павловъ, Якимъ,
Невзоровъ, Василій,
Галактіоновъ, Григорій,
Мироновъ, Степанъ,
Алышевъ, Николай,
Высоцкій, Петръ,
Воронцовъ, Георгій,

Алехинъ, Иванъ,
Заборскій, Кузьма,
Ларинъ, Яковъ,
Гартманъ, Иванъ,
Бѣловъ, Алексѣй,
Лакаевъ, Павелъ,
Балашенокъ, Петръ,
Кострица, Федоръ,
Шикуновъ, Филиппъ,
Стрѣльцовъ, Алексѣй,
Худаевъ, Иванъ,
Макуринъ, Николай,
Бикъ, Осипъ,
Якимъ, Никаноръ,
Трошкинъ, Александръ,
Динтула, Лаврентій,
Яковлевъ, Аркадій,
Игнатенко, Дмитрій,
Кизиловъ, Сергѣй,
Кустовъ, Кузьма,
Кравцовъ, Иванъ,
Рысевъ, Дмитрій,
Рудниченко, Илья,
Акиншинъ, Евсей,
Ушаковъ, Василій,
Виноградовъ, Анатолій,
Шумаковъ, Григорій,
Киреевъ, Иванъ,
Земковъ, Василій,
Протасовъ, Федоръ,
Корбъ, Янъ,
Хотька, Александръ,
Филатовъ, Захаръ,
Кондратенко, Викторъ,
Самсоновъ, Иванъ,
Шутовъ, Мокей,
Кашинъ, Александръ,
Дюпинъ, Филиппъ.

Рота Гвардіи 4-го Стрѣлковаго Резервнаго полка.

Алешкинъ, Андрей,
Самсоновъ, Алексѣй.
Дмитріевъ, Петръ,
Купріяновъ, Тимофей,
Ивановъ, Иванъ,
Таракановъ, Иванъ,
Зарудный, Михаилъ,
Проценко, Василій,
Максимочкинъ, Михаилъ,
Медвѣдевъ, Василій,
Костыревъ, Федоръ,
Федченко, Николай,
Бородавка, Василій,
Тетенькинъ, Николай,
Диковъ, Панкратъ,
Морозовъ, Осипъ,
Комиссаровъ, Михаилъ,
Лобановъ, Михаилъ.
Ежовъ, Егоръ,
Казаковъ, Михаилъ,
Исаевъ, Борисъ,
Крюковъ, Иванъ,
Колесниченко, Иванъ,
Гурьевъ, Николай,
Дорофеевъ, Александръ,
Полухинъ, Василій,
Виненко, Максимъ,
Казанскій, Степанъ,
Брагинъ, Ефимъ,
Коноваловъ, Федоръ,
Оселецъ, Кириллъ,
Карташевъ, Иванъ,
Гаврилинъ, Игнатій,
Шабалинъ, Афанасій,
Матвѣевъ, Михаилъ,
Левицкій, Григорій,
Гопанюкъ, Александръ,
Силеменевъ, Захаръ,
Бабуринъ, Григорій,
Козловъ, Максимъ,

Лутиковъ, Алексѣй,
Бороновъ, Александръ,
Леоновъ, Николай,
Кроковякъ, Игнатій,
Ямъ, Янъ,
Павленко, Василій,
Донцовъ, Степанъ,
Федоровъ, Михаилъ,
Волковъ, Иванъ,
Пыжовъ, Василій,
Шурукъ, Дмитрій,
Бардадиновъ, Константинъ,
Дунаевъ, Алексѣй,
Варфоломеевъ, Яковъ,
Черезовъ, Константинъ,
Абросимовъ, Иванъ,
Рѣзинкинъ, Панкратъ,
Гольцовъ, Петръ,
Лупинъ, Петръ,
Леушинъ, Иванъ,
Филоновъ, Михаилъ,
Михайловъ, Павелъ.

Изъ той же требовательной вѣдомости, а равно и изъ другихъ Хохряковскихъ документовъ видно, что до марта мѣсяца включительно, предсѣдателемъ отряднаго комитета состоялъ Киреевъ Иванъ, а товарищемъ его Матвѣевъ Петръ. Но съ апрѣля мѣсяца предсѣдателемъ сталъ Матвѣевъ, а Киреевъ занялъ мѣсто его товарища. Секретаремъ комитета былъ Бобковъ Иванъ, а членами—Колесниченко Иванъ и Таракановъ Иванъ. Предсѣдателями ротныхъ комитетовъ состояли: Чумакъ Антонъ, Локтюшинъ Никифоръ и Дорофеевъ Александръ; членами—Лебедевъ Іосифъ, Макушинъ Иванъ, Овсянниковъ Никифоръ, Ямъ Янъ, Ивановъ Иванъ, и Донцовъ Степанъ. Должности взводныхъ командировъ занимали: Бѣлоусовъ Несторъ, Гуляевъ Иванъ, Шикуновъ Филиппъ, Карпенко Павелъ, Гладиковъ Василій, Пономаревъ Иванъ, Федоровъ Михаилъ, Шурцукъ Дмитрій, Гаврилинъ Игнатій и Матвѣевъ Михаилъ, а членами хозяйственнаго комитета были: Бестужевъ Павлинъ, Ющенко Феодосій, Якимовъ Иванъ, Остапчикъ Максимъ, Самсоновъ Алексѣй и Павленко Василій. Основной окладъ жалованія до марта включительно составлялъ 50 рублей, а потомъ—150 рублей въ мѣсяцъ на человѣка; перечисленныя выше должностныя лица получали увеличенные оклады содержанія: Матвѣевъ 300 рублей, предсѣдатели ротныхъ комитетовъ по 250 рублей, взводные—по 200 руб.

Всѣ эти детали состава охраннаго отряда имѣютъ тѣсную связь съ условіями жизни и содержанія Царской Семьи въ Тобольскѣ, а потому изслѣдованіе и считаетъ необходимымъ ихъ отмѣчать. Въ этомъ отношеніи особое значеніе пріобрѣтаетъ составъ отряда до марта мѣсяца 1918 года, т.-е. до времени появленія въ Тобольскѣ комиссаровъ Хо-

хрякова и еврея Заславскаго, и послѣ этого срока, что необходимо будетъ учитывать при ознакомленіи съ событіями, развертывавшимися въ періодъ заключенія Августѣйшихъ узниковъ въ Тобольскѣ.

Только въ день формированія охраннаго отряда Керенскій наконецъ объявилъ, что Семья будетъ перевезена въ Тобольскъ и что отъѣздъ состоится вечеромъ 31-го іюля по старому стилю. До отъѣзда оставалось, слѣдовательно, всего дня два—три. Наканунѣ отъѣзда Онъ снова пріѣхалъ въ Царское Село и, обходя назначенныя въ составъ отряда роты, напутствовалъ ихъ слѣдующими словами:

„Вы несли охрану Царской Семьи здѣсь. Вы же должны нести охрану и въ Тобольскѣ, куда переводится Царская Семья по постановленію Совѣта Министровъ. Помните, лежачаго не бьютъ. Держите себя вѣжливо, а не по хамски. Довольствіе будетъ выдаваться по Петроградскому округу. Табачное и мыльное довольствіе натурой. Будете получать суточныя деньги“.

Съ этой рѣчью Керенскій объѣхалъ 1-й и 4-й полки. Когда же полковникъ Кобылинскій, сопровождавшій его, напомнилъ ему, что онъ забылъ заѣхать во 2-й полкъ, Керенскій отвѣтилъ: „ну ихъ—къ чорту“, и такъ и не поѣхалъ. Необходимо вообще отмѣтить, что люди 2-го полка, назначенные въ роту охраны, были поставлены въ худшія условія по сравненію съ людьми, выдѣленными изъ 1-го и 4-го полковъ. Въ то время какъ полковое начальство и комитеты этихъ послѣднихъ озаботились одѣть людей съ иголочки и обильно снабдили ихъ обмундированіемъ, бѣльемъ и прочими предметами экипировки, солдаты 2-го полка, вообще худшіе по своимъ моральнымъ свойствамъ, вслѣдствіе разрухи, существовавшей въ управленіи полкомъ, были въ грязной, потрепанной одеждѣ, старомъ плохомъ обмундированіи и кое-какъ экипированы. Впослѣдствіи, въ Тобольскѣ, это создало въ рядахъ роты 2-го полка особенно благопріятную почву для болѣе успѣшнаго воспріятія солдатами большевистской агитаціи и способствовало скорѣйшему развращенію и разложенію этой части Отряда Особаго Назначенія.

Самому начальнику отряда, полковнику Кобылинскому, на прощаніе Керенскій напомнилъ: „Не забывайте, что это бывшій Императоръ; ни Онъ, ни Семья ни въ чемъ не должны испытывать лишеній“. Однако, какъ будетъ видно

впослѣдствіи, это были только громкія, но пустыя слова. Верховная власть того времени постепенно теряла почву подъ ногами. Въ концѣ концовъ чувствуя, что за удержаніе власти приходится начинать борьбу съ усилившимися крайними теченіями, Правительство Керенскаго, быть можетъ искренно желая лучшей участи для арестованной Семьи, и рѣшило вывезти Ее изъ слишкомъ безпокойной и опасной зоны политической борьбы въ тихое, спокойное мѣсто, гдѣ Она не будетъ постоянно привлекать вниманія крайнихъ элементовъ. Но выполнить даже и такое скромное желаніе въ настоящемъ видѣ оно уже не смогло и было въ состояніи удалить Царскую Семью изъ Царскаго Села только подъ условіемъ ссылки въ Сибирь, создавъ тѣмъ самымъ второй этапъ агоніи Августѣйшимъ заключеннымъ въ неизбѣжномъ пути къ конечному, кошмарному и мученическому вѣнцу въ Ипатьевскомъ домѣ.

Какъ было сказано выше, первое сообщеніе Керенскаго Царской Семьѣ о предстоящемъ переводѣ Ея на жительство въ другой пунктъ произвело на Государя и Государыню впечатлѣніе чего-то неискренняго, недоговариваемаго. Ихъ Величества объясняли Себѣ это тѣмъ, что рѣшеніе о перемѣщеніи Царской Семьи являлось для Правительства Керенскаго не добровольнымъ, а вынужденнымъ, и Керенскому не хотѣлось въ этомъ признаться, почему онъ и былъ такъ смущенъ и неестественъ. Тѣмъ не менѣе всѣ во дворцѣ предполагали, что Семья будетъ перевезена въ Крымъ, о чемъ еще раньше были разговоры между докторомъ Боткинымъ и Керенскимъ. Вся Семья любила Крымъ и періоды пребыванія въ Крыму Она считала самыми лучшими и счастливыми въ Ея жизни. Поэтому Дѣти отнеслись первоначально къ извѣстію о предстоящей перемѣнѣ въ Ихъ жизни съ нѣкоторой радостью и удовлетвореніемъ, тѣмъ болѣе, что жизнь въ Крыму сулила больше спокойствія въ смыслѣ удаленія отъ центра безпокойнаго революціоннаго очага, гдѣ постоянно приходилось жить подъ впечатлѣніемъ возможности повторенія событій конца февраля.

Но вотъ дня черезъ три полковникъ Кобылинскій принесъ во дворецъ извѣстіе, полученное отъ Керенскаго, что Семья должна запастись возможно большимъ количествомъ теплой одежды. Тогда всѣмъ стало ясно, что мѣстомъ новаго заключенія избранъ не Крымъ, а какой-то совсѣмъ другой, холодный край—сѣверъ Европейской Россіи или Сибирь.

Всѣмъ стало также ясно, что предстоявшая Имъ перемѣна носитъ характеръ не перемѣщенія, а ссылки, ссылки со всѣми ея послѣдствіями.

У всѣхъ сжалось сердце тоской, предчувствіемъ...

Дѣти въ этотъ день вечеромъ, простившись на ночь съ Родителями, горько плакали у Себя въ Своей комнатѣ. Теперь боль разлуки съ Царскимъ Селомъ почувствовалась сильнѣе, чѣмъ казалась при мысли о переѣздѣ въ Крымъ. Жуть о невѣдомомъ грядущемъ и больше всего жуть за Отца прокрадывалась въ Ихъ души. Они чувствовали опредѣленно, что Царскаго Села больше никогда не увидятъ...

Въ этотъ вечеръ Родители тоже долго пробыли вмѣстѣ у Себя, тихо бесѣдуя. О чемъ?.. Никто не знаетъ и не узнаетъ никогда.

„Мы готовы все перенести, если это нужно для блага Россіи", говорили Они. Но эта ссылка... нужна ли она для блага Россіи?

И горячая, убѣжденная вѣра въ волю Всевышняго Творца, вѣроятно, успокаивала Ихъ сердца, утоляла Ихъ страстную жажду блага любимой Родинѣ, яснымъ отвѣтомъ... Значитъ, нужна!

На другой день, собирая и укладывая Свои вещи, Государь и Государыня обратили Свое главное вниманіе на то, чтобы взять съ Собой въ предстоявшую Имъ далекую и суровую ссылку все то, что было Имъ особенно цѣнно и дорого, какъ реликвіи Ихъ религіознаго пониманія Своего служенія Богу и Единородному Его Сыну Христу. Все, что было у Нихъ изъ этой области Ихъ святыни, все до мельчайшаго пузырька со Святой водой, вѣточки, вывезенной изъ Святого мѣста, все было Ими захвачено съ собой въ новое мѣсто заключенія, и все это было впослѣдствіи собрано въ Екатеринбургѣ во время слѣдственнаго производства, какъ брошенное, не представлявшее цѣнности для изувѣровъ религіи *Лжи*.

Въ смиреніи передъ волей Всемогущаго Небеснаго Отца, Государь и Государыня нашли въ Себѣ ясный, тихій, свѣтлый лучъ утѣшенія увидѣть Самимъ и внушить Своимъ Дѣтямъ и сопровождавшихъ Ихъ въ новую ссылку близкимъ людямъ, что жизнь въ этомъ далекомъ, невѣдомомъ и холодномъ Тобольскѣ является заманчивой и желательной, такъ какъ дастъ Имъ возможность еще болѣе насладиться тепломъ и уютомъ Своего семейнаго очага. Они утѣшали

приближенныхъ искреннимъ увѣреніемъ, что жизнь въ Тобольскѣ при современныхъ обстоятельствахъ представляется Имъ болѣе соотвѣтственной Ихъ положенію, чѣмъ жизнь въ Царскосельскомъ роскошномъ Александровскомъ дворцѣ, гдѣ всѣ окружающіе привыкли къ совершенно другому режиму, чѣмъ тотъ, которымъ подобаетъ Имъ жить теперь. Но и Они, какъ и Дѣти, ясно чувствовали, что разстаются съ Царскимъ Селомъ навсегда.

30-го іюля, въ день рожденія Наслѣдника Цесаревича, по просьбѣ Царской Семьи, во дворецъ была доставлена изъ Знаменскаго Собора особо почитаемая Августѣйшей Семьей чудотворная икона Знаменія Божіей Матери и передъ ней былъ отслуженъ молебенъ, какъ по случаю Семейнаго праздника, такъ и напутственный передъ предстоявшей далекой дорогой.

Передъ самымъ началомъ службы во дворецъ пріѣхалъ тогдашній командующій Петроградскимъ военнымъ округомъ поручикъ Кузьминъ въ сопровожденіи никому неизвѣстнаго полковника и какого-то штатскаго типа, чрезвычайно грязно одѣтаго, съ грязными немытыми руками и лицомъ, но который держалъ себя однако чрезвычайно развязно, какъ съ самимъ командующимъ войсками, такъ и со встрѣчавшимися чинами охраны. Этотъ штатскій всѣмъ протягивалъ свою грязную руку и каждому представлялся: „Позвольте представиться. Тоже сидѣлъ въ крестахъ.“ Подъ предлогомъ повѣрки караула, Кузьминъ со своими спутниками явился во дворецъ и, спрятавшись въ комнатѣ, обращенной дверью въ корридоръ, имѣлъ терпѣніе цѣлый часъ ждать пока кончится служба, чтобы хотя бы издали посмотрѣть на Царскую Семью, когда Она будетъ возвращаться съ молебна корридоромъ къ Себѣ наверхъ.

31-го іюля, въ день, назначенный для отъѣзда, въ 11 часовъ вечера, во дворецъ пріѣхалъ Керенскій. Поѣздъ съ Царской Семьей долженъ былъ отойти въ часъ ночи на 1-е—14-е августа, но рабочіе Петроградскаго паровознаго депо, узнавъ для какой цѣли требуются паровозы, отказывались выпустить ихъ изъ депо, и до 5 часовъ утра Керенскому, Макарову, Вершинину и Эртелю пришлось убѣждать рабочихъ подчиниться распоряженію Правительства и выпустить паровозы.

Керенскій, придя во дворецъ и узнавъ, что вся Царская Семья уже готова и въ сборѣ, позвалъ Кобылинскаго и сказалъ ему:

„Ну, теперь поѣзжайте за Михаиломъ Александровичемъ. Онъ у Бориса Владиміровича.“ Это была просьба Государя, хотѣвшаго проститься съ Братомъ, которую Керенскій нашелъ возможнымъ исполнить. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не счелъ возможнымъ разрѣшить Императрицѣ проститься съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ. Трудно понять, чѣмъ руководствовался въ данномъ случаѣ Керенскій, тѣмъ болѣе, что все его отношеніе къ Государынѣ въ этотъ прощальный вечеръ совершенно не гармонировало съ этимъ отказомъ.

„Я поѣхалъ“, разсказываетъ Кобылинскій, „въ автомобилѣ. Тамъ я засталъ Бориса Владиміровича, какую-то даму, Михаила Александровича съ супругой и Его секретаря, англичанина Джонсона. Втроемъ (кромѣ шофера), т.-е. Михаилъ Александровичъ, Джонсонъ и я поѣхали въ Александровскій дворецъ. Джонсонъ остался ждать въ автомобилѣ. Михаилъ Александровичъ прошелъ въ пріемную комнату, гдѣ были Керенскій и дежурный офицеръ. Втроемъ они прошли въ кабинетъ, гдѣ былъ Государь. Я остался въ пріемной. Въ это время вбѣжалъ въ пріемную Алексѣй Николаевичъ и спросилъ меня: „Это дядя Мими пріѣхалъ“? Я сказалъ, что пріѣхалъ Онъ. Тогда Алексѣй Николаевичъ попросилъ позволенія спрятаться за дверь: „Я хочу Его посмотрѣть, когда Онъ будетъ выходить“. Онъ спрятался за дверь и въ щель глядѣлъ на Михаила Александровича, смѣясь, какъ ребенокъ, своей затѣѣ. Свиданіе Михаила Александровича съ Государемъ продолжалось всего минутъ 10. Затѣмъ Онъ уѣхалъ“.

Керенскій самъ опредѣлилъ штатъ придворныхъ и прислуги, которые должны были сопровождать Царскую Семью и оставаться при Ней въ Тобольскѣ. Онъ все время, предшествовавшее отъѣзду, проявлялъ предупредительность и старался выполнять всякія мелкія пожеланія членовъ Царской Семьи. Въ вечеръ отъѣзда онъ чувствовалъ себя какъ-то особенно безпокойно и много суетился, стараясь быть исключительно любезнымъ и милымъ. Прощаясь съ Царской Семьей, онъ усиленно повторялъ, что Семья ни въ чемъ не должна испытывать лишеній, что внутренняя Ихъ жизнь въ Тобольскѣ должна быть обставлена такъ же, какъ и въ Царскомъ, что для этого личныя средства Ихъ Величествъ остаются въ Ихъ полномъ распоряженіи. Откланиваясь Ихъ Величествамъ, Керенскій, какъ всегда, поцѣловалъ протяну-

тую ему руку Государыни, а Государю сказалъ: „до свиданія, Ваше Величество“.

Наконецъ инцидентъ съ паровозами былъ улаженъ и въ 5 часовъ утра автомобили подали къ подъѣзду. Въ первый сѣли Керенскій съ Кобылинскимъ. Слѣдомъ за ними въ одномъ автомобилѣ вся Царская Семья. Ее эскортировалъ нарядъ конныхъ драгунъ 3-го Прибалтійскаго полка, держа карабины, упертыми прикладами въ колѣни. Поѣздъ былъ поданъ на Александровскую платформу Варшавской желѣзной дороги. На перронѣ платформы никого кромѣ отъѣзжавшихъ не было. Когда всѣ вошли въ вагоны, на платформѣ остался провожающимъ одинъ Керенскій. Онъ махнулъ Эртелю рукой и поѣздъ медленно тронулся въ путь. Было безъ десяти минутъ 6 часовъ утра 1-го—14-го августа.

Такъ Мудростью Всевышняго Промысла, руководившей дѣйствіями людей вопреки ихъ свободной волѣ, *путь агоніи Царской Семьи направлялся къ тому великому служенію Помазанника Божья своему народу „до конца“, который можетъ явиться свѣточемъ къ воскресенію Великой Державной Россіи во Христѣ.*

Приложеніе.

ОТЪ ВРЕМЕННАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Граждане!

Временный Комитетъ членовъ Государственной Думы, при содѣйствіи и сочувствіи столичныхъ войскъ и населенія, достигъ въ настоящее время такой степени успѣха надъ темными силами стараго режима, который дозволяетъ ему приступить къ болѣе прочному устройству исполнительной власти.

Для этой цѣли Временный Комитетъ Государственной Думы назначаетъ министрами перваго общественнаго кабинета слѣдующихъ лицъ, довѣріе къ которымъ страны обезпечено ихъ прошлой общественной и политической дѣятельностью:

Предсѣдатель Совѣта Министровъ и министръ внутреннихъ дѣлъ князь Г. Е. Львовъ.
Министръ иностранныхъ дѣлъ П. Н. Милюковъ.
Министръ военный и морской А. И. Гучковъ.
Министръ путей сообщенія Н. В. Некрасовъ.
Министръ торговли и промышленности А. И. Коноваловъ.
Министръ народнаго просвѣщенія А. А. Мануйловъ.
Министръ финансовъ М. И. Терещенко.
Оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Сѵнода Вл. Львовъ.
Министръ земледѣлія А. И. Шингаревъ.
Министръ юстиціи А. Ф. Керенскій.

Въ своей настоящей дѣятельности кабинетъ будетъ руководиться слѣдующими основаніями.

1) Полная и немедленная амнистія по всѣмъ дѣламъ политическимъ и религіознымъ, въ томъ числѣ террористическимъ покушеніямъ, военнымъ возстаніямъ и аграрнымъ преступленіямъ и т. п.

2) Свобода слова, печати, союзовъ, собраній и стачекъ, съ распространеніемъ политическихъ свободъ на военнослужащихъ въ предѣлахъ, допускаемыхъ военно-политическими условіями.

3) Отмѣна всѣхъ сословныхъ, вѣроисповѣдныхъ и національныхъ ограниченій.

4) Немедленная подготовка къ созыву на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія Учредительнаго Собранія, которое установитъ форму правленія и конституцію страны.

5) Замѣна полиціи народной милиціей съ выборнымъ начальствомъ, подчиненнымъ органамъ мѣстнаго самоуправленія.

6) Выборы въ органы мѣстнаго самоуправленія на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія.

7) Неразоруженіе и невыводъ изъ Петрограда воинскихъ частей, принимавшихъ участіе въ революціонномъ движеніи.

8) При сохраненіи строгой воинской дисциплины въ строю и при несеніи военной службы, устраненіе для солдатъ всѣхъ ограниченій въ пользованіи общественными правами, предоставленными всѣмъ остальнымъ гражданамъ. Временное правительство считаетъ своимъ долгомъ присовокупить, что оно отнюдь не намѣрено воспользоваться военными обстоятельствами для какого-либо промедленія по осуществленію вышеизложенныхъ реформъ и мѣропріятій.

2-го марта 1917 года.

Предсѣдатель Государственной Думы М. Родзянко.
Предсѣдатель Совѣта Министровъ князь Львовъ.
Министры: Милюковъ, Некрасовъ, Коноваловъ, Мануйловъ, Терещенко, Вл. Львовъ, Шингаревъ, Керенскій.

ОТЪ ИСПОЛНИТЕЛЬНАГО КОМИТЕТА СОВѢТА СОЛДАТСКИХЪ И РАБОЧИХЪ ДЕПУТАТОВЪ.

Товарищи и граждане!

Новая власть, создающаяся изъ общественно-умѣренныхъ слоевъ общества, объявила сегодня о всѣхъ тѣхъ реформахъ, которыя она обязуется осуществить частью еще въ процессѣ борьбы со старымъ режимомъ, частью по окончаніи этой борьбы. Среди этихъ реформъ нѣкоторыя должны привѣтствоваться широкими демократическими кругами: политическая амнистія, обязательство принять на себя подготовку Учредительнаго Собранія, осуществленіе гражданскихъ свободъ и устраненіе національныхъ ограниченій.

И мы полагаемъ, что въ той мѣрѣ, въ какой нарождающаяся власть будетъ дѣйствовать въ направленіи осуществленія этихъ обязательствъ и рѣшительной борьбы со старой властью, демократія должна оказать ей свою поддержку.

Товарищи граждане! Приближается полная побѣда русскаго народа надъ старой властью. Но для побѣды этой нужны еще громадныя усилія, нужна исключительная выдержка и твердость. Нельзя допускать разъединенія и анархіи. Нужно немедленно пресѣкать всѣ безчинства, грабежи, врыванія въ частныя квартиры, расхищеніе и порчу всякаго рода имущества, безцѣльные захваты общественныхъ учрежденій. Упадокъ дисциплины и анархія губятъ революцію и народную свободу.

Не устранена еще опасность военнаго движенія противъ революціи. Чтобы предупредить ее, весьма важно обезпечить дружную согласованную работу солдатъ съ офицерами. Офицеры, которымъ дороги интересы свободы и прогрессивнаго развитія родины, должны употребить всѣ усилія, чтобы наладить совмѣстную дѣятельность съ солдатами. Они будутъ уважать въ солдатѣ его личное и гражданское достоинство, будутъ бережно обращаться съ чувствомъ чести солдата. Съ своей стороны солдаты будутъ помнить, что армія сильна лишь союзомъ солдатъ и офицерства, что нельзя за дурное поведеніе отдѣльныхъ офицеровъ клеймить всю офицерскую корпорацію. Ради успѣха революціонной борьбы надо проявить терпимость и забвеніе несущественныхъ проступковъ противъ демократіи тѣхъ офицеровъ, которые присоединились къ той рѣшительной и окончательной борьбѣ, которую вы ведете со старымъ режимомъ.“

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Цѣна 2 руб. 50 коп. зол.

Весь доходъ съ настоящаго изданія поступаетъ въ пользу „Очага одинокихъ бѣженокъ-подростковъ". (Стар. Харбинъ, Фуражная, 44).

Складъ изданія:

1) Харбинъ — Старый городъ, Фуражная, 44.
2) Харбинъ — Новый городъ, книгоиздательство «Русское Дѣло».

Типографія Военной Академіи.